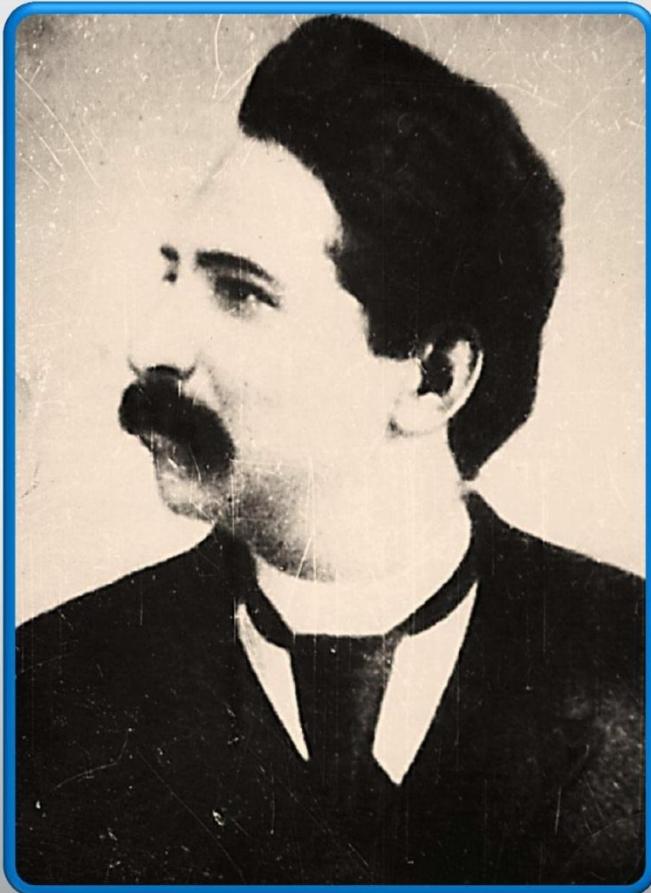

ISSN 2226-3586

Литературно-художественный журнал

ПЯТЬ СТИХИЙ

№ 3/4 [45/46] ММХХII

АРКАДИЙ КОЦ

Выходит при содействии Союза писателей России

ISSN 2226-3586

Литературно-художественный журнал

ПЯТЬ

СТИХИЙ

Творчество без лишнего пафоса

*Устав от пресной чепухи,
Как в море, ухажу в стихи я –
Ведь эта пятая стихия
Просторней остальных стихий.*

Игорь Царёв

№ 3/4 [45/46] – ММХХII

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- **Елизавета Хагланова (Макеевка)** –
И. о. главного редактора
- **Ирина Бауэр (Донецк)**
- **Иван Волосюк (Балашиха)**
- **Андрей Икрин (Алупка)**
- **Марк Некрасовский (Луганск)**

- **Художник: Г. Н. Иванова**

Издаётся с ноября 2010 года.

12+ В соответствии с законом «О
средствах массовой информации»
Донецкой Народной Республики
от 29 июня 2015 года.

Работы и отзывы о журнале принимаются на п/я: 5stih@bk.ru

ё – Ёфицированное издание

Журнал «Пять стихий»
является лауреатом премии
Союза писателей России

«СЛОВО» – 2020

В НОМЕРЕ:

I. Пятая стихия

Людмила Дегтяренко – 4
Андрей Икрин – 7
Иван Нечипорук – 10
Анна Токарева – 14
Елизавета Хапланова – 17
Евгений Харитонов – 20

II. Союзники

Владимир Макаренков – 24

III. Стихия прозы

Дмитрий Воронин – 30
Дмитрий Игнатов – 33
Сергей Москвитин – 48
Владимир Кречетов – 58
Андрей Пучков – 65

IV. Гостиный двор

«Литера» – 86
Александр Коковихин – 87
Алевтина Сагирова – 90
Геннадий Смирнов – 93
Алексей Черепанов – 96

V. Стихия поэтики

Владимир Спектор – 100
И. А. Черняев – 104
Нина Ищенко – 122

VI. Фестиваль

Надежда Акушко – 130
Владимир Демидов – 136
Людмила Зубарева – 139
Игорь Исаев – 143
Ирина Савченко – 146
Анна Титова – 149
Виталий Шлабович – 151

VII. Территория детства

Аркадий Коц – 154
Николай Михеев – 158

Иллюстрации рубрик – Г. Иванова;
художественные заставки – С. Каплун

150 лет со дня рождения Аркадия Яковлевича Коца (1872–2010)

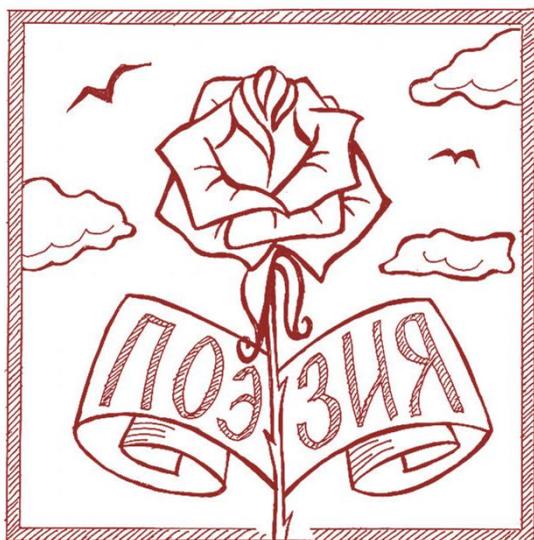

Дорогие друзья! В этом году исполнилось 150 лет со дня рождения Аркадия Коца. К сожалению, круглая дата осталась без внимания, несмотря на то, что Аркадий Яковлевич был одним из первых представителей пролетарской поэзии, чья жизнь была связана с Донбассом, это первый шахтёр-поэт нашего края и первое литературное имя Горловки...

Возможно, Донбассу сейчас не до литературных юбилеев, тем не менее, в библиотеках проводятся тематические книжные выставки, виртуальные экскурсии музеев регулярно появляются в социальных сетях!..

Редакция журнала «Пять стихий», чтобы привлечь внимание к этому юбилею, посвящает данный выпуск издания памяти Аркадия Яковлевича Коца.

Также запланированный сборник пролетарской поэзии, посвящённый памяти А. Я. Коца, хоть и с опозданием, но обязательно увидит свет.

ПЯТАЯ СТИХИЯ

ЛЮДМИЛА ДЕГТЯРЕНКО

Родилась в городе Горловка. Окончила Горловский институт иностранных языков и затем Донецкий национальный университет. 22 года работала в Горловском институте иностранных языков и затем в Крымском федеральном университете. Стихи начала писать в годы учёбы в институте. Публиковалась в периодической печати, коллективных сборниках, литературных альманахах.

***

Мерно жизнь качает колыбель с дитятей,
На дубовой лавке мёда ковш стоит.
Васильково поле стелется пред хатой,
И в окно открытое жёлтый шмель летит.

У прогретой лужи распластались гуси,
Покрывает белый гомон тихий двор.
Заплетает в косу хлебные колосья
Свет, что с неба льётся тёплым молоком.

Пряжу разбирая, сторбилась старуха,
Вьётся под перстами жизнь веретеню.
Глухо в жарком мареве колокол вздыхает,
Пьёт горячий полдень васильковый мёд.

***

Музыка белых миражей растаявшей осени
Теплится в каждом обрывке фраз утомлённого солнца,
Берег минувшего и берег грядущего скрыты туманами,
Ветер прокладывает мост ввысь над ними.

Музыка белых миражей растревоженной памяти
Каплет прозрачной слезой на опавший лист,
Яблочный аромат звучит сонатою
В стынущем бархате сброшенных одежд.

***

Спаси и помилуй мя, Господи,
Усопши рабы упокой,
У тихой сей пристани – холодно,
И снегом покрыт голос мой.

Припала душа ко Спасению,
Былое настигнуто тьмой,

Но светится дух, и ко бдению
Очищен уж ветром вздох мой.

***

Опять трава, и снова лето будет.
В саду, как прежде, яблони цветут.
Всё прошлое бесстрастно жизнь рассудит,
Останется лишь дум избитый путь.

Ушло из памяти что – завтра, и что – прежде,
Вчера или потом – размыта грань.
Есть этот миг, и я ловлю с надеждой
День, исчезающий в таинственную длань.

***

Век новый – век вчерашний
Раскрыл объятия, полные измен,
И переполненная чаша
Извергнет ложь на горе всем.

Расплавлен день, и слышны хоры,
Неизъяснимых Божьих вех...
В моей душе опять не скоро
Наступит долгожданный свет.

***

Берег, буря, брызги, Бригантина.
Парус плыл привольно при луне.
Утро утомительно-уныло,
Тлен туманов тает там, в волне.

Утоли тоску уставших далей
Бред борьбы с безумием стихий.
Бег белёсых вод бескрайней,
Безоглядной бездны дний.

***

Ты, тропинка моя, мороженка,
И куда мой путь устремила ты?
В светло поле пшеницей засеяно,
В густы рощи, шумящи над озером.

Ой ты, сердце моё, беспокойное,
Ты куда мои крылья расправило?

В сине небо разлитое озером,
В белы облаки, стаяй летящие.

Вы, глаза мои, солнце зрящи,
Вы взгляните в озёра синие –
Очи Божии, и проникните
В Град невиданный, Света исполненный,
Град невиданный – Град хрустальный.

***

Было то во граде древнем,
Дионисий со сынами
Храм писали, снежно-белый,
Вдохновенными мазками.

Чуть касаясь, кисть ложится
Оживляя чистый камень,
И дрожащий свет струится
Серебря седины тайны.

В глубине живой палитры
Лик рождается из красок
Солнца, радуги небесной,
Синевы озёр и сказок.

Из весеннего разлива
Вышла нежность вездесущей,
Богородица явилась
В зелени садов цветущих.

Подмастерье – бледный мальчик,
Стоя, тихо чтёт акафист
Рождества Пречистой Девы.
На стене играет зайчик.

Бестелесными крылами
Обмахнув небесный купол,
Вьётся Ангел над прозрачной
Простотой, согретой духом.

Было то во граде древнем,
Дионисий со сынами
Жизнь писали вдохновенно
Чудотворными штрихами.

АНДРЕЙ ИКРИН

Родился в 1971 году в городе Горловка. Окончил Донецкий государственный технический университет. Работал на шахте им. К. А. Румянцева, в ШСМУ № 9. Стихи начал писать в школьные годы. С 1988 года печатается в периодических изданиях и альманахах. Литературную закладку получил в студии «Рубикон» (1988-1991гг.). С 1992 года является постоянным членом Горловского литературного объединения «Забой». С 2000 по 2005 год – заместитель председателя литературного объединения «Забой» по поэзии. Публиковался в периодической печати, литературных альманахах, коллективных сборниках и журналах. С 2014 года живёт в Крыму. Лауреат поэтического фестиваля "Чеховская осень" 2018. Член ЛитО авторов Донбасса «Стражи весны» и Союза писателей Республики Крым. Член редколлегии журнала «Пять стихий».

ПАМЯТИ ВИКТОРИИ ПОЛЯКОВОЙ

I

Моих друзей смолкают голоса,
Всё пропадает медленно во мраке,
Тепло не успевая разделить,
Запишут в пиззофреники, собаки!
Жизнь пешки, словно тоненькая нить...
Где волосы, улыбка и глаза?
Стихи, наивные мечты и планы?..
Нас в бездну поглотившая война
Разрушила и разбросала странно.
Теперь стирает наши имена...

II

Когда сыграет музыкант,
Солистка допоёт...
Я был влюблён в её талант,
Но только не в неё.
Её я имя повторял
По десять раз на дню.
Пускай твердят, что умерла,
Её талант люблю.

ЛУЧ

Весна опять покоя не даёт:
Цветёт, волнует, радует, встречает,
И мысль влечёт в безумия полёт,
И тает рафинадом в чашке чая.

И хочется лететь на встречу ей,
И нежность лепестков ловить в объятья,
И хочется не думать о войне,
И правду тщетно средь неправд искать я
Не буду, просто больше не хочу,
Подставлю руку тёплому лучу.
Ты научи как жить меж гроз и туч,
Весну дарящий сердцу добрый луч.

ЗА ОКНОМ

За окном –
митинги и споры,
За окном –
жулики и воры,
За окном –
новые столицы,
Новых стран
новые границы.
За окном –
страшно, беспокойно,
За окном –
катастрофы, войны,
За окном –
столько изменений,
А душа всё полна сомнений.
За окном
– новая эпоха,
А в душе
– все, как прежде, –
ПЛОХО.

***

Душа, закройся и молчи
О том, что за окном творится.
Опять не будет алычи,
Зима не отдаёт позиций.

В рутинной шелухе искать
Свою единственную ноту.
Стихи не пишутся, опять
Поспишь и снова на работу.

Весь мир несётся кувырком,
А ты не успеваешь снова.
Молись, душа, свернись клубком,
Не в силах вымолвить ни слова...

АЛЕКСАНДРУ ЛИТВИНОВУ

Ты ждал друзей, всё верил, что придут,
Но постучался в двери только ветер...
Ненужность и бесправность, неуют –
Всё это ты прошёл на этом свете.
А в доме только ты и тишина,
Вид на небо прекрасен так и светел...
О, эта невозможная страна,
Опять никто поэта не заметил!
Пришла беда и стала новым днём,
Нам не сыграешь блюз дождя на флейте.
О, блудный сын, в Отечестве своём,
Ты пел своё, ты всё кричал: – Убейте!

***

Смотри,
Как явью становятся сны,
Услышь
Раскатистый гром тишины,
Познай
Радость творческих мук,
Лети
На крыльях своих рук,
Прочти
Тома ненаписанных книг,
Порви
Ещё не родившийся стих,
Смеются
Пусть над тобой дураки,
А ты –
Пойди всему вопреки.

ДОНБАССКАЯ РУЛЕТКА

Придётся врать, что не кулак, что ветка
До крови разукрасила лицо...
Закрутится донбасская рулетка,
Живущих превращая в мертвецов.

Придётся жить, увы, вдали от дома,
Забросить всё и выйти из игры,
Нас разбросало по краям разлома...
А в Горловке бомбят мои двory.

ИВАН НЕЧИПОРУК

Коренной горловчанин. Шахтёр с 20-летним стажем. Выпускник Горловского института иностранных языков и Славянского педагогического университета (филфак, заочно). Заместитель председателя правления Межрегионального союза писателей, член СП России и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Автор нескольких поэтических, прозаических и публицистических книг. Учредитель журнала «Пять стихий». Публицистику и прозу подписывает только псевдонимом И. А. Черняев.

НА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЕ

На Светлой седмице мир тонет в цвету
И в запахе сладко-терновом,
Что хочется мир охватить на лету:
Ведь птичью приняв суету-маету,
Весна примеряет обновы.

Казалось бы, счастью преград больше нет,
Апрельскому дню на потребу
Снисходит на землю безропотный свет...
Лишь чёрные полосы – след от ракет –
Царапают синее небо.

НОЧЬ С АПРЕЛЯ НА МАЙ

(Горловский сонет)

Как в полусне, сознание парит.
Всё врёт судьба, хоть вроде мягко стелет,
Я вне себя десятую неделю,
И к звёздам рвётся нерождённый крик...
Забывчивав последний день апреля,
Я первый майский кофе заварил.

А город содрогается в ночи,
И остывает в чашечке эспрессо.
Там, над Глубокой*, дымная завеса
И воздух обречённостью горчит.
Моей весны безрадостная пьеса
Трепещет, словно язычок свечи...

Гул сотрясает небо без умолку,
И робкий май шагает по осколкам.

Глубокая* – крайний микрорайон Горловки на линии соприкосновения.

ИЮНЬ

Слава Богу, мы дожили до июня!
Май растаял восковой свечой.
Есть проблемы, но они не в счёт.
Светит мне ресничка новолуныя,
И акаций аромат течёт.

Всё, что есть, – смиренно принимаю,
Отметая скорбный свод потерь.
И небес мерцающая твердь
Возглашает, что любовь земная
Не желает больше верить в смерть.

ПРИШЁЛ ИЮНЬ

Пришёл июнь, рождается жара,
Цветёт чубушник в раненых дворах.
И нет надежды на дожди и грозы.
А по следам за мною ходит страх,
Который знает – это не игра,
А вынужденный шаг к метаморфозам.

Но тишина рептилией в жару,
Подставив спину солнцу поутру,
В себя вбирает умиротворенье.
На миг забыв войны порочный круг,
Мне верить очень хочется: «А вдруг
Продлится это хрупкое мгновенье!»

ДОЖДЛИВЫЙ ПОЛДЕНЬ

Мне шепчут тучи притчи над рекой,
В которую ныряют колокольни.
Стрижам и чайкам под дождём привольно,
А город празден в этот час лихой.

Над мостовой шуршащий шум машин
Плывёт и утопает в хлипких липах.
И слышен грай крылатых архетипов,
Их криками намокший сквер пропит.

Благоухают кущи бузины,
По тротуарам капли бьют морзянку,
Пищат синицы, тенькают зарянки,
Не разбираясь в отзвуках войны.

Фатальность стала главной из примет,
Здесь кофе пьют под рокот канонады.
И с раздраженьем никакого сладу,
Когда надежд на безмятежность нет.

РАССВЕТ

Пока Венеры томный взор остыл,
Мои желанья сдержанно просты,
Когда окраины легкоранимы,
Я вижу с безмятежной высоты,
Как всходит солнце в дыме коксохима,
Как распускается рассвет неумолимо
Над куполом насыщенно-густым,
Перетекая через блокпосты...

И в этот миг мне хочется уже
Смотреть, как мир июньский порыжел,
Уткнувшись в чабрецы и молочаи.
А ветер в безрассудном кураже
Врывается в зарю, не замечая,
Что будет день, по-прежнему отчаян,
Сражаться на невидимой меже...
Без злобы, без огня, без новых жертв.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ ИЮНЯ

(Горловский сонет)

Елене Н.

Нет, не закончился июнь!
У нас с тобою день в запасе,
И мы идём по пыльной трассе,
Пока рассвет предельно юн,
Туда, где у песчаных дюн,
Залив озёрный так прекрасен.

Где жизнь бурлит во весь накал,
Где ивы распустили пряди,
Разносится над водной гладью
Черноголовых чаек гвалт,
Где мир почти что мирным стал,
И преисполнен благодати.

И только сердце кровоточит
От боли отгремевшей ночи.

ЛОВЛЮ НАДЕЖДЫ

А я весною этой обездолен,
И ощущаю в стылом сердце пустоту.
Как лепестки ловлю надежды на лету,
И грежу о родной земле до боли:
Не хочется ни сакур, ни магнолий,
Увидеть бы, как абрикосы зацветут.

Не хочется морской волны камлання,
Залитых солнцем гор в чужой стране...
Мечтаю я о новом светлом дне,
Когда прохладной утреннею ранью
Увижу я на грани мироздания,
Как зеленеют терриконы по весне.

ВЕТЕР

Воспитанность у ветра не в чести –
Ревёт и мечет, словно сумасшедший,
Сметая все преграды на пути,
Как птица Рух над городом летит,
Рвёт крыши с перекопанных коттеджей.

Не в силах удержаться, чтоб не взвыть
Проспекты стонут кронами акаций,
И плачут ранним золотом листвы...
А ветер гнёт деревья, как ковыль,
Муштрует нас, и учит не сдаваться.

НА ЗАРЕ

Смотри, какая чистая заря,
Какие облака парят над крышами!
Сочатся: пряный запах октября,
Оттенки мёда, меди, янтаря.
И тополя едва-едва колышутся.

Туман осел в низине луговой,
И счастье льётся с голосами птичьими.
Осенний город просто сам не свой
От Божьей красоты над головой,
Ликует, как дитя, забыв приличия.

АННА ТОКАРЕВА

Родилась в 1956 году. Живёт в городе Егорьевске Московской области. Окончила Московское областное культурно-просветительное училище. По образованию библиотечарь. Стихи пишет с детства. Печата-лась в коллективных сборниках, литературных жур-налах. Лауреат нескольких поэтических конкурсов. Награждена знаком Губернатора Рязанской области «125 лет со дня рождения Сергея Есенина», медалью имени Ивана Бунина, дипломом МОО СП России «За верное служение отечественной литературе». Стихи переведены на болгарский и кумыкский языки. Автор двух поэтических книг: «Рябина в меду», «От одиночества до счастья». Член Союза писате-лей России с 2004 года.

ВИНА

Ночная птица – трень да трень.
Апрельский дождь по крыше хлещет.
Берёз качающихся тень
В окне затюленном трепещет.

Гоню бессонницу из глаз
И нежусь в ласковой постели...
А в это время на Донбасс
Ракеты смерти полетели.

Вновь солнце начало сиять,
И небо ласково бездонно.
А где-то в Горловке опять
Убита «Градами» Мадонна.

За ад Одессы по весне,
За пепел, смерть Ясиноватой,
За вопль и шёпот на войне
Себя считаю виноватой.

Изводит горькая вина,
Отгнём на сердце пламенея.
Я покаяния полна
За то, что хлеб и кров имею.

***

Мы по воронкам прошлых лет
Шагали, головы не прятаяв.
Скажи мне, небо, дай ответ—
Зачем ты снова плёшь раскаты,

Грозисься выдать нам суму,
Лишить и хлеба, и обнови?
Признайся, небо, почему
Ты вновь воинственно сурово?

Мы знали с детства: мирно жить –
Для всех великое богатство.
За что пытаешься лишить
Славянский мир объятий братства?

Изба и хата вновь в дыму.
Над ними аисты унылы.
Лютует зверь, сгущает тьму
И множит братские могилы.

ЗВОН

В годину жутких потрясений,
Когда безумствовала гнусь,
Писал восторженно Есенин:
«Звени, звени золотая Русь».

И Русь звенела – то цепями,
То пеньем вольных Божьих птиц,
То золотыми куполами,
Нещадно скинутыми ниц.

За лихолетьем – лихолетье,
А Русь по-прежнему звенит:
Звенят монеты, пули, плети,
И русский меч, и русский щит.

Звенит призыв по всей юдоли:
«Вперёд! За Родину! Не трусь!»
Держись, звени на ратном поле,
Врагом не сломленная Русь!

СНЫТЬ

Корни твои беспощадно рублю,
Злюсь, негодную, но всё же – люблю!
Ты меня учишь бороться, не ныть,
Злостный сорняк – жизнестойкая сныть.

Эх, достаётся тебе поделом.
Ты же на зло отвечаешь теплом:

Новою зеленью вкусных листов,
Кружевом белых ажурных цветов.

Сколько в тебе и смиренья, и сил!
Сколько беззлобия к тем, кто губил!
Знаю, что буду тобой прощена,
Я и сама всепрощенья полна.

ТРАВА БЛАГОУХАННАЯ

Мне нравятся названия
Зелёных трав, цветов:
Вечерница, журавельник,
Купырь, черноголов,

Нивянка и овсяница,
Сердечник и жабрей,
Букашник и купальница,
Пустырник и кипрей...

Таинственные, добрые,
Волшебные слова,
Смекалка в них народная,
Находчивость жива.

Трава благоуханная,
Тобой не надышусь –
И я не безымянная:
Анютою зовусь.

Одно нас греет солнышко,
Озябших поутру,
Мы клонимся без колышка
На яростном ветру.

Топчите – нас не вытоптать,
Косите – отрастём,
Пытайте-ка – не выпытать,
Где силу мы берём.

Спроси козлородника –
Молчание в ответ.
Россия – наша Родина,
И в этом весь секрет!

ЕЛИЗАВЕТА ХАПЛАНОВА

Родилась 17 февраля 1977 г. в Макеевке. Член Союза писателей России, Правления Межрегионального союза писателей, Славянской литературно-художественной академии (Болгария), и.о. председателя Донецкого регионального отделения МСП, руководитель городского литобъединения им. Николая Хапланова. Автор поэтических и художественно-публицистических книг, публикаций в литературных журналах ближнего и дальнего зарубежья. Редактор-составитель ряда литературно-художественных альманахов. Главный редактор альманаха «Литературная Макеевка», и.о. главного редактора журнала «Пять стихий». Лауреат литературных премий «Гранатовый браслет», им. О. Бишарева, им. «Молодой Гвардии», им. О. Герасимова, им. М. Матусовского.

МОЙ БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

*Памяти Хапланова Вениамина Васильевича,
Хапланова Христофора Васильевича и
Беспалова Павла Степановича...*

Играла скрипка на краю села, –
Весна над Старобешево цвела! –
И музыка была её вольна,
Покуда в дом не ворвалась война.

Встал Христофор Хапланов в полный рост.
...Хоть к скрипке он душой давно прирос,
Но в час решающий сменил на автомат:
Был музыкант, а стал – простой солдат.

На фронт рванул и брат, Вениамин.
Хлебнул он бед, глотал он горький дым...
И если бы не вышел из огня,
То, может быть, и не было б меня.

Но возвратился он с чужой земли –
Вернее, на носилках привезли.
Стонал мой дед в горячечном бреду.
Кричал: «Вперёд!», хрипел сквозь боль: «Дойду!...»

Я и сегодня слышу этот бой.
И рвусь в атаку, дедушка, с тобой.
И вижу, словно много лет назад,
Горящий под ногами Сталинград.

...Путь Павла был, наверно, предрешён.
Он юношею Финскую прошёл,
Но мер не знает гадина-война
И к Павлу в дом опять пришла она.

Расправив плечи, встал в привычный строй
Беспалов Павел – русский рядовой.
Он смерти много раз смотрел в глаза,
И верила в бойца его Казань.

И каждый дом, любая чья-то мать
Молились Богу, продолжая ждать.
...И Саша, что прабабушка моя,
Ждала, когда вернутся сыновья.

В её дому орудовал фашист.
А снег лежал, как первозданный лист.
И баба Саша прямо босиком
Для внуков тайно шла за угольком.

Была бесстрашной бабушка моя.
Как всей страны герои-сыновья!
...Утих пожар, сражений грохот смолк.
Вернулись деды – мой Бессмертный Полк.

НЕ ПОДВЕДИ

*Сапёрам, работающим
в центре Донецка этой ночью...*

Будь осторожен, мальчик.
Мина хитра и алчна.
Не подведи, родимый, -
Взгляда не отводи...
Воздух смертельно-чёрный.
Сапёры, что в улье пчёлы.
Час неисповедимый
В траур Донецк рядит.

Шаг – и ещё отметка:
Зорко, надёжно, метко
Трудишься разводящим
Беды своей рукой.
Будь осторожен, мальчик.
Тикает сердце-датчик.
В самых глубоких чащах
помни, что ждут домой...

За световой полоской
Следуешь чётко, жёстко.
Чтобы остаться целым,
Хватит ли фонаря?..
Город застыл в молитве,
Ты продолжаешь битву.
А за земным пределом
Звёзды и сны горят.

Ночь на 31.07.2022

ДОНЕЦКОЕ ВРЕМЯ

Ветер южный подует в лицо,
Словно в детстве, взъерошит
Причёску, душу...

«Золотое кольцо»*,

Где много прохожих, –
Словно точка, ориентир
Для отсчёта вехи...
А война это тот же тир,
Для стрелка – потеха.
Будь что будет. Играем в судьбу.
О щекотке страха
Не поведаем никому.
Страх – «кот наплакал»!

Притуплённых эмоций дым...
Ясность и твёрдость взора.
Тёплый ветер. Холодный тыл.
И каждый – в дозоре...

* Торговый комплекс в центре Донецка

ВЕРНИСЬ ИЗ РАЗВЕДКИ

*Саше «Космосу» и всем,
кто ушёл в разведку...*

Которые сутки? Я сбился со счёта.
Сжимаются зубы, строчу пулемётом.
И падаю в неба зелёную жижу...
Эх, Санька, неужто тебя не увижу?

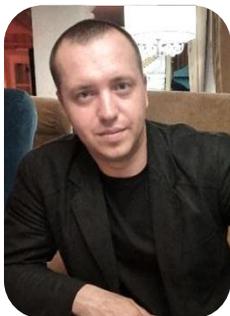
Ушёл в боевые – и сотые сутки
Гоню я сомненья, тоску, предрассудки.
...И вновь поднимаюсь и зло, и свирепо.
Мне рано, дружище, в спокойное небо.

Тогда, уходя на свои «боевые»,
Очки у меня ты забыл... И впервые
Мне жутко смотреть как на стёклах в оправе
Всё копится пыль... Не очки ты оставил, –

А веру мою крепко держишь в прицеле.
Эх, Санька, дружище, вернулся бы целым...
Пусть видеться будем с тобою мы редко,
Но только вернись из далёкой разведки!

Которые сутки не знаю покоя...
А земли Донбасса всё кроет и кроет –
Снарядами, болью, запёкшейся кровью...
Сыновней любовью... Солдатской судьбою...

ЕВГЕНИЙ ХАРИТОНОВ

Родился и живёт в г. Белгороде. Член союза литераторов Белгородской области при БРОО «Союз писателей России». Лауреат Всероссийских и Международных литературных конкурсов. Публиковался в журналах: «Берега», «День и ночь», «Краснодар литературный», «Крым», «Звезда Востока», «Александръ», «Северо-Муйские огни», «Южная звезда», «Таврия литературная», «Бийский Вестник», «Наша Молодёжь», «Белая скала», «Сибирский Парнас», «Причал», «Ротонда», «Метаморфозы» и мн. др. Автор книги «Абрикосовая осень».

ВЕСНА НА «АЗОВСТАЛИ»

Притих скворец, опять пугаясь взрыва.
Хоть май расцвёл, его не ловит взгляд.
Глокает смерть людей без перерыва
И день, и ночь, нещадно, всех подряд.

Косым дождём снаряды захлестали,
Вскрывая норы подлого врага.
Который день мы бьём по «Азовстали»
Да так, что гарь впитали облака.

Да так, что глотку режет привкус серы,
А звон в ушах во веки не унять.
«В атаку, братья!» – крикнут офицеры, -
«И чтоб не смели нынче умирать!»

И мы идём, за метр цепляясь каждый,
В расход пуская весь боеприпас,
С одной простой мечтой, чтоб однажды
Вдохнул свободно наш родной Донбасс!

СОВЫ

Кончился день и зажмурилось небо,
Месяц явился босой.
Звёзды, на землю скатившись нелепо,
Станут под утро росой.

Звери закрыли дома на засовы,
Чтоб не случилась беда.
Лишь, от бессонницы мучаясь, совы
В ночь улетят из гнезда.

Будут кружить над землёю в дозоре,
Крыльями черпая тишь.

Греза найти в этом чёрном просторе
Тоже неспящую мышь.

РАЗГОВОР С РОССИЕЙ

Я не вправе Россию за что-то винить,
Для неё что ни день – испытания.
У какого креста мне колени склонить,
Чтоб твои прекратились страдания?

Что у Господа мне для тебя попросить
В час, когда моя жизнь обесточит?
Прошептала она: «Пусть он сможет простить
Тех, кто смерть мне веками пророчит».

АЛАЯ ЗАРЯ

Спиной упёршись в дверь сарая,
Смотрю на алую зарю.
Быть может это свет из рая,
В который я не воспарю.

А может адский жар поленьев
Увидеть я сейчас посмел?
Упал от страха на колени,
Молюсь, хоть раньше не умел.

ЗАПАДУ

Ваши руки, по локти кровавые,
Не отмыть до скончанья времён.
Все народы, большие и малые,
Словно воды весенние талые,
Мы в единый кулак соберём.

И сметём вас бурлящим течением,
Преподав, как и прежде, урок.
У России есть предназначение -
Мир спасти, потому что с ней Бог!

МЕЧТА

А мне бы солнца в день ненастный
И ветра северного в тишь.
Закатом алым любоваться
В калейдоскопе звёздных крыш.

И жить с надеждой на хорошее
И слепо верить день за днём,
Что, несмотря на наше прошлое,
Мы век спокойно доживём.

ПРЕДАТЕЛИ

Один сказал: «Да что мне эта Рашка?» -
Собрал узлы и двинул за кордон.
Таким, как он, хрустящая бумажка -
Давно уже и Родина, и дом.

Другой подлец, войны боясь до дрожи,
Сыскал в себе покорного слугу.
Предав свой род, он лезет вон из кожи,
Чтоб быть полезным чем-нибудь врагу.

А сколько их ещё среди нас томится,
Пригретых на груди святой Руси?
И нам осталось только лишь молиться,
Чтоб Бог помог страну от них спасти.

ВОЗРОЖДЕНИЕ РУСИ

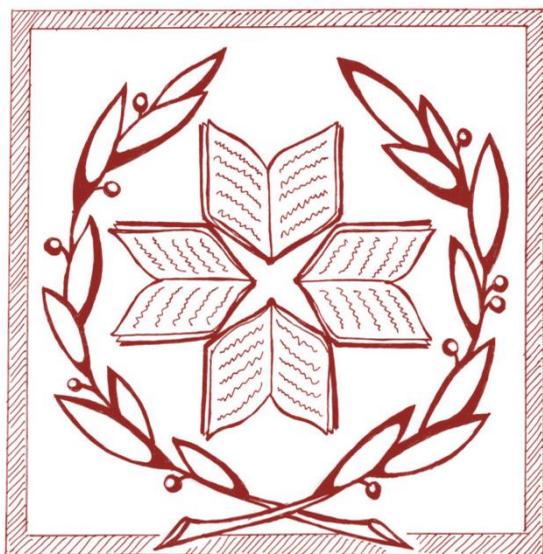
Бес ликует, а ангелы мечутся,
Наблюдая у Божьих ворот,
Как собралось опять человечество
Уничтожить свой собственный род.

Я не верю в судьбу и в пророчество,
И о карме гадать не берусь.
Просто знаю, когда всё закончится -
Возродится Великая Русь!

СТАРИК

Стал старик перед храмом и крестится,
В небеса посылая мольбы.
Всё, что нажил, в кармане поместится,
Ни семьи, ни друзей, ни избы.

В офицерском изношенном кителе,
Прикрывающем сгорбленность плеч,
У порога духовной обители
Просит Бога Россию сберечь.

СОЮЗНИКИ

ВЛАДИМИР МАКАРЕНКОВ

Поэт, публицист. Родился в 1960 году в Смоленске. Окончил МЭИ. Служил в армии, работал в НИИ и на заводе, служил в пенитенциарной системе, полковник внутренней службы в отставке. Публикуется в центральных и региональных журналах и альманахах, антологиях, коллективных сборниках и др. периодических изданиях. Автор 8 книг стихотворений, публицистической книги «Тюремные записки». Лауреат литературных премий: им. А. Т. Твардовского, им. М. В. Исаковского, им. Н. И. Рыленкова, «Навстречу дню» им. Б. Корнилова, Южно-

Уральской литературной премии. Председатель Смоленского регионального отделения Союза российских писателей с 2004 г. Член Союза журналистов РФ, ответственный секретарь газеты 144-й гвардейской мотострелковой Ельнинской Краснознаменной, ордена Суворова дивизии. Главный редактор литературного альманаха «Под часами». Живёт в Смоленске.

ДНЕПРОВСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Память крепко хранит всё, что было вчера;
Гром войны, боль народного горя.
Песня мира летит от истоков Днепра
Белой чайкой до Чёрного моря.

Не по воле славян полыхает война.
Миру – мир! Свят народ-победитель.
Плещут воды Днепра, за волною волна:
«Русь жива! Жив Владимир-святитель!»

Песня мира зовёт к православной любви,
Вспоминает о мудрости князьей,
О великой земле на славянской крови,
О бесстыжей коварности вражьей.

С песней мира летит от Смоленских ворот
Боль моя за тебя, Украина!
Мы с одних берегов, мы – днепровский народ.
Славянин, ты услышь славянина!..

КАКОЕ СЧАСТЬЕ БЫТЬ СЕГОДНЯ РУССКИМ!

Как ангельские крылья у виска,
затрепетали мысли, сжалось сердце
в день «Z», когда российские войска
на Украину двинули гвардейцев.

И раскололись надвое умы
от столкновенья лжи и правой силы.

На всей планете нет такой страны,
чтобы была правдивее России.

И погранный великий русский мир
воспрянул и пошёл к народу-брату,
спасенье от бандеровской чумы
доверив верно русскому солдату.

«Z – за победу!» - краской на броне.
«V – сила в правде», а не в громе пушки.
Чего стесняться и бояться мне?
Какое счастье быть сегодня русским!

Я ЗАЩИЩУ С ОРУЖИЕМ СВОБОДУ!

Я внук и сын солдата, мой земляк,
Громя фашизм в Европе, в сорок пятом
Установил победный красный флаг
В Берлине над поверженным Рейхстагом.

Я сам пошёл по дедовым стопам –
Служить в российской армии народу.
Я никому Россию не отдам!
Я защищу с оружием свободу!

Меня поймут любимая и мать,
Я Родине сердечно дал присягу.
Не нужно мне в бою напоминать –
Я сам себе сказал – «Назад ни шагу!»

Мы праведно сражаемся с врагом,
Как русские богатыри в былине.
Несём и словом правды, и огнём
Свободу от нацизма Украине.

ПИСЬМО ВОИНУ СПЕЦОПЕРАЦИИ НА ДОНБАССЕ И УКРАИНЕ

Сынок, прости, что, может, фамильярно
к тебе я обращаюсь в грозный час,
когда судьба свершается фатально,
как будто нет уж жизни про запас.

Ты воин, сын великого народа,
а для меня пожившего – сынок.
Осилишь ли, вернувшись из похода
уоставшим, глубину отцовских строк?

По сводкам министерства обороны
я представляю здесь, как жарко там,
где бункеры и вражьи гарнизоны
расставлены засадно по лесам.

Я в новостях смотрю, как украинцы
крушат Донбасс, как входят в мирный дом
разнузданные националисты,
чтобы себя прикрыть живым щитом.

Сегодня на свои телеэкраны
приветственно смотрела вся страна,
как раненым вручали генералы
за мужество и доблесть ордена.

И я подумал, сколько нужно силы
иметь в душе, чтоб выполнить приказ,
не опозорить воинство России
и стать живым щитом для мирных нас.

Воюй, сынок, так, чтобы все фашисты
во всех земных краях и всех времён
запомнили, что русские плечисты,
отлупят всех, кто лезет на рожон.

Хоть ложь и взорвалась медийной миной,
Хоть мир и зашатался на корню,
Ещё спасибо скажет Украина,
А я сейчас «Спасибо!» говорю.

СЕГОДНЯ ЗАПРОСТО СОЙТИ С УМА

Сегодня запросто сойти с ума,
с позиции весны на мир взирая.
В разгаре Украинская война,
и может грянуть третья мировая.

Весенних птиц не слышно, только гром
в сверканье раскалённого эфира.
Две половины мира бьются лбом
и в мире больше нет иллюзий мира.

А между тем тихонько сходит снег,
проходит заморозка зимней боли.
Земля с испугом смотрит: «Человек,
я так устала от пролития крови».

На посевную сходятся враги,
Надев броню, как смертные наряды.
И вспахивают землю не плуги,
А бешеные мины и снаряды.

***

По ветру с выси перья драные летят.
Вершится новая мифическая битва.
Сложились грудкою во времени лета.
Зверинным рёвом заглушается молитва.

И люди видят то, что им другие врут.
Хоть слепы все вдали, да кажется – правдивы.
А по земле проходит огненный редут,
Где все уже погибли, если даже живы.

Во всей вселенной есть один лишь островок,
Где можно спрятаться от жёлтых революций.
Там лично с каждым разговаривает Бог.
Не называй тот островок мирком иллюзий.

КЛЯТВА

Святая богомольная страна,
раздольная привольная Россия
в глазах своих детей отражена,
слились в узор любовь и ностальгия.

Но не увидеть из чужих сторон,
когда переливает светом солнце,
что небо – шитый золотом хитон
с плеча Георгия Победоносца.

Когда с креста распятия Христа
Кровь пролилась и потекла наградой
прощения в днепровские места,
и пропитала их, то стала правдой –

вселенской – на земле Святая Русь.
Я сын Руси – со мною не лукавьте –
в тысячелетье атомном клянусь:
служить неустрашимо русской правде!

ПРОЩАЙ ЖЕ, ДРУГ...

Друг не поздравил с днём рожденья,
молчком по-снайперски разя.
Идёт духовное сраженье,
идейно предают друзья.

Что делать, берегите спины,
на Запад обратив щиты.
Легли просторы Украины
Меж нами пашнями вражды.

Сбежала «пятая колонна»,
боясь судейского меча,
а кто остался, только дома
храбры, на публике – молчат.

И вновь, как в трудные години
глубокой русской старины,
патриотически едины
народ и воинство страны.

Прощай же, друг, ты сделал выбор!
А я России не предаю,
ей жребий судьбоносный выпал –
оценку дать земным делам.

О чём бы как не голосили
все зарубежные врази,
а без истории России
не быть истории Земли!

***

Когда на верховную встречу
доставит небесный конвой,
представ перед Богом, отвечу,
что был со своею страной.

Я связан душою и кровью
с землёй, на которой меня
растили с домашней любовью
семья и большая страна.

Везде мне привольно, по сути
я сын поднебесных хором;
родные мне – добрые люди,
Россия – отеческий дом.

В години разрухи и смуты
в бессилье я рук не сложил;
печалился, но ни минуты
без веры в Россию не жил.

В развязке уж узел донбасский.
Европа шельмует день Зет.
Диктует мне сердце подсказки:
сбывается древний завет...

На пытку: «Какую дорогу
построил ты в жизни земной?» –
по-русски отвечу я Богу:
«Я был со своею страной».

СТИХИЯ ПРОЗЫ

ДМИТРИЙ ВОРОНИН

Родился в 1961г. в г. Клайпеда Литовской ССР. Сельский учитель. Член Союза писателей России, член Конгресса литераторов Украины. Автор четырёх книг прозы. Лауреат премии А. Куприна. Лауреат издания «День Литературы», лауреат I премии конкурса «Защитим правду о Победе» газеты «Литературная Россия». Публикации более чем в 40 «толстых» литературных журналах России и ближнего зарубежья в том числе: «Нева», «Наш современник», «Молодая Гвардия», «Москва», «Север», «Подъём», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса», «Сура», «Аврора», «Гостиный двор», «Бийский вестник», «Дальний Восток». Участник более 50 альманахов и прозаических сборников в России и за рубежом. Проживает в п. Тишино Калининградской области.

ЗАРУСЬКА

За уютным столиком летнего кафе на старой могилёвской улице сидели два пенсионера и тихо беседовали.

— А помнишь, Паша, девчущку такую смешную, что прибилась к нам в тумане за сутки перед тем, как мы на тутошной окраине окопались? Мамаля у неё где-то в отступлении при бомбёжке потерялась, а папаша вроде как тоже воевал. Сама росточка маленького, худенькая и косички в разные стороны, а в них ленточки то ли синие, то ли зелёные, не помню уже, вплетены.

— Красные, Семён, красные.

— Может, и красные. Нос задран и весь в веснушках, да и имя такое странное, на Маруську схожее.

— Заруська.

— Во-во, Заруська, она самая, — засмеялся Семён. — Заруська-беларуська. Мы её еще все пытали, какой она национальности. А она все хохлилась да так удивлённо выговаривала: «Ну что ж вы глупые-то такие! Беларуська я, кто ж ещё?». А мы смеялись: «Так вроде нет таких имён среди белорусов». А она в ответ с возмущением: «Ну как так нет, если вот она я, Заруська!» — «А может, всё же Дуська? Спутала ты?» — «Сами вы Дуськи, — обижалась. — Ну как спутала, коли мамка так звала и тятка. Совсем уж вы глупые!».

— Да, было дело, — улыбнулся Павел.

— А ведь ей сколько было-то тогда, лет тринадцать-четырнадцать? Интересно, какая она теперь, Заруська эта?

— Какая? — посуровел взглядом Павел. — А такая же. Ничуть не изменилась.

— Это как так?

— А вот так. Слушай, — закурил папиросу старик. — Как немец-то на Могилёв двинул, тебя вроде в тот же день подранило, так?

— Так, — согласно кивнул Семён, — в правое плечо. Очнулся в госпитале дня через три.

— Сvezло тебе. Днём-другим позже — всё, захлопнулась бы калиточка и мышца не проскочила бы. Взял в кольцо нас немец, плотно взял.

— Знаю, — погрустнел товарищ. — Как сам выбрался-то?

— А вот об том и речь, — примял первую папиросу старый солдат и закурил вторую. — Сколько раз на прорыв пытались чуть ни всей дивизией, и всё без пользы, только смертей полнёхонько. И тогда приказ вышел — прорываться малыми группами. Нас ротный собрал, кто остался, человек двадцать, да с другой роты столько же, ну и двинули в ночь. А утром, когда до очередного леса десять шагов осталось, на нас немцы и выкатили. А может, мы на них сдуру нарвались, без разведки ведь шли, всё на глазок да на авось. В общем, плохо дело приключилось. Немцев-то не так уж и много чтобы, но ведь у каждого автомат, да ещё с танком впереди. А у нас что? Окромья винтовок да гранат эрпэгэшных и нет ничего. Так с гранатой ещё до танка добежать надо, а кто ж позволит-то? Вмиг на гашетку — и всё, аллес капут. Залегли в поле в траву, ждём. А чего? Смерти, наверное. И тут глядь, Заруська наша встала в полный рост и к немцам пошла. Не побежала, нет, а так, спокойно пошла. Идёт и руку вверх подняла.

— Сдаваться, что ль? — ахнул Семён.

— Да слушай ты, — рассердился Павел. — Какой сдаваться? Одну руку подняла, вторую, полусогнув, на поясе держит. Идёт так и ладонью помахивает из стороны в сторону, ну вроде как то ли приветствует немцев, то ли останавливает. Немцы и остановились. Ждут, смотрят на неё удивлённо. Им, видать, как и нам, непонятно стало, что происходит. Заруська-то издали ребёнок ребёнком. Вот так она почти в полной тишине до них и дошла. Мы молчим, не понимаем, они молчат, не понимают, и только мотор у танка работает. И вот когда до него пара-тройка метров осталась, Заруська руки опустила и тут же правую снова подняла, но уже с гранатой.

— Как так? — поразился Семён.

— А так! Сами обалдели, — нервно затушил папиросу Павел. — В этот-то момент наш ротный да как заорёт таким голосом, вроде как удивлённым и упреждающим, мол, что ты, зачем: «Зару-уська-а!». И тут же взрыв, да такой — башню от танка напрочь, словно косой по траве на утренней зорьке. Немцев вокруг всех разметало, как осеннюю листву ветром. Куда уж она умудрилась попасть той гранатой, совсем уж непонятно, чтобы вот так, как былинку, башню смело.

— Да быть такого не может, чтобы от гранаты какой-то и махину такую снести! — присвистнул Семён.

— Конечно, не может. А вот снесло. У нас у всех от невидали такой глаза на лоб повылазили да волосы дыбом встали. И вот тут-то началось, тут-то с нами что-то и вышло. Поднялись мы с земли как один, без всякой команды да с какими-то дикими, пожалуй, звериными криками — и вперёд. Кто орёт: «За Руську!», кто: «За Русь!», кто: «За Белоруску!», кто: «За Беларусь!». В миг до немцев доскочили, а они как чумные, будто из ваты, без всякой воли оказались. Смяли мы их и ушли...

Павел замолчал.

— А как же Заруська? — осторожно прервал затянувшееся молчание однополчанина Семён.

— Погибла, конечно, — тяжело вздохнул Павел. — Взрыв-то какой был, мы ведь её так и не нашли. Но имя-то, имя — За-Русь-ка! Как оно на нас, у-ух! И сегодня мурашки по телу. Вышли мы из окружения, и пока нас особисты проверяли, всё про танк да про девчонку нашу героическую говорили. Каждый день к ней разговорами возвращались. И про то, как она к нам неожиданно приблизилась, и про то, как ушла от нас. Ведь ничегошеньки не нашли, даже ленточек тех самых, красных, такой плотный туман вдруг после нашей атаки всё кругом окутал. И про имя её необычное всё догадки строили: а как полностью-то? Никто же не спросил у неё, как по метрике величать. Рассуждали: а что, если б просто Маруськой девчонку звали, встали бы мы, совладали с немцем? И ещё один факт, хошь верь, хошь нет. Узнавал я после войны судьбу тех, кто тогда со мной из окружения вышел. Так вот, ни один не погиб, все домой целыми вернулись, будто всем нам Заруська ангелом-хранителем оказалась, а может, и вся Русь вместе с ней.

ДМИТРИЙ ИГНАТОВ

Российский писатель-фантаст, работающий в жанрах твёрдой научной фантастики, гуманитарной и социальной фантастики, философской новеллистики, антиутопии. Родился 15 января 1986 г. в г. Ярославль. Проходил обучение в ЯГТУ по специальности «инженер-педагог машиностроения». В настоящее время - дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы. Публиковался в литературных изданиях России и США. Автор романа в рассказах «Великий Атрактор», иронического фэнтези «Кампания Тьмы», хоррор-повести «Первыми содохнут хипстеры» и сатирического справочника «Это ваше FIDO», а также сценариев для короткометражного фестивального кино. В этом качестве участвовал в кинофестивалях «КиноШок» и «Метрополис». Проживает в г. Воронеж.

ОН.ОНА.ОСЕНЬ

Виктор отбил заголовок парой пустых строк и закрыл крышку ноутбука, полностью перепоручив муки творчества писательской нейросети. Теперь хитрая программа продолжила сочинительство без него, используя метод свободных ассоциаций и изученный ранее его персональный писательский стиль.

Сначала писатель с недоверием относился к машинному творчеству, представляя, что из хаотичного набора слов в своём словаре компьютер сможет соорудить в лучшем случае какое-нибудь шизофреническое псевдофилософское эссе вроде тех, которыми регулярно грешат неудачники с литературных сайтов. Но после нескольких пробных текстов нейросеть научилась писать довольно складные рассказы с сюжетными поворотами и интригами. В какой-то момент Виктор решил рискнуть и отправил такую рукопись издателю. Его удивлению не было предела, когда текст, в котором человек не написал фактически ни одной связной строчки, был принят к печати.

Устоять перед соблазном оказалось слишком сложно, поэтому и следующий «свой» рассказ Виктор «написал» точно так же. После третьего машинного «шедевра» обманывать стало легче. Однажды писатель дополнительно скормил компьютеру немного Чехова, а потом с нескрываемым злорадством читал в редакторской колонке литературного альманаха, что у него появился «неповторимый стиль: иронический и немного грустный».

Надо сказать, что ноутбук у писателя был не из новых, но хозяин не предъявлял к нему особых требований, поэтому компьютер долгие годы исправно служил пишущей машинкой. Теперь же устаревший аппарат с заметным скрипом проворачивал инструкции нейронного движка. Он быстро накидывал описания мест и интерьеров, потом тщательно подбирал слова, лакируя стиль, и

надолго зависал, обдумывая диалоги персонажей. Вероятно, более современная машина справилась бы с задачей в разы быстрее. Зато так у Виктора создавалась полноценная иллюзия сложного творческого процесса, а свободное время, которое у него образовалось в избытке, он с удовольствием проводил бездельничая.

Писатель сунул ноги в сильно поношенные, но удобные теннисные туфли, набросил на себя вытертую на рукавах ветровку и вышел из дома. Небольшой загородный коттедж с заострённой на готический манер крышей когда-то считался в его семье летней резиденцией. Сюда, как тогда говорили — «на дачу», отец выводил всех в середине мая и почти до самого конца августа. Мать пыталась разводить какие-то цветы, но тень окружающего леса так и не позволила ей развернуться в полную силу своих творческих планов. Теперь он стал ещё гуще и темнее, а из-за множества накренившихся и упавших стволов казался каким-то неопрятным. Впрочем, это совершенно не мешало прогуливаться по хорошо вытоптаным дорожкам и тропинкам.

Это место всегда ассоциировалось у Виктора с воспоминаниями из детства. Самыми светлыми и счастливыми моментами — наверно, как и у всех. В отличие от тесной городской квартиры, где долгое время болели и скончались оба его старика. Поэтому когда после смерти родителей перед Виктором встал вопрос, где оставаться жить, выбор для него был очевиден.

Жизнь скучающего на природе писателя прельщала его как внешним антуражем, так и собственным искренним желанием сбежать наконец от городской суеты. К тому времени Виктор уже приобрёл достаточную популярность, издатель с удовольствием брал в печать его сборники и романы, а авторские гонорары, когда-то помогавшие стареющим родителям, теперь с лихвой покрывали все его скромные потребности.

Погрузившись в свои невесёлые воспоминания, писатель углубился в лес. Сухая листва шуршала под ногами и делала его раздумья ещё более тоскливыми. Интересно, но в последнее время он почти разучился размышлять на отстранённые темы и совсем перестал фантазировать. Выдуманные истории казались Виктору какими-то пустыми и бесполезными; возможно, кроме того, что они хорошо продавались. Когда-то давно желание излить мысли на бумагу шло изнутри, било ключом, вырывалось наружу. Чуть позже его сменило желание заработать на жизнь, и Виктор мог днями просиживать за клавиатурой, совершенно не выходя из дома. Теперь же заниматься писательством по старинке у него не было ни желания, ни потребности. Он стал полностью свободен и мог наконец просто прогуляться по лесу, как сейчас. Писатель не помнил, куда именно ведёт дорожка, на которую он свернул, поэтому просто пошёл вперёд.

Он вышел на берег реки. Лес здесь обрывался почти у самой воды узкой полоской поудликого пляжа, а ряд из нескольких старых деревянных скамеек, поставленных кем-то давным-давно,

создавал впечатление небольшой набережной, протянувшейся вдоль воды. Виктор присел на лавочку и провел рукой по шершавым доскам с отшелушивающейся краской. Он помнил это место. Они с отцом приходили и купались тут попоудня, а иногда пропускали обед. Мама ругалась на них, когда они приходили назад мокрые, но довольные, с всклокоченными волосами и улыбающимися лицами. Писатель грустно вздохнул. Неужели ему больше не о чем думать? Почему внутри не осталось ничего, кроме воспоминаний? Кажется, этот момент наступил слишком рано.

Виктор сидел, задумчиво глядя на воду, но неожиданно от этого тоскливого размышления его отвлек чей-то кашель. Он обернулся и увидел в десятке шагов девушку с фотоаппаратом. Она увлеченно нацеливала объектив на какие-то одной ей ведомые листочки, ветки, кроны деревьев и довольно часто щелкала затвором. Писатель мысленно нашёл её интерес странным и отвернулся, решив, что это, вероятно, кто-то из периодически приезжающих туристов, спешащих бездумно запечатлеть каждый понравившийся вид, чтобы потом запостить кадр в социальных сетях.

Впрочем, денёк выдался и правда довольно приятным и красивым. Солнце ярко золотило красноватые кроны и серебрило мелкую рябь на воде. И эта девушка с рыжими крашеными волосами, в каком-то смешном оранжевом шарфе тоже казалась какой-то осенней и странным образом весьма уместной, словно специально вписанной в окружающий пейзаж. Писателю вдруг захотелось ещё раз на неё посмотреть. Он осторожно и чуть нерешительно обернулся, но девушки уже не было видно.

* * *

Наталья проснулась ранним утром. Она лежала на раскладушке прямо так, как и уснула прошлым вечером, не снимая верхней одежды, укрывшись колючим верблюжьим одеялом. В доме было пусто и холодно. Двухконтурный бойлер вчера так и не захотел заработать, а старенький электро-масляный обогреватель явно не справлялся с кубатурой помещения.

Девушка потянулась, поправила высокий и толстый как бублик ворот своего вязаного свитера в бежевые и коричневые полоски, вдоль которых росли ёлки и скакали олени, отключила от удлинителя обогреватель и вместо него включила пузатый электрический чайник. Разровняв пальцами свои спутавшиеся за ночь огненно-рыжие волосы, она связала их резинкой в хвост и принялась с обезьяньим проворством копать в небольшом рюкзаке.

Прежние жильцы не побеспокоились о том, чтобы оставить хоть какую-то мебель. Поэтому и электрочайник, и рюкзачок, и большой кофр для зеркального фотоаппарата располагались прямо на полу рядом с раскладушкой. Зато в этом совершенно уютном доме можно было оценить геометрию пространства и ощутить

какую-то особую визуальную магию конструктивной пустоты, требующей, чтобы её заполнили.

Вчера Наталья потратила почти два часа, запечатлевая отдельные, как ей казалось, интересные детали. Неровности досок, фрагменты несущих балок, отдельные царапинки и выбоинки, нарушающие целостные текстуры стен, пола и потолка. Вероятно, всё это будет сокрыто под новой отделкой вскоре после того, как она примет решение об окончательном переезде, и эта информация надолго, а возможно, и навсегда окажется потеряна. Истинный облик помещения скроется под типовыми и безликими обоями, стеновыми панелями, напольным покрытием и потолочной плиткой. Пройдёт год или два, пока новые поверхности окажутся вновь естественным образом «зафактурены». И в каком-то смысле это будет уже совсем другое пространство.

Чайник забурлил и щёлкнул, изрыгая в холодный воздух струйку горячего пара. Девушка налила кипяток в крышку от термоса и всыпала из пакетика растворимый кофе. Не лучший вариант, но за неимением другого вполне подходящий. Отказаться себе в утренней чашечке кофе она никак не могла. Девушка неторопливо отпила слишком горячий, слишком сладкий и слишком ненатуральный напиток и прикрыла глаза от удовольствия.

Окончательно проснувшись, она ещё раз окинула взглядом пустой дом, обмотала шею длинным оранжевым шарфом, перекинула через плечо кофр с проверенной зеркалкой и уверенным шагом вышла в осенний лес.

В чуть обжигающей нос утренней прохладе ощущалось скорое приближение зимы. Лес уже начал местами обнажаться, словно когтями царапая чистое голубое небо острыми чёрными ветками. Но золото не опавшей до конца листвы всё ещё горело яркими красками, словно отдавая сейчас весь тот солнечный свет, который впитало за лето.

Наталья вынула зеркалку из кофра, открыла объектив и со щелчком включила фотоаппарат, отозвавшийся лёгким приветственным писком. Теперь девушка была готова к своей фотоохоте. Она начала снимать довольно рано: ещё в школе дедушка подарил ей небольшой, но довольно хороший фотоаппарат. С тех пор она практически не помнит случая, чтобы расставалась с объективом. Желание снимать всё подряд — начиная со своего завтрака, отражения в зеркале и заканчивая собственными вытянутыми в кадр ногами — быстро прошло. Наталья решила заняться фотографией всерьёз и стала разборчивее в выборе объектов для съёмки.

Сначала она, как, возможно, и многие, представляла себя фотохудожником, создающим в своих оригинальных фотосетах уникальные образы. Процесс выглядел со стороны весьма эстетичным и привлекательным и к тому же сулил неплохой доход. Но на десятый раз Наталью уже буквально тошнило от очередной тупой курицы с надутыми губами, желающей запечатлеть себя в образе лесной нимфы. Глядя на свою новую клиентку, девушка вновь и

вновь ловила себя на мысли, что ничего путного из этой болотной кикиморы всё равно не получится.

И в один прекрасный день она просто не пришла на съёмку. Проходя в подавленном состоянии два или три дня, девушка от нечего делать пересмотрела весь свой архив, а потом взяла и выложила его целиком в Сеть для платного скачивания. Снова всё подряд: свой завтрак, вытянутые ноги в кадре, верхушки деревьев, виды из окна... Каково же было её удивление, когда в течение нескольких минут уже была продана первая фотография. Очень старый кадр с шишкой, лежащей на пеньке, который она сняла ещё будучи школьницей на свой первый подаренный дедушкой фотоаппарат. Девушка была воодушевлена и снова взялась за камеру.

Быстро поняв все прелести цифровой торговли и почувствовав вкус успеха, Наталья принялась за дело с удвоенной силой. Изучая статистику скачиваний, девушка определила, что больше всего дохода ей приносят пейзажная съёмка и зарисовки природы. Всевозможные макропланы с листиками, ягодками и жучками пресловодно раскупались для оформления сайтов и журналов, обширные пейзажи охотно брали редакторы глянцевого изданий и рекламщики для своей полиграфии, а фото, заполненные травой, листвой или камешками, с удовольствием использовали для текстур разработчики компьютерных игр.

Постепенно в электронной коллекции Натальи были все мыслимые и немыслимые кадры весенней и летней тематики. По крайней мере, почти всё, что можно было собрать в длительных прогулках по городским паркам, скверам и дворам. К осени девушка решила подготовиться более обстоятельно, и в её голове родилась мысль о переезде на природу. Поиск подходящего места продлился недолго. Отфильтровав предложения на сайте недвижимости по цене, она буквально сразу наткнулась на дом, в который моментально влюбилась. Широкий, с треугольной крышей, огромными витражными окнами под самый потолок, двумя просторными комнатами-студиями на первом этаже и импровизированном втором ярусе под крышей, а главное — совершенно пустой, без отпечатка жизни предыдущих жильцов.

В тот же вечер Наталья необдуманно внесла залог, а уже на следующий день, забрав заветные ключи, поехала осматривать будущее место своего обитания. Ни старый автоматический бойлер, отказавшийся работать, ни полное отсутствие каких-либо светильников не расстроили восторженную покупательницу. Она уже мечтательно представляла, как всё обустроит тут под прибежище одинокого фотохудожника.

Пока же девушка просто занималась любимым делом, снова и снова нажимая на кнопку затвора и каждый раз думая, что никогда не смогла бы сделать такой звенящий и яркий кадр в проклятом пыльном городе. Двигаясь по лесной дорожке и часто сворачивая с неё в поисках интересного вида, она постепенно углуби-

лась в лес и неожиданно для самой себя вышла к реке. Запечатлев вид на воду и противоположный берег, сняв засыпанную пожелтевшей листвой деревянную лавку и макроплан с одиноким листиком, лежащим на старых растрескавшихся досках, она сконцентрировалась на ветках огромной разросшейся ивы. Её вытянутые листья красиво свисали на фоне воды, чудесно размывающейся солнечными бликами в короткофокусном объективе.

Сделав несколько кадров, Наталья вдруг ощутила чьё-то присутствие и обернулась. На одной из скамеек, стоящих вдоль воды на манер небольшой импровизированной набережной, сидел человек. Он показался ей каким-то странным и немного отрешённым. По крайней мере, он сидел совершенно неподвижно, задумчиво глядя на воду, вероятно, полностью погружённый в собственные мысли. Девушка машинально подняла фотоаппарат, посмотрела на человека в прицел видоискателя и уже было занесла палец над кнопкой, но остановилась. Слишком ярко вспомнились ей вдруг привередливые «красавицы» с накаченными губами, даже заставив её поморщиться. К тому же, как разумно рассудила девушка, оправдывая своё решение, такое фото вряд ли кто купит. Без указания имени модели, задействованной в съёмке, коммерческое использование будет затруднено. Покупатели в Сети не рискуют связываться с фотографиями, на которых запечатлены случайные люди.

Она ещё раз придирчиво взглянула на иву, огляделась по сторонам и пошла вглубь леса, где виднелись ярко-алые кроны осин.

* * *

Каждое утро Виктора было похоже на предыдущее. Позавтракав на скорую руку, он позвонил издателю, выслушал избыточно восторженные новости о том, как прекрасно продаются его книги, статистику платных скачиваний электронных версий и сомнительные измышления о возвращении интереса читателей к печатному слову. Потом писатель какое-то время ещё повалялся на диване, щёлкая кнопкой пульта и бессмысленно переключая каналы. Подошёл к книжным полкам с классикой, долго пересматривал корешки, но так и не решил, что бы мог перечитать. За полдня он так и не притронулся к своему ноутбуку, где уже, вероятно, во всю развивался сюжет «его» нового рассказа. В итоге Виктор не придумал ничего лучше, как одеться и ещё раз пройтись по лесу к берегу реки.

День выдался не по-осеннему тёплым. Солнце заметно пригрело. Река, играя яркими искорками, так и манила, словно приглашая окунуться в себя с головой. Писатель осторожно подошёл, стараясь не съехать вниз по топкому илистому берегу, и опустил руку в воду. Она была ледяной, прозрачной и совершенно пустой. Летом здесь кишела жизнь, внутри бегали мальки, с берега в яскую хлопались пухлые лягушки, над водой летали стрекозы, а

теперь же не было видно ни единой водомерки. Жизнь засыпала, ощущая приближение холодов.

Виктор подошёл к скамейке, на которой сидел вчера, и только сейчас обратил внимание на то, каким толстым ковром из жёлтой опавшей листвы покрыто всё пространство вокруг. Он сделал пару шагов по этому пушистому шуршащему покрывалу и вдруг, подчиняясь какому-то ребяческому чувству, лёг на него, раскинув руки в стороны, и закрыл глаза. В его сознании вспыхивали и улетали отрывочные воспоминания о детстве, летних днях, проведённых на этой реке, и вдруг появился образ вчерашней девушки с фотоаппаратом.

— Вам плохо? — внезапно прозвучал сверху приятный женский голос.

Писатель открыл глаза и увидел ту самую девушку, о которой только что думал. Она была точно такой же, как и вчера: огненно рыжая, чуть растрёпанная, в нелепом оранжевом шарфе. Её лицо было слегка взволнованным, а зеленоватые глаза смотрели прямо на Виктора.

— Нет, мне хорошо, — ответил писатель и, заметив фотоаппарат на шее девушки, добавил, — только не надо снимать.

— Почему вы решили, что я буду вас снимать?

— Ну, вы же, судя по всему, фотограф.

— Да... Но я не снимаю людей.

— Почему?

— Ну... Это не важно, — девушка чуть замялась, а потом вдруг спросила, — можно к вам?

— Пожалуйста... Если вы считаете, что это уместно, — ответил писатель и даже чуть пододвинулся.

— Ну, вы же считаете, — Наталья легла в листву буквально в двадцати сантиметрах от Виктора. — Хм...А тут и правда очень интересный ракурс.

— Я смотрю, что вас сложно поставить в неудобное положение... — заметил писатель, наблюдая, как девушка фотографирует снизу вверх оранжевые кроны деревьев, обрамляющие небольшой клочок голубого неба.

— Да, мне вполне удобно, — не отвлекаясь от процесса, ответила она. — Учитывая, что последние пару суток я сплю примерно в таких же условиях.

— У вас нет дома?

— Нет, дом у меня есть. В нём нет отопления... Кстати, — девушка повернула голову набок и посмотрела на Виктора, — вы случайно не инженер?

— Нет, я писатель, — ответил он, всё так же глядя вверх на кроны деревьев.

— А... Я вас узнала... Вы писатель... Тот самый...

— Да, я тот самый писатель.

— Жаль...

— Непривычно такое слышать, — Виктор, наконец, посмотрел на девушку. — Обычно читатели сразу хотят взять автограф или сделать селфи.

— Ну, я же не читатель. Я вас не читаю, — улыбнулась она.

— Обидно.

— Не расстраивайтесь, в последнее время я не читаю не только вас, но и других писателей.

— Это немного утешает. Так, а что с вашим отоплением?

— Что-то с котлом... Но разве вы, писатель, в этом что-то понимаете?

— Совсем немного. Но достаточно, чтобы в моём доме отопление работало, — Виктор снова отвернулся.

— Думаю, этого достаточно. Не хотите мне помочь?

— Уверены, что вам не следует поискать настоящего профессионала?

— Ау-у-у! Профессионал! — наигранно громко прокричала девушка, а потом снова обратилась к Виктору. — Кажется, поблизости их нет. Придётся всё-таки прибегнуть к вашей неквалифицированной помощи.

— Хорошо, — ответил писатель, поднимаясь с земли и отряхивая с себя листву. — Но вы можете об этом пожалеть...

— Даже не сомневаюсь в этом. Пойдёмте!

Оба пошли по дорожке среди осеннего леса и довольно быстро скрылись за деревьями.

* * *

Виктор и Наталья вошли в пустой дом. Помещение, лишённое отделки и какой-либо мебели, показалось писателю безжизненным, а воздух внутри почти не отличался от уличного.

— И здесь вы живёте? — оглядываясь по сторонам, спросил он, как показалось Наталье, с лёгким пренебрежением.

— Да. Уже два дня, — ответила девушка и внимательно посмотрела на Виктора.

— Понятно... — задумчиво протянул он.

— Считаете, что это был плохой выбор?

— Нет... Почему же? Вовсе нет. Дело не в этом...

— А в чём же?

— Просто когда я вас вчера увидел, ваше лицо мне показалось очень знакомым. словно воспоминание из детства... — писатель сделал несколько шагов вверх по лестнице на второй уровень и ещё раз оглядел помещение с этой высоты. — Я сейчас живу в доме родителей, недалеко отсюда. Он не такой просторный, но чем-то напоминает... Вот и решил, что было бы забавно, окажись мы старыми соседями.

— Да, это было бы интересным сюжетом. Встреча старых соседей... — согласилась девушка. — Но нет.

— Да, было бы... — задумчиво произнёс Виктор.

— Но ведь мы можем стать хорошими новыми соседями? — Наталья улыbnулась и вопросительно посмотрела на писателя.

— Думаю, что да, — кивнул он. — Так, а где ваш бойлер?

— Да вот! — девушка указала на массивный блестящий корпус, закреплённый на стене.

— Посмотрим... — Виктор нажал единственную плоскую кнопку, чуть утопленную в поверхность, и на передней панели зажёгся сенсорный дисплей.

Какое-то время аппарат пошумел, а потом издал пронзительный и протяжный писк и замолчал. На дисплее горела лишь загадочная надпись «E1».

— Вот так он всё время и делает, — грустно проговорила Наталья.

— Это же «ГлобалАвтоматикс», — констатировал писатель, изучая металлическую бирку на боку корпуса, — у них 25 лет гарантии... Почему не пробовали звонить в поддержку?

— Связь тут очень плохая. А Интернет тем более не тянет.

— И инструкция, конечно, не сохранилась... — пробормотал Виктор. — У меня похожая модель. «E1» — это код ошибки, говорящий о разгерметизации. Бойлер продувает все трубы и пытается понять, есть ли утечка, поэтому в инструкции было написано, что при первом включении надо закрыть все краны.

— У вас хорошая память. Но у меня и кранов-то пока нет...

— А гаечный ключ?

— Вроде был...

— Давайте. Попробуем всё пересоединить...

Наталья какое-то время копалась в картонных коробках, сваленных под лестницей, и наконец достала оттуда блестящий гаечный ключ. Писатель взял инструмент и молча принялся за работу.

— Я вот всё думаю о том, что вы сказали, — вдруг проговорила девушка, наблюдая, как Виктор сосредоточенно откручивает гайки, — что видели меня в детстве. Это странно... Не находите?

— Ничего странного, — ответил он, не отвлекаясь от дела. — Воспоминания из детства мне приятны. Вы тоже показались мне приятной и симпатичной. Тёплые воспоминания и тёплое ощущение от милой девушки. Вероятно, это удачно совпало. Как неожиданное ощущение дежавю.

— Вы флиртуете?

— Нет. Подержите, пожалуйста, эту шайбу-прокладку.

— Просто вы так легко говорите о том, что чувствуете, — проговорила девушка, крутя в руках чёрный резиновый кругляш.

— Я же писатель. Это часть моей профессии: понимать и объяснять человеческие чувства, превращая их в слова.

— Вы, писатели, вечно всё придумываете... То, чего нет.

— Да, а вы, фотографы, просто снимаете то, что есть. Давайте шайбу.

— Я называю это оцифровкой реальности, — сказала Наталья, передавая Виктору деталь. — Какой бы образ я не снимала, он навсегда остаётся в моём компьютере.

— Интересная мысль. В таком случае мои тексты — это оцифрованная фантазия.

— Логично.

— И то и другое, в конечном итоге, просто последовательность нулей и единиц, — задумчиво проговорил писатель. — И мы считаем достаточно важным тратить на это свою жизнь.

— А вы пессимист...

— Нет. Был бы я пессимистом, то не считал бы, что сейчас ваш бойлер должен заработать, — сказал Виктор и шлёпнул по кнопке на передней панели.

Аппарат включился, выдав на сенсорном дисплее показатели температуры и кнопки для управления. Наталья наигранно заплодировала. В трубах зашумела вода, наполняя систему отопления. Постепенно по дому начало растекаться тепло.

— А вы, оказывается, мастер не только слова, но и дела.

— В основном, конечно, мастер слова, — ответил писатель и, как ему показалось, немного покраснел.

Девушка нажала на кнопку электрочайника, и тот со всё нарастающим шумом начал торопливо нагревать воду.

— Теперь я просто обязана предложить вам чашечку кофе, — сказала она, высыпая содержимое пакетика в открученную крышку термоса. — Правда, это не совсем чашка... И не совсем кофе... Но больше у меня ничего нет. Обещаю, что в следующий раз подготовлюсь лучше.

— Спасибо, — сказал Виктор, беря из рук Натальи импровизированную чашку и отпивая горячий напиток.

— Паршивый, да? — настороженно спросила девушка.

— Самый вкусный паршивый кофе, который я пил на этой неделе, и я... — писатель вдруг замолчал, задумчиво уставившись куда-то в пустоту.

— Что с вами? — чуть взволнованно спросила девушка. — Настолько плохо?

— Нет... Просто... Ещё одно странное ощущение.

— Снова дежавю?

— Нет, другое... Я вдруг ощутил, как всё сегодня было странно и необычно. Наша встреча. Этот пустой дом. Вы в этом осеннем шарфе. Всё выглядит каким-то нереалистичным...

— Ой, перестаньте! — рассмеялась девушка. — Просто вы явно давно не выходили из своего дома. И вообще, одичали тут...

— Возможно, но... Вот вы сказали об оцифровке реальности... Что, если не только наши фантазии и то, что мы видим вокруг, но и мы сами можем быть оцифрованы? Что, если мы уже являемся чьей-то оцифрованной фантазией? Последовательностью нулей и единиц...

— Кажется, вам нужно смотреть поменьше фантастики на ночь, — заботливо проговорила Наталья. — Пожалуй, я провожу вас.

— Считаете, что я не вполне адекватен?

— Да. Переутомились от непривычной работы, — девушка внезапно взяла Виктора под руку и вывела из дома. — Срочно на свежий воздух!

* * *

Сумерки начали сгущаться над лесом. В лучах заходящего солнца, которое вот-вот готово было скрыться за горизонтом, золотые кроны казались вишнево-красными. Между деревьями растеклась налетевшая с реки ночная прохлада. Ещё немного и тёплый яркий день плавно перейдёт в холодную и сырую осеннюю ночь.

Виктор и Наталья неторопливо шли по лесу вдоль берега. Она держала его под руку, словно они знали друг друга уже очень давно, а не познакомились только сегодня.

— Я бы хотел вам признаться, — прервал затянувшуюся паузу писатель.

— Неужели в любви? — игриво спросила Наталья.

— Нет... Намного хуже.

— О, господи! Что может быть хуже?! Вы уверены, что готовы доверить такие серьёзные тайны малознакомой девушке?

— Почему бы нет?

— Вы рискованный человек!

— Вы всё равно никому не расскажете... И вам никто не поверит...

— Ну, говорите уже! — задёрнула девушка писателя за рукав. — Я же обожаю чужие секреты! Не томите, интриган!

Виктор сделал паузу, тяжело вздохнул, а потом проговорил:

— Дело в том, что последний десяток моих книг на самом деле написал не я.

— То есть? Как это? — удивилась девушка и вдруг рассмеялась.

— У вас имеется персональный литературный негр, которого вы держите в подвале? Угадала? Вы опять всё сочиняете! Хотели меня разыграть?

— Совсе нет, — грустно ответил писатель. — Мой приятель, программист, поставил мне на компьютер самообучающуюся программу... Нейросеть. Она умеет читать тексты, которые ей даёшь, а потом начинает сочинять сама. Получается очень складно и неплохо. Так я делаю уже последний год. И ни издатель, ни читатели даже не догадываются, что это написал не я. Сам же я давно не пишу ни строчки...

— Это очень забавно, — неожиданно спокойно отреагировала девушка. — Выходит, теперь вы не просто талантливый писатель, но и талантливый мошенник!

— Находите это забавным?

— Довольно-таки... А ещё мне это напомнило историю, которую я читала на прошлой неделе. Точно таким же образом поступал художник-импрессионист. Критики восхищались, как точно в своих работах он передаёт всю гамму человеческих чувств. А картины за него рисовал компьютер. Когда же обман раскрылся, то по иронии его картины только выросли в цене...

— Действительно забавно, — задумчиво проговорил писатель и посмотрел на девушку. — Думаете, мне стоит поступить так же?

— Кто знает... — она улыбнулась и пожала плечами. — В любом случае я не вижу в этом ничего особо постыдного. Люди платят за цифровые копии, покупают подписку на тупые онлайн-сериалы. Почему бы им не читать книги, написанные нейросетью? И вы сами говорили, что всё это всего лишь последовательности нулей и единиц...

— Но разве в таком «творчестве» есть настоящая ценность?

— Настоящая? А разве в этом мире есть ещё что-то настоящее?!

— Вы... Я... Этот вечер...

— Неужели?! — девушка резко отёрнула руку и сделала шаг в сторону. — А знаете, почему я перестала фотографировать людей?! Люди постоянно лгут! Когда пишут, когда говорят... Друг другу, самим себе, всем... Даже когда смотрят в мой объектив!

— Думаете, я обманываю вас в чём-то?

— Думаю, вы просто всё выдумываете... — уже спокойнее и с какой-то безысходной грустью в голосе сказала Наталья и отвернулась.

Она стояла в своём нелепом свитере с ёлочками и оленями, скачущими на бежевых и коричневых полосках, в намотанном на шею легкомысленном оранжевом шарфе, и задумчиво смотрела на воду, в которой своими огненными красками горел закат. Почти тем же взглядом, каким вчера на ту же воду смотрел Виктор.

— Что ж, я не давал себе обещания не фотографировать людей... — проговорил писатель и, достав смартфон, вдруг сфотографировал Наталью в лучах заходящего солнца.

— Зачем вам это? — чуть нахмурившись, спросила девушка и тем не менее в последний момент повернулась к камере наиболее выгодным образом и чуть улыбнулась.

— Мы же, писатели, всё выдумываем... А так у меня будет доказательство вашего существования, — усмехнулся Виктор. — Привяжу в списке контактов к номеру телефона, который вы мне сейчас дадите.

— А вы нахал... Не хотите для начала хотя бы узнать моё имя?

— Это не важно, — ответил Виктор, продолжая копаться в телефоне. — Я уже записал вас как «Соседка». Других соседок у меня тут всё равно нет. Давайте номер...

— Ну, записывайте... Плюс восемь... Двести тридцать три... — начала диктовать Наталья, чуть наклонившись и заглядывая в экран. — А что, если у вас тут появится ещё одна соседка?

- Не менее симпатичная? — не отводя взгляд от экрана, без видимых эмоций спросил писатель.
- Ну, допустим.
- Я запишу её как «Соседка 2».
- Вот это обидно.
- Не расстраивайтесь. Как минимум для моей телефонной книжки вы навсегда останетесь номером один.
- Какой же вы всё-таки мерзкий тип! — заметила девушка и, чуть прищурившись, посмотрела на писателя.
- Я непременно вспомню об этом и включу в счёт, когда в следующий раз буду оказывать свою неквалифицированную помощь, — улыбнулся Виктор.
- И весьма расчетливый мерзкий тип, — добавила Наталья.
- Вот моя визитка. Там так и написано, — писатель вдруг вытащил из кармана немного потрёпанную карточку и протянул собеседнице.
- Зачем вы их носите по лесу? — спросила она, забирая потёртую визитку из рук писателя.
- Случайно завалялась.
- А я думала, на случай встречи с симпатичными соседками.
- Хороший вариант. Учту на будущее. Там и номер, и имя...
- Я всё равно запишу вас как «Тот самый писатель», — улыбнулась Наталья и снова взяла Виктора под руку. — Кстати, насчёт вашей неквалифицированной помощи... В конце недели мне должны доставить мебель. Кому-то нужно будет её собрать.
- Предполагаю, что мне? — озвучил он девушке почти риторический вопрос.
- А вы проницательный человек... Писатели и правда видят людей насквозь. Не то, что мы, поверхностные фотографы, — чуть язвительно заметила она.
- Значит, мы с вами увидимся уже в конце недели?
- Нет... Вы что, и правда решили сегодня меня обидеть? — девушка вопросительно посмотрела на писателя. — Я вам настолько не понравилась?
- Напротив, — смутился Виктор. — Понравилась...
- Ну, так зачем же нам ждать до конца недели? Почему бы не увидеться прямо завтра? Встретимся здесь... Можете сидеть на этой лавочке. Ну, или, как вы любите, зарыться в листву. Только не очень глубоко, чтобы я могла вас найти...
- Я, в общем-то, не против... — пробормотал писатель, явно не ожидавший такого решительного поворота.
- Ещё бы вы были против! Когда сами чуть ли не силком выудили у меня мой номер телефона и всучили свою визитку!
- Значит, до завтра?
- Да, до завтра.
- А может, мы поцелуемся на прощанье? — набравшись наглости, вдруг спросил Виктор.

— Вот вы нахал... Такие вещи нужно делать, а не говорить, — засмеялась девушка и внимательно посмотрела в его глаза. — И вообще... Сейчас ещё слишком рано. И уже слишком поздно. Поэтому мы просто пойдём по домам.

— Вы правы, — согласился с Натальей писатель. — До завтра...

Он уже хотел было развернуться и уйти, но она вдруг проговорила:

— Знаете что пришло мне в голову?.. А может, мы и правда были с вами знакомы в детстве? Ваш дом был вон там, за тем поворотом справа в конце длинной кленовой аллеи. Вы приезжали почти на всё лето и целыми днями купались с папой в реке. А меня только на месяц оставляли здесь у бабушки. Я подолгу бежала по лесу, играла в какие-то прятки, воображала себе какие-то приключения, а потом, когда уже начинало темнеть, бежала домой и бабушка готовила вкусный пирог с вишней...

— Возможно, — писатель пожал плечами и слегка улыбнулся.

— Мы ведь можем просто взять и выдумать эту историю? И она будет существовать. Ведь выдуманные истории ничем не хуже настоящих. Правда?..

* * *

Виктор проснулся, когда за окном вовсю светило солнце. Впервые за месяц писатель прекрасно выспался и теперь был совершенно бодр и даже весел. Он отдернул пыльную штору, открыл настежь окно и впустил в дом прохладный воздух осеннего леса. Откуда-то сверху на подоконник с еле заметным шорохом плавно опустился осенний лист. Виктор улыбнулся и не стал его убирать.

Взгляд писателя вдруг упал на картонную коробку под столом, перетянутую скотчем. Он вспомнил, что было там. Поискав ножицы, но так и не найдя их, отодрал скотч руками и извлёк из коробки старую пишущую машинку. Друзья как-то подарили её Виктору на какой-то праздник. Это был скорее символический и шуточный, нежели практический подарок. Тем не менее, сейчас писатель поставил древний агрегат на стол, вставил чистый лист бумаги, поправил перекрученную ленту и, задумчиво посмотрев в окно, начал печатать.

Поначалу он часто спотыкался, чертыхался, что с непривычки путает или не достаточно сильно пропечатывает буквы, но потом процесс всецело поглотил его. Стрекотание пишущей машинки, вылетая из открытого окна, казалось, словно дрожало в прозрачном и прохладном осеннем воздухе и далеко расходилось по лесу.

Наталья сидела на скамейке одна. Несколько раз она порывалась взять мобильный телефон и позвонить, но дисплей останавливал её надписью «Нет сети». Девушка прислушалась к звукам в лесной тишине и слегка улыбнулась. Откуда-то сзади раздался весёлый детский крик. Она обернулась и увидела прогуливающуюся

чуть поодаль семью. Очевидно, горожане, решившие в последние тёплые деньки осени выбраться на пикник.

Оставив родителей позади и вырвавшись на свободу, в осенней листве играла девочка лет десяти. Она весело хватала своими ручонками ворох жёлтых листьев, что есть силы подбрасывала их в воздух над своей головой и заливисто смеялась. Наталье было даже слегка удивительно, что современные дети ещё способны на подобное первозданное веселье. Не ожидая этого от самой себя, девушка вдруг взяла фотоаппарат и, взглянув на играющего ребёнка через видоискатель, сделала несколько снимков.

Впрочем, прыгать в листве девочке быстро надоело. Она стала что-то искать в карманах курточки и достала смартфон. Всё ещё глядя на это через свой фотоаппарат, Наталья вдруг погрустнела, но тут произошло нечто совершенно неожиданное. Девочка внезапно подняла с земли небольшую сосновую шишку, положила на пенёк и сфотографировала.

* * *

Виктор машинально проверил последний абзац текста, добавил пару пустых строк, напечатал дату и удовлетворённо закрыл крышку ноутбука. На этот раз получилось просто прекрасно: он, она, осень... Определённо, так хорошо он не писал ещё никогда. Читатели будут в восторге. Эх, знали бы они... Писатель улыбнулся, а потом набросил на себя старую ветровку и вышел прогуляться по осеннему лесу.

СЕРГЕЙ МОСКВИТИН

Родился 4 февраля 1967 года в городе Дальнереченске Приморского края, но родиной своей считает город Ленск в Якутии, куда переехал вскоре после рождения и жил до недавнего времени. Окончил Казанский авиационный институт. Работал журналистом в газете «Ленский вестник». 17 лет руководил литературным объединением Ленского района «Фламинго». За период его руководства было издано 46 книг членов содружества, объединение признано самым успешным в республике. Член Союза журналистов и Союза писателей России.

ДОНЕЦКИЕ РОЗЫ

Рассказ

Мечта... Какое могучее, крылатое слово! Мечта часто дарит человеку надежду, поддерживает его в жизни, вдохновляет. Многие люди о чём-то мечтают, но лишь единицы целенаправленно и последовательно идут к своей мечте.

Разные бывают мечты. Невыполнимые, пустые, напрасные и даже преступные. У пенсионера Сергея Кускова мечта была необычной: побывать в охваченном войною Донцке и хоть чем-то помочь этим мужественным людям...

Кусков, глядя в иллюминатор, задумался. Когда у него появилась мечта попасть на Донбасс, объятый гражданской войной? Может быть, вскоре после первых тревожных сообщений оттуда? А может, когда он увидел в выпуске новостей раненого ополченца? Тому бедолаге было 58 лет, а ему на тот момент 60. Примерно столько же. Вот он и подумал, что вполне мог бы заменить его на передовой...

А может, мысль о Донцке возникла после первого родившегося на эту тему стихотворения?

Мотор самолёта гудел натужно и беспокожно, слегка вибрируя. Эта вибрация особенно чувствовалась, когда Сергей прислонился головой к обшивке рядом с иллюминатором. Внизу, под крылом самолёта, простиралось застывшее море из белоснежных облаков – пейзаж нереальный и фантастически красивый...

Кусков пришёл в поэзию уже в зрелом возрасте. Потрёпанный жизнью холостяк с полинявшими остатками волос на голове красотой не отличался, был невысок ростом. Он никогда не уделял своей внешности особого внимания, одевался просто, без изысков. Взяться за перо его заставило печально знаменитое наводнение в родном Ленске и та мощная стрессовая волна, которая накрыла ленчан с головой одновременно с водами вышедшей из ума и берегов могучей реки. Сергею по роду его работы довелось побывать в самой гуще человеческих бед и страданий, вызванных злосчастным наводнением. Ему, санитару «Скорой помощи», приходилось не раз добираться вместе с фельдшером до больных на моторной лодке, вытаскивать беспомощных людей из их затопленных жилищ, спасать от верной гибели. Нахлынувшая

волна чувств подтолкнула ленчанина к творческому самовыражению. Так родились его первые несмелые строчки.

Санитаром Сергей работал много лет. Эта тяжёлая, изматывающая и физически, и психологически работа не приносила ему достатка. Долго на ней мужики обычно не выдерживали, предпочитали найти место более спокойное и денежное. Но Кусков был из той редкой породы альтруистов, кто работает не ради денег, а ради людей. И эти его черты характера, идейность и последовательность, часто помогали ему в жизни. Именно по этой причине он и вступил в коммунистическую партию. Ему казалось, что именно КПРФ способна изменить жизнь России к лучшему, приблизить к идеалам, о которых он мечтал.

Когда Сергей пришёл в районное литературное объединение, его стихи были далеки от совершенства. Новые друзья, а теперь уже коллеги по перу, совсем не питали надежд, что из его стихотворных опытов получится со временем что-нибудь стоящее. Тем не менее, Кусков неожиданно для всех проявил завидное упорство в овладении поэтическим мастерством. Постепенно из его стихов ушли свои ритма и неказистые рифмовки, а лиричность и задушевность выступили на первый план. Начинаящего поэта воодушевили первые публикации в традиционных литературных страницах в районной газете, в республиканских изданиях, позволили надеяться на выход авторской книжки.

Первый его сборник стихов был почти целиком посвящён природе.

Стихи про то, что он любил, удавались ему особенно хорошо. Природу он обожал, и всё свободное время старался проводить на берегу реки со спиннингом в руках или в лесу с двустволкой, а в последние годы пристрастился ещё и к фотоохоте, и вместо ружья стал брать с собой фотокамеру.

Сколько неизъяснимого восторга подарили ему часы единения с суровой, скромной, но столь изысканной северной природой! Много ли нужно человеку для счастья? Поймать на спиннинг крупного ленка, нанизать на шампур, сделанный из ивовой ветки и зажарить до коричневой корочки над дышащими жаром малиновыми угольками? А потом смаковать шашлык из благородной белой северной рыбы, любуясь якутским, в полнеба, закатным пожаром. Пить бесподобный таёжный чай из брусничного и смородинового листа, чаги и ягод шиповника, слушать концертные номера художественного свиста пернатых артистов.

Когда Сергей схоронил старушку мать, он стал часто бывать на ленском кладбище, покой которого со всех сторон берегут вековые ели и лиственницы. Здесь он подружился с пушистой рыжей белкой и постепенно с помощью щедрых угощений приручил её. Забавно было потчевать лесного зверька конфетами «Белочка». На одном из снимков Кускову удалось запечатлеть момент, когда его таёжная подружка ловко освобождает лакомство от обёртки, а на там изображена такая же рыжая красавица...

Глядя на бесконечно тянущиеся под самолётным крылом облачные нагромождения, Кусков невольно вспоминал свои частые свидания с

уголками родной природы, туман над Мурбаем – притоком Лены, дым над весёлым костерком, птичьи перепалки...

Почему он так близко к сердцу принял трагедию людей Донецка и Луганска, где до этого не был ни разу в жизни, где не имел ни друзей, ни знакомых? Почему? Ему много раз задавали этот вопрос, но он не мог толком на него ответить...

Проделав долгий путь, Кусков, уставший, но счастливый, вечером приземлился в Ростове-на-Дону. Даже мимолётное знакомство с городом произвело на него сильное впечатление. «Донская столица» поразила основательностью, обилием православных храмов и старинных зданий. Переночевав в гостинице аэропорта, утром Сергей поехал на такси в обком к местным коммунистам, с которыми созвонился ещё из Ленска. Было высочайшее «благословление» на поездку и из столицы республики, Якутска.

– Сергей Иванович! Как долетели? – радушно встретили его в обкоме.

Посыпались вопросы. Коллегам по партии было любопытно, что руководило этим далеко не молодым человеком, заставило совершить долгое путешествие из далёкой Якутии в беспокойную и раздражаемую противоречиями Незалежную. Ростовские товарищи напоили его чаем, потом отвезли на автостанцию, где посадили в маршрутное такси до Таганрога.

В этом старинном городе Кускова встретил тёзка, Сергей Прокопенко, товарищ по партии. Он отвёз его на пограничный пункт, в который упиралась огромная змеиная очередь из автомобилей всех марок. Кусков приуныл: такая «анаконда» вряд ли рассосётся до завтра.

И тогда они с Сергеем приняли решение ...идти пешком. Границу преодолели легко, без всякого досмотра, лишь предъявив паспорта. Потом тёзка кому-то позвонил, и за ними приехал мужчина в гражданской одежде, но с кобурой на боку. Он повёз гостей к главе Амвросиевского района Донецкой области.

Это географическое название не было для Кускова пустым звуком: он хорошо знал про так называемый Амвросиевский котёл, где в августе 2014-го войска Новороссии окружили большую группировку противника, состоящую не только из частей вооружённых сил Украины, но и из добровольческих батальонов карателей «Азов», «Донбасс» и «Шахтёр».

Глава Николай Тарасенко, крупный седовласый мужчина, оказался человеком общительным, энергичным, он быстро организовал обед, а после небольшого отдыха вызвался самостоятельно отвезти якутянина в Донецк.

– Смотри, с чем приходится ездить! – показал он Сергею заряженный автомат Калашникова. – А без него никуда: повсюду так много диверсионных группировок!..

Николай Николаевич говорил много и охотно про свой район, цементно-шиферный комбинат, костерил на чём свет стоит Америку и американцев, которые всюду суют свой нос и развязывают войны. С особой болью рассказывал о погибших людях...

Так, постепенно, Кусков начал погружаться в реалии военного времени. Сколько раз он мальчишкой, читая книги про Великую Отечественную войну, горько сожалел о том, что не застал то героическое время! Тогда ему тоже хотелось побывать в роли задиристого сына полка или отважных юных партизан, пускающих под откос фашистские поезда. И вот на тебе! Спустя 72 года на этой же территории снова идут военные действия, и снова, получается, против фашистов!

– Сейчас заедем в совхоз, в котором я был председателем, – объявил Николай Николаевич, – и покажу тебе свой разрушенный дом. Он находится рядом с городом Иловайском, где ополчение Донбасса устроило котёл украинским войскам.

Про Иловайский котёл Кусков тоже был хорошо наслышан. Здесь ополченцы взяли в окружение большую группировку вооружённых сил Украины, предложили им сложить оружие, но те предпочли пойти на прорыв и потеряли в кровавой мясорубке примерно тысячу солдат.

Вскоре Сергей своими глазами увидел, во что превратился совхоз под Иловайском. Целых домов здесь почти не осталось, многие стояли с огромными дырами, а от некоторых осталась лишь груда кирпичей, выглядывающая из-под обрушившейся кровли. Смотреть на эту разруху было и больно, и тоскливо.

Странное это было впечатление – лицезреть ужасные язвы войны. Сергей словно бы перенёсся в далёкое прошлое, в годы Великой Отечественной войны, которую представлял себе только по книгам и кинофильмам.

В Донецк они попали, преодолев несколько блокпостов, которые охраняли вооружённые бойцы в камуфляжной форме. В город прибыли, когда уже стемнело. Сергей остановился в отеле «Риальто».

В гостинице было время немного прийти в себя, переварить увиденное, успокоиться. Вот он и в Донецке, на Донбассе. Здесь идёт самая настоящая война, гибнут люди. А он ...стремился сюда по зову души. Это долгое время было его мечтой. И вот, наконец, мечта на его глазах превращается в реальность.

Он долго ворочался, никак не мог уснуть. И лишь под утро провалился в какой-то полубормочный сон, где фашисты в стальных касках, с автоматами Шмайссера, выплёвывая пули и грубые фразы на своём лающем языке, стреляли по безоружным мирным жителям деревень.

На следующий день к Кускову в отель приехал министр иностранных дел ДНР Александр Кофман. Расспросил о планах пребывания, пообещал оказать содействие. Сразу предупредил, что к главе ДНР попасть не получится: он занят настолько, что даже министры записываются к нему на приём.

В этот день у Сергея было время не спеша пройтись по улицам Донецка с фотоаппаратом, пообщаться с людьми. Петровский, Куйбышевский и Киевский районы Донецка были разбиты, их практически не было. Впечатление было такое, будто здесь потоптался буйно помешанный великан. Некоторые дома были словно бы снесены с

места огромной дубиной, раздавлены всмятку, порваны, уничтожены. Нависшее над всем этим крошевом хмурое, свинцовое небо ещё больше увеличивало тягостное, саднящее впечатление жути.

Увиденное в Донецке потрясло Сергея и живо напомнило наводнение 2001 года в Ленске. Он снова перенёсся туда, на 14 лет назад, в родной город. Страшная картина предстала взору ленчан, когда вода отступила: река скovyрнула, стащила с места, опрокинула, смяла, разодрала на части тысячи домов, бань, сараев, теплиц; загромоздила постройками улицы; опустошила значительный участок Набережной. От профилактория до администрации «Алмаздортранса» фонари полегли все как один, словно стебли цветков. Чугунные решётки выдавило, изломало на куски, бетонное основание – в крошево. С двумя «уцелевшими» домами у недостроенного храма река сыграла злую шутку, втиснув в них сквозь проломленные стены, обращённые к реке, чудовищную начинку: глыбы льда, многометровую металлическую ёмкость и изуродованный, смятый льдом «уазик». Река разбросала по городу трупы убиенных ею коров, собак и кошек; туши льдин, брёвна, чурки, пиломатериалы, хлам, мусор, снесённые крыши домов, сараев, киосков, остановок. Деревья – многометровые разлапистые красавицы ели и берёзки пригнуло к земле, выкорчевало льдами. Огромная трещина расколола пополам автобусную остановку и надпись на ней: «Мой город – моя любовь». Река словно бы решила поиздеваться над людьми, поиграть на людских нервах. Что ж, своей цели она достигла: раздражение и злоба надолго поселились в сердцах ленчан.

На московских журналистов из газеты «Труд» пострадавший Ленск произвёл сильнейшее впечатление. «Как после бомбёжки в Чечне, – признались они, – только там люди спасались в подвалах, а у вас – на чердаках»...

Впрочем, тогда, в 2001-м, это была всего лишь стихия. Тупая, безликая стихия, совсем не зависящая от воли людей. А разрушения в Донецке и кровавое месиво устроили сами люди. И впечатление от сотворённого по этой причине было более жутким и убийственным.

На следующий день женщина из МИДа сообщила Кускову, что может устроить ему встречу с легендарным бойцом, командиром батальона «Сомали», героем ДНР полковником Михаилом Толстых, позывной «Гиви». У Сергея даже сердце ёкнуло в груди. Это же тот самый Гиви, который прославился в боях за Иловайск и аэропорт! Кусков с радостью согласился. Увидеть своими глазами живую легенду Донбасса – это же так здорово!

Вооружённая охрана штаба вначале не хотела их пускать, несмотря на «мидовские» номера машины. Пришлось связаться с Гиви по рации, после чего охранники сдались. Оказалось, что полковник как раз в это время собрался проводить совещание с офицерами, и Сергею повезло – он попал на это мероприятие.

Гиви оказался даже выше, чем Кусков себе представлял. Худой, чернявый, измождённый, со впалыми щеками и покрасневшими, видимо, от недосыпания, глазами. На тот момент ему было 35.

Офицеров на совещании собралось человек тридцать. Разновозрастные, разношёрстные, в камуфляже, суровые, опалённые войной люди. Была среди них даже одна женщина. Шёл какой-то мало понятный Сергею разбор прошедших военных действий.

А когда совещание закончилось, представительница из министерства предоставила гостю слово.

– Я приехал к вам из Якутии, из маленького провинциального города Ленска, что расположен на берегу реки Лены, – начал, чуть запинаясь от волнения, Сергей. – Работаю в Ленске простым санитаром в «Скорой помощи» уже много лет. Помогаю людям в трудных жизненных ситуациях. Приняв всем сердцем боль вашей ситуации, я написал несколько десятков стихотворений и издал книгу о гражданской войне на Украине. Вот эта книга!..

И Сергей продемонстрировал собравшимся своё детище, выстраданное долгими часами размышлений, трепетных вдохновений и бессонных ночей. «Донбасс в огне». Книгу он издал в одном из новосибирских издательств за свои средства...

Все взгляды донецких офицеров скрестились тогда на скромном сборнике стихов, который показывал им Кусков. И он почувствовал: что-то отозвалось в суровых сердцах потрёпанных войной людей, глаза их словно бы потеплели, засветились, загорелись каким-то неподдельным интересом, лёгкой солнечной улыбкой, что ли. Казалось бы, какие там стихи, когда эти люди каждый день имеют дело со смертью? Но стало понятно, что донбасские ополченцы тоже люди, и сердца у них не железные. Тем более, что стихи, получается, посвящены им – героям, защищающим свою родную землю от нацистов!

Неожиданно кто-то из офицеров попросил:

– Прочитайте что-нибудь! Одно стихотворение!

Кусков вопросительно посмотрел на Гиви. Тот, чуть усмехнувшись, кивнул, разрешая.

Раскрыв книгу наугад дрожащими от волнения руками, Сергей прочитал первое попавшееся:

*Их много на общем портрете –
Ни в чём не повинные дети,
Угасшие искорки глаз.
Артёмы, Данилы и Даши,
Полины, Марины и Саши
Глядят с фотографий на нас.*

*Какая нечистая сила
Их светлые жизни сгубила,
Их души с собой унесла?
В какую лихую годину
Взрастила в себе Украина
Само воплощение зла?*

*Я к вам обращаюсь, подонки:
За каждую душу ребёнка
Ответить придётся сполна!*

*Исчадия смрадного ада,
От нас не дождётесь пощады,
Не спрячет вас ваш сатана!*

*Прощенья такому не будет:
Найдутся и силы, и люди
Обратно спровадить вас в ад!
Убитые дети Донбасса
Взывают, как пепел Клааса,
В сердца наши громко стучат!*

Офицеры одобрительно загудели, а потом начали аплодировать. Кто-то при этом негромко, но убеждённо произнёс:

– Наш человек!

И Кусков понял, что не зря проделал такой долгий путь.

Знаменитый комбат принял сборник стихов с благодарностью, в ответ подарил гостю из Якутии флаг ДНР, расписавшись на нём: «От Гиви». Не отказал сфотографироваться рядом с гостем из России.

Когда они встали рядом, Сергей удивился, до чего же высок легендарный Гиви: на целую голову выше его!..

Не прошло и двух лет с того памятного дня, как Сергей узнал печальную новость: в феврале 2017-го Гиви был обстрелян из реактивного огнемёта «Шмель» и погиб прямо в своём кабинете – том самом, где проводил совещание с подопечными офицерами. В связи с гибелью Михаила Толстых в ДНР был объявлен трёхдневный траур, прощание прошло в Донецком театре оперы и балета, в нём приняли участие около 55 тысяч жителей республики. Легендарный комбат был похоронен с воинскими почестями в Донецке на кладбище «Донецкое море»...

На следующий день состоялась незабываемая встреча со школьниками в Макеевке – той самой, где ранее шли бои на окраине города. Дети оказались любознательными, непосредственными и живыми, задавали много вопросов. Сергей показал им много своих фотографий якутской природы, в том числе и белочку с конфеткой «Белочка» в лапках. Дети пришли в полный восторг, ведь они ничего подобного раньше не видели. Расчувствовавшись, Кусков раздарил им все свои снимки и подписал на память школьной библиотеке несколько сборников стихов.

Личная жизнь у Кускова не сложилась, детей он не имел, но от встреч со школьниками никогда не отказывался. Ему нравились в детях их наивность и чистота, прямота и непосредственность. После каждой встречи с детьми сердце его словно бы напитывалось светом, добротой и умиротворением.

Учительница, молодая улыбчивая женщина, на прощание взволнованно поблагодарила гостя:

– Сергей Иванович! Спасибо вам огромное за интересную встречу! Наша Донецкая республика и её народ переживают сейчас непростые времена, но очень приятно сознавать, что есть люди, которые искренне нам сопереживают!

Донецк оставил неизгладимые впечатления в душе ленчанина. Ему показалось удивительным, что в осаждённом городе дворники в пять утра каждый божий день исправно выходят на работу, оттого на улицах такая чистота. Северянина поразило, что дети беззаботно играют во дворах, видимо, уже привыкнув к звукам выстрелов. А ведь в город то и дело прилетают снаряды и мины, по улицам проносятся БТРы. Поразило и то, как простые жители и ополченцы Донецка благодарны России за гуманитарную помощь – сколько слов признательности успел он услышать за свою короткую пятидневную поездку!

В Донецке ленчанина познакомили с удивительным человеком, который изготавливал ...кованные розы. Кузнец, заслуженный мастер народного творчества ДНР Виктор Михалёв собирал осколки разорвавшихся снарядов и перековывал их в цветы, превращая мрачные символы войны в подлинные символы Донецка, потому что этот город во все времена утопал в цветах. Недостатка в материалах Виктор не испытывал. Гильзы, искорёженное оружие, осколки от мин и даже от боеприпасов «Ураганов» и «Градов» несли мастеру и военные, и местные жители.

Сергею посчастливилось побывать у мастера дома. И первыми произведениями искусства, которые поразили Кускова, были кованая ограда и усеянные металлическими цветами кованные ворота жилища, где обитал Михалёв. Сам Виктор Петрович, один из известнейших мастеров Гильдии кузнецов Донбасса, предстал перед гостем в грубой прожжённой куртке-спецовке и старой вязаной шапочке. Щуплый, лет пятидесяти, с кустистыми бровями, он что-то мастерил, держа в закопчённых натруженных руках газовую горелку и железный пруток. Лицо его тоже было слегка закопчённым, но в глазах весело поблёскивали творческий огонёк и лукавинка.

Мастеру было что показать – целый ряд кованных роз он выставил в вазочках из корпусов гранат-лимонок, а одна из этих удивительных поволоков «росла» прямо из «тела» искорёженной гильзы крупнокалиберного снаряда.

Покупая у автора необычный сувенир – две розы тонкой работы в вазочке из гранаты, символ скорби по убитым в Донецке мирным людям, Сергей поймал себя на мысли: а ведь он, можно сказать, занимается примерно тем же! Тревожную, бередящую сердце информацию о войне на Донбассе он перерабатывает, переплавляет в стихи. И стихи, получается, это его донецкие розы.

Жители Донецкой республики поразили Кускова. Они не огрубели, не закоснели в вынужденной войне. Их горячие сердца тянулись к прекрасному. Все они дружно желали одного – чтобы в их городах и сёлах наступил долгожданный мир, больше не прилетали и не взрывались снаряды и мины. Чтобы перестали погибать от взрывов и выстрелов дети, мирные жители и солдаты на передовой. Все уже смертельно устали от горя и бесконечных похорон...

Весь обратный путь в Якутию Кусков пребывал в задумчивости. В первый год конфликта он всем сердцем хотел попасть в Донецк, чтобы примкнуть к ополченцам и с оружием в руках защищать город

от нацистов. Но вот были приняты Минские соглашения, и первоначальная цель Сергея «поехать на войну» вроде бы снизошла на нет. Однако он не оставил своей мечты попасть в Донецк во что бы то ни стало. И его мечта осуществилась. Он посмотрел своими глазами на то, о чём писал, сопереживая трагедии, в своих стихах.

Впечатления от увиденного не прошли даром: стихотворные строчки настойчиво просились в тетрадь. И Сергей торопливо фиксировал их.

Вернувшись в родной город, Кусков твёрдо решил, что на следующий год снова поедет в Донецк.

Вторая поездка состоялась ровно через год. К этому времени Сергей дополнил свой сборник новыми стихами и переиздал его в одном из московских издательств. Районное управление культуры, узнав о предстоящей поездке, провело благотворительный концерт в помощь детям Донбасса. Администрация района и совет депутатов помогли с оплатой проезда. На этот раз ленчанин поехал в ДНР уже с подарками и деньгами.

Вторая поездка получилась более продолжительной по времени. Состоялось несколько встреч со школьниками и читателями библиотек. Незабываемой получилась встреча с ополченцами. Вчерашние шахтёры, водители, служащие, добровольцы из России – разношёрстная и по социальному положению, и по армейскому опыту братия, кто в банданах, кто в касках, а кто и в танкистских шлёмках. Настоящие мужики с оружием в руках, закалённые в военных стычках.

Деньги он вручил матери одного из детей в больнице Донецка. Никогда Кусков не забудет ту первую, врезавшуюся в память, словно осколок снаряда, встречу с пострадавшим от войны ребёнком. Четырёхлетней девочке обе ножки раздробило во время подлого обстрела со стороны украинских войск, требовалась сложная операция. Осколки костей нужно было терпеливо собирать, как паззлы, в единое целое. Когда он вошёл в палату, увидел измученную малышку, а рядом – зарёванную, потемневшую от горя молодую мать, которая держала ладонь у неё на лбу, что-то шептала, утешала, как могла.

Как резанул по сердцу Сергея плач маленькой, ничего не понимающей Анюты, как отозвались болью в груди её глаза, полные слёз!

Деньги Оксана приняла почти равнодушно, тихо вымолвила слова благодарности. Видно было, что она просто одурела от свалившегося на неё несчастья.

А перед Кусковым разом пронёсся вдруг целый ряд кровавых образов – и печально известная так называемая горловская мадонна, и другие молодые мамы, погибшие со своими малолетними детьми на руках, и 13-летний Кирилл, закрывший своим телом и спасший девятилетнюю сестру. И девятилетний Ванечка, который лишился зрения, обеих ног и правой руки... Кусков хорошо знал об этих и других случаях по новостям и публикациям в прессе, а в силу своей профессии слишком уж зримо, увы, представлял себе все эти случаи и смертей, и увечий. Плачь маленькой Анютки всколыхнул в нём

вдруг все эти ужасы жестокой войны разом, и ему тоже сделалось дурно.

Как же могло произойти такое, что радужная, яркая, песенная страна Украина взрастила в себе чудовище по имени нацизм – жестокое, смрадное исчадие ада, поклоняющееся приспешнику фашистов Степану Бандере? Отморозков, зверей, которые бьют запрещёнными «Градами» и кассетными ракетами по мирному населению с единственной целью – уничтожить всех русскоговорящих «колорадских жуков»...

Как же так получилось, что именно Украина – младшая сестра России, сама немало пострадавшая от фашизма в годы Великой Отечественной войны, воскресила в себе этот самый фашизм, зачала его в своём чреве, выносила и родила этого мерзкого урода? Неужели же зло в людях настолько неистребимо?!

Через год он снова поехал в Донецк. А затем состоялись четвёртая и пятая поездки. В ДНР якутянина уже принимали как своего, родного. У Сергея завязались крепкие дружеские связи с представителями двух литературных объединений республики, он побывал в нескольких населённых пунктах. Неоднократно был в госпиталях, оказывал раненым моральную и материальную помощь. Несколько раз был на передовой. Покупал бойцам перевязочные материалы и разную нужную мелочь, сам отвозил им это.

Он стремился туда каждый год по зову сердца. Он уже просто не мог жить без этого. Ему казалось, что именно здесь, на территории Донбасса, именно сейчас происходит главная на Земле битва добра со злом. Конечно, рассуждал Сергей, он маленький человек, но, может быть, именно в этом и состоит его миссия – помочь хоть чем-то, хоть самой малостью.

А потом вдруг граница закрылась из-за трижды проклятого ковида, и Сергей, скрепя сердце, сдал уже купленный было билет. Три года Кусков не ездил на Донбасс, общался с донецкими друзьями только по телефону.

А когда правительство России решилось-таки встать на защиту двух многострадальных республик и очистить Украину от националистов, Кусков всем сердцем возликовал. Свершилось! Наконец-то! Он не мог оторваться от экрана телевизора и просиживал за ним целыми днями напролёт, ведь по новостям каждый день теперь показывали те самые места, в которых он побывал! Ему звонили знакомые, друзья и ополченцы из Донецка, все поздравляли его с долгожданным событием, ведь он тоже долгие восемь лет вместе с ними мечтал о том, чтобы Россия протянула руку помощи Донбассу. Жители России, казалось, воспрянули в едином патриотическом порыве – по всей стране проходили акции в поддержку героев Донбасса и бойцов специальной военной операции, сборы гуманитарной помощи. Поэты, словно бы спохватившись, писали на эту тему стихи, барды сочиняли песни...

Именно в эти дни всеобщего патриотического подъёма Сергей вдруг почувствовал, что по-настоящему счастлив.

ВЛАДИМИР КРЕЧЕТОВ

Владимир Замышляев. Родился в 1953 году. В качестве литературного псевдонима принял фамилию матери Кречетов. Инженер-технолог, психолог. Служил на Северном флоте. Работал на стройке, на заводе, в школе, на общественной работе, занимался наукой, предпринимательством. Инструктор водного туризма. Много путешествовал по России. Удавалось выезжать за границу – побывал в 95 странах мира. Печатался в литературно-художественных альманахах: «Вдохновение» (Санкт-Петербург), «Православная Русь» (Санкт-Петербург), «Арина НН» (Нижний Новгород), «Ушедшим в бессмертие...» (Санкт-Петербург), «В контакте с юмором» (Новокузнецк), «ARONAXXI» (Волгоград), «Серебряный дождь» (Коломна), «Смехопарад» (Москва); в журналах: «Смена» (Москва), «Бийский вестник» (Бийск), «Союз писателей» (Новокузнецк), «Невский альманах» (Санкт-Петербург) и мн. др. Проживает в Санкт-Петербурге.

ПОЕДИНОК

Вадим сидел в вагоне московского метро и рассматривал газету «Советский спорт». Его внимание привлекла девушка, читающая книгу. На первый взгляд ей можно было дать лет двадцать пять. Светловолосая, худощавая, с чуть припухшими губами, она была одета в джинсовый костюм и кроссовки. Вадиму было тридцать пять, позади неудавшийся брак, и теперь серьёзные отношения пугали его. Но девушка ему явно нравилась, захотелось с ней познакомиться. Не придумав ничего оригинальнее, спросил: «Какую книгу читаете?» Она закрыла книгу, и он увидел название «Анна Каренина». Подумал, что это плохой признак – жена перед разводом читала именно этот роман. Но эту мысль Вадим быстро отнёс. Случайное совпадение. Он стал нести банальную чепуху, свойственную молодым людям при знакомстве с девушками. Она вначале улыбалась, не поддерживая разговор. Затем стала кивать и задавать короткие вопросы. Так, постепенно, дошло до знакомства. Девушку звали Кира. Жила она в Химках, а на работу ездила в Москву. Кире надо было доехать до станции метро «Комсомольская», а затем от Ленинградского вокзала на электричке до Химок. А там от железнодорожной платформы до её дома минут десять пешком. Вадим приехал из Санкт-Петербурга в Москву в командировку. К Химкам Вадим относился с приятной ностальгией – здесь он четыре года учился в аспирантуре. Ему тогда было столько же лет, сколько сейчас ей.

Словно забыв, что он значительно старше, Вадим почувствовал себя ровесником этой обаятельной девушки. Они болтали без умолку. Вадим нёс такую юношескую чушь, что на другой день ему было стыдно вспоминать, как он, взрослый зрелый мужчина превратился во влюблённого пацана, который не замечает ничего кругом, не

контролирует своё поведение, видя только её глаза. Он не заметил, как они оказались в электричке.

- Нам на следующей остановке выходить.

- А что, уже Химки? – Вадим расстроился, ему хотелось, чтобы встреча продолжалась как можно дольше.

Поезд уже двигался по мосту, когда они направились к выходу.

До Кирино дома шли медленно. Вадим догадывался, что и Кира не спешит расставаться.

- Вот мои окна светятся, родители ждут меня к ужину.

- Ты познакомишь меня с ними?

- Мы с тобой знакомы всего час, не торопи события, давай встречу с родителями перенесём на другой раз.

Вадим почувствовал восторг – его не отвергли! Действительно, трудно не согласиться, что после часового знакомства прийти в дом представляться родителям будет предосудительно. У её подъезда обменялись телефонами, попрощались, пожав друг другу руки.

Кира позвонила через две недели, сказала, что на работе ей дали отпуск, и она готова приехать в Питер:

- Ты не будешь возражать, если я приеду в субботу? Мне хотелось бы посмотреть петербургские белые ночи, особенно разводку мостов.

- Я буду очень рад, но лучше, если ты приедешь в понедельник. Два дня для тебя ничего не решат, а для меня они очень много значат – соревнования в воскресенье, и я готовлюсь к ним вот уже полгода. Не хотелось бы отвлекаться на другие дела.

- Я уже настроилась на субботу и не хочу переносить поездку. Ты не волнуйся, я постараюсь тебе не мешать.

На Московском вокзале Вадим встречал Киру с большим букетом красных роз. Девушка постоянно смеялась и рассказывала про попутчиц, с которыми познакомилась в поезде. Из вещей у Киры был только один маленький чемодан. Вадим взял такси, и они поехали к нему домой. По русскому обычаю сели пить чай. Показалось мало. Сварили пачку пельменей. Сытая и довольная Кира потянулась лёжа на диване. И вдруг неожиданно предложила:

- В Эрмитаже сейчас выставка французских импрессионистов. Не увидать их работы – преступление. Едем!

- Кира, может быть без меня? У меня завтра поединок, я хотел бы отдохнуть.

- Мы же не будем ходить по всему Эрмитажу, посмотрим только импрессионистов – и домой. Займёт это всего полчаса.

Оказавшись на выставке, Кира потеряла представление о времени. Полностью погрузившись в атмосферу живописи, не замечала никого кругом, только она и картины. Ёе глаза светились радостью, словно ждала этой встречи много лет, и вот, наконец, мечта сбылась. Вадим чаще смотрел не на полотна, а на лицо Киры. Ему нравилось наблюдать, как в зависимости от холста менялась её мимика. Вадиму тоже передалось ощущение восторга.

Вечером за ужином Кира предложила:

- Вадим, у тебя поединок в одиннадцать утра. Если мы вечером пойдём смотреть разводку мостов, то поздно ляжем спать, но

можно ведь и проснуться попозже. Времени до соревнования достаточно много.

– Не соглашусь с тобой. Тут важен режим, а не количество часов сна. Надо ложиться и вставать постоянно в одно и то же время, тогда организм привыкает.

– Обрати внимание, какое сегодня безоблачное небо. А ты лучше меня знаешь, как быстро в Питере меняется погода. А вдруг потом небо покроется облаками или ещё хуже – пойдёт дождь. Тогда я не смогу в полной мере насладиться красотой белых ночей.

Кира недопонимала, что для мужчины дело – всегда на первом месте.

Был тёплый июньский вечер. К Неве подъехали на седьмом троллейбусе по Невскому проспекту – самой красивой улице мира. Ну, не лондонская же Пикадилли! И даже не парижские Елисейские Поля! Это красивые улицы, но Невский, великолепный Невский, он лучше всех!

Гуляли по Дворцовой набережной, Стрелке Васильевского острова, подошли к Петропавловке, потом прошлись по Троицкому мосту. Вадим стремился показать Кире самые красивые места его любимого города. Кира вдохновенно рассказывала историю создания памятников, сооружений, словно это она была петербурженкой, а не Вадим, который сознался, что знания о городе у него лишь поверхностные. Восхищение подруги передалось и Вадиму. Он любовался городом, Кирой, улыбался незнакомым прохожим, в этот вечер ему всё нравилось. Остановились у Дворцового моста, чтобы вблизи увидеть двухпролётную разводку. А потом гуляли, гуляли, гуляли... Домой пришли только утром.

На сон оставалось только полчаса. Завтрак, и – на стадион. По дороге Вадим с Кирой молчали. Бессонная ночь, усталость не располагали к беседе.

Бои без правил в Питере делали ещё только первые шаги. Такое название не совсем правильно. Запреты есть: нельзя бить в позвоночник, в пах, в горло. В пах, правда, попадало. И, несмотря на защитную раковину в этой области, было достаточно больно. В настоящее время название звучит более правильно: смешанные единоборства. Встречаются в поединке бойцы, занимающиеся разными видами единоборств: борьба, бокс, каратэ, кун-фу и другие. Сейчас никто в этих боях не пытается соблести чистоту стиля, бойцы стараются быть универсалами, отдавая, тем не менее, предпочтение своему родному стилю. Вадим на спортивных поединках использовал технику борьбы и кун-фу, а в уличных драках, если не удавалось их избежать, кулачный бой.

Бой начался. Соперник, молодой парень, осторожничал, даже, как показалось Вадиму, опасался его. Первым атаку он не начинал, работал только на контрударах. Вадим не спешил, постепенно набирал очки. На последних соревнованиях, когда он встречался с рукопашником, тот на первых секундах сымитировал «двойку» руками, а сам пошёл в ноги. Вадим успел сделать захват и произвёл бросок «прогибом». А потом – болевой приём на руку. Бой длился

несколько секунд. Судья поднял Вадиму руку, как победителю, но зрители возмутились и потребовали продолжения. Это была первая схватка на соревнованиях, и она так быстро закончилась. Зрителей понять можно: они заплатили деньги, а зрелища так и не увидели. Судья поначалу растерялся, но потом подошёл к бойцам и спросил: «Вы хотите продолжить схватку?» Проигравший, естественно, не возражал. Вадим посмотрел на возмущенных зрителей и тоже согласился.

Помня о той встрече, Вадим не форсировал события, поединок шёл по его сценарию. Он хорошо двигался, нанося удары слева, справа, в корпус, в голову. Прямой в челюсть потряс соперника. Но добить Вадим не успел – закончился раунд. Сел на приготовленную тренером табуретку, вытер полотенцем лицо. Закрыв глаза и глубоко дыша, пытался восстановиться.

...Кто-то тряс Вадима за плечо. Открыв глаза, он увидел своего товарища по спортивной секции:

– Тебе плохо?

– Нет, всё в порядке. А почему на ринге другая пара?

– Наш тренер выкинул полотенце. Сказал, что ты отказался от поединка.

Вадим встрепнулся:

– Я не отказывался! Я готов продолжать поединок!

– Судья-информатор уже объявил о твоём отказе.

Вадим лихорадочно думал: «Что же произошло?». Он не слышал, чтобы тренер его о чём-то спрашивал, не слышал сообщения судьи-информатора. Вадим понял, что просто услышал. Почему тренер не разбудил его? Почему не надавал пощёчин? Это же позор не только для спортсмена, но и для тренера, который выпустил на ринг такого воспитанника. И где он сейчас? Неужели Вадим испугался проигрыша и бессознательно отказался от боя? У него же были не только победы, но и два проигрыша, и все от одного долгоязого парня, который своими длинными ногами отбил Лоу-Киком (боковой удар ногой по ноге соперника) бёдра Вадима. Да и почему он должен бояться проигрыша? В поединке всегда один выигрывает, другой проигрывает. Проиграть – можно, но отказаться – недопустимо. Умри на ринге, но не сдавайся. Или вообще не выходи на поединок. Сказать, что у Вадима полностью отсутствует страх, было бы неверно. Страх есть, но он – до поединка, а во время боя приходит азарт, и надо, наоборот, себя сдерживать, чтобы не лететь на противника с открытым забралом, надо постоянно думать о защите, а иначе можно получить встречный удар и, тогда уж, точно окажешься на полу. Можно назвать это страхом, а можно – предстартовым мандражом. Это знакомо, наверное, всем спортсменам. Когда Вадима приглашали на соревнования по гиревому спорту, он тоже чувствовал нечто подобное. У него был личный вес девяносто два килограмма, а у соперников – больше ста. Ну а что делать, если весовая категория свыше девяноста килограммов не имеет предела. Чтобы придать себе уверенности, Вадим уходил в зал разминки, где были спортсме-

ны весом до восьмидесяти килограммов, и в той компании он чувствовал себя вполне комфортно.

Уличные драки не идут ни в какие сравнения со спортивными поединками. В них нет правил, нет судьи, который мог бы остановить бой. Вадим не отказывался от драк, но всегда предпринимал попытки их предотвратить. Как говорят на Востоке: «Лучший бой – это бой, который не состоялся». Вадим вспомнил конфликт в тюрьме, произошедший между ним и одним из зеков по прозвищу Ник. В тюрьме (СИЗО) конфликты между зеками постоянны, но тут был особый случай. Ник за явным преимуществом выиграл на тюремном ринге у серебряного призёра чемпионата России по боксу в тяжёлом весе. После того поединка Ник обнаглел и вёл себя вызывающе. И вот он стоит перед сидящим за столом Вадимом и цинично улыбается: «Ты мне морду обещал набить за прокол в работе. Я жду». И тут только Вадим вспомнил, что недавно он не сдержался и бросил Нику фразу, что набьёт ему морду, если он не изменит отношение к своим обязанностям. Как говорят зеки «пришла пора отвечать за базар». И если на воле сказанная им фраза ничего не значила, то в этих стенах – далеко не так. На памяти Вадима был пример, когда один зек сказал другому: «Я тебя зарезу». Тот даёт нож и говорит: «Режь». «Да я просто так сказал. Не буду я тебя резать». С этого момента его жизнь резко изменилась: уже вечером он оказался среди «опущенных» – в самой низшей касте тюрьмы. Вадим осознавал, что если с ним такое произойдёт, он наложит на себя руки, так как жить опозоренным не сможет.

– Обещал – значит сделаю. Ты готов?

– Готов.

Вадим повернулся на стуле лицом к Нику, резко встал и, делая шаг как бы мимо него, ребром ладони левой руки со стороны большого пальца ударил соперника в горло. Ник упал лицом на письменный стол. Вадиму показалось, что он его убил. Он быстро вышел из комнаты, чтобы никто его не застал на месте преступления. Минут через сорок к нему подошёл один из зеков и передал, что его ждёт Ник на площадке второго этажа на матч-реванш. Площадка была достаточно широкой, и желающих посмотреть на поединок собралось немало. Соперники встали друг против друга. Условия драки просты: разрешается всё. Со стороны зрителей прозвучала команда: «Начали». Вадим понимал, что пойти на обмен ударами недопустимо – одного-двух пропущенных может быть достаточно, чтобы оказаться на полу. Ник стоял в боксёрской стойке и не лез напролом. Первый скоротечный бой отрезвил его, но ситуация требовала от него нападения, и он сделал выпад. Вадим рантом ботинка ударил противника по колену. Ник отступил, сдвинулся влево, вновь сделал выпад. Вадим опять ударил по колену левой ногой, а затем – резко правой в корпус. Ник упал на четвереньки и пополз по лестнице вниз. Как потом выяснилось, у него были сломаны два ребра.

Позднее к Вадиму подошли четверо парней:

- Скажем откровенно, мы болели за Ника. Почему ты не добил его? Почему дал уползти?

- Сегодня вашему другу не повезло. Какие претензии могут быть ко мне?

- Мы понимаем, что кто-то должен был проиграть. Но Ник струсил и с поля боя уполз. А ведь он был нашим другом. Было бы лучше, если бы Ник там же «откинул копыта».

- У нас не было условия драться до первого трупа. Решайте свои проблемы без меня.

Тогда, в непростых условиях, Вадим не струсил, и даже, на тот момент, было не важно, кто выиграл, а кто проиграл. Главное, что он не отказался от поединка. А почему же сейчас, в нормальной спортивной борьбе он повёл себя иначе? Испугался? Но он же спал! Всё как-то бессознательно произошло. Может быть, тренер отказался от боя, видя состояние Вадима? Надо спросить его об этом. Нет, в эту минуту не хотелось никого видеть - ни тренера, ни Киру, никого!

По дороге домой Вадим сказал Кире: «Я хочу остаться один, поезжай сегодня в Москву». Она уехала. Несколько дней звонила из Москвы. Вадим не отвечал. Потом она перестала звонить. На тренировки Вадим не ходил, не хотелось видеть тренера. С друзьями тоже перестал видиться. Вадиму, словно улитке, хотелось спрятаться от всех - никого не видеть, никого не слышать.

Такое состояние не прошло незамеченным для сотрудников по работе.

Один из них, Николай, с кем Вадим приятельствовал, спросил:

- У тебя какие-то проблемы?

- Нет, у меня всё в порядке.

- Могу я тебе чем-то помочь?

- Со своими трудностями я справляюсь сам.

- Если ты не хочешь мне открыться, обратиться к гештальт-терапевту, он снимет твою психологическую проблему.

- Не нужен мне ни терапевт, ни кто другой. Я достаточно сильный, чтобы самому решать свои проблемы.

- Тогда советую обратиться к аффирмации.

Вадим об этих понятиях ничего не слышал, поэтому дома, сев за компьютер, в поисковике начал искать, что обозначают эти термины. Если его состояние стали замечать посторонние люди, надо как-то работать над собой. Для себя определил, что начнёт с позитивно сформулированной фразы, постоянно повторяющейся. И если не получится, только тогда обратится к гештальт-терапевту.

Позитивную фразу составить оказалось не так просто. Ведь в ней не должно быть приставки «не». И Вадим нашёл её: «Я - сильный, уверенный, энергичный и способный». Записал это на бумаге и несколько раз в день повторял, как мантру, с той лишь разницей, что произносил её энергично. Такое самовнушение не прошло бесследно. Вадим перестал заниматься самоедством и сам почувствовал, что стал уверенней, приятель на работе также заметил позитивные изменения. Вадим пошёл заниматься боксом в другой спортивный

клуб, в прежний – не ходил, чтобы не видеть ни тренера, ни друзей по секции, хотелось забыть тот отказ от поединка как кошмарный сон. Новый тренер хорошо встретил Вадима, одобряюще подсказывал во время тренировок, да и ребята оказались дружелюбными, только один, Антон, не шёл на контакт, но он и с другими не особо общался. Вадим с удовольствием ходил на занятия.

Однажды на тренировку пришли только Антон и Вадим. Вероятно, что тренер попросил кого-нибудь из учеников предупредить об отмене занятий, но до них двоих никто не дозвонился. Решили разминаться вдвоём в надежде, что кто-то ещё подойдёт, но никто не пришёл. Антон предложил:

– Давай поработаем в спарринге.

– Можно, только влѣгкую «пофехтуем», – согласился Вадим, исходя из того, что Антон был значительно выше ростом, да и на вид был физически сильнее.

Но лёгкого «фехтования» не получилось. С первых же секунд Антон обрушил град мощных ударов. Вадим «поплыл» и, чтобы спастись от нокаута, вошёл в клинч. Несколько секунд в захвате позволили ему восстановиться. Антону удалось освободиться от захвата и левую руку направить в голову Вадима. Вадим сделал нырок и ушёл за спину противника. Потом – ещё несколько шагов вправо, уходя на внешнюю сторону левой руки, чтобы не попасть под правую ударную руку. Антон уже ждал этого. Но вдруг Вадим делает резкий уход в другую сторону и левой рукой наносит удар в открывшуюся зону печени. Антон знаком показал, что бой прекращён. Пропущенный удар в солнечное сплетение ещё можно терпеть, в печень – нет.

Вадим шёл домой наполненный радостью, любя всех людей, весь мир! Сегодня была победа, и прежде всего, победа над собой! Он осознал, что главный враг не внешний, а тот, который в нас самих, наши комплексы, слабости, страхи, поэтому не других надо винить, а в себе искать причины создавшихся проблем.

АНДРЕЙ ПУЧКОВ

Родился 24 июля 1963 г. в посёлке Хандальск, Абанского района, Красноярского края. В 1984 г. после демобилизации из Советской Армии служил в МВД на различных должностях. В 2006 г. вышел в отставку. В настоящее время проживает в г. Сосновоборске Красноярского края. Рассказы печатались в журналах: «Сибирские Огни», «Пять стихий», «Енисей», «Сура», «Новый Енисейский литератор», «День и Ночь», «Страна Озарение», «Русло», «Белая скала», «Союз писателей», «Фанданго» и др.

УДАЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Я стоял на холме и смотрел на деревню, мирно посапывающую под снежными барханами. Солнце, покрасневшее от мороза, гигантским колесом медленно и величественно катилось к земле, разбрасывая в стывшем воздухе багровые сполохи. Тишина стояла такая, что даже не верилось! Я переступил с ноги на ногу, чтобы услышать скрип снега и вынырнуть из безмолвия в реальность. Тишина. Казалось, что застывший воздух сковал все звуки, которые могли бы появиться в этом таёжном зимнем безмолвии.

– Эге-ге-ге-е-е-е!.. – заорал я в надежде, что крик всколыхнёт лесную глушь и покачнёт неестественно прямые, упирающиеся в безоблачное вечернее небо, неподвижные столбы белого дыма, поднимающиеся от каждой избы.

– Эге-ге-ге-е-е-е!..

– Э-э-э-й! Степаныч!.. – услышал я сквозь сон голос Мишки «Черепан» и, открыв глаза, уставился на мощные брёвна блиндажного потолка.

Вставить не хотелось, тем более после такого сна. Закрыть бы опять глаза да досмотреть!.. Может, и морозец почувствую! Может, он нос и уши пощиплет! Как тогда, в детстве...

– Ну и чё ты как потерпевший орёшь? – зевнул я, выбравшись из блиндажа в окоп, и зябко поёжился, вопросительно посмотрев на напарника.

Мишка, приткнувшись к брустверу окопа, вкусно чавкал бутером и через бинокль всматривался в сторону нашего тыла.

– Ты чего? Пути отступления себе, что ли, намечаешь? – поддел я Мишку и, сев рядом на пустой ящик от патронов, потянулся. – Бандерлоги, они вроде как с другой стороны, ничего не попутал?

– Да не-е-е!.. Тут другое! Кого-то нелёгкая занесла! БТР, вон, эскортом. Значит, опять кто-то там, наверху, что-то придумал, а мы эти задумки воплощать будем!

– Это верно, – согласился я, встал, ещё раз потянулся и, поудобнее устроившись на ящике рядом со своим вторым номером, коим Мишка и является, спросил:

– Куда смотреть-то?

– Да вон, возле бывшей водокачки восьмидесятый пристроился! Видишь? Из-за него тёмно-синий круизёр морду высунул. Вот на нём гости и прибыли.

– Ага, сейчас глянем, – пробормотал я и навёл СВД на кучку военных, которые топтались возле своих машин и с любопытством осматривались по сторонам.

Прижался щекой к упору и привычно убрал в прицеле полутени. Поймал себя на мысли, что на автомате подгоняю фигурки людей под разметку и определяю расстояние до них.

– Вот бы кто-нибудь сообщил им, что они на мушке у снайпера, – хихикнул Мишка, – на цирк бы посмотрели!.. На куриный!

– Это точно! – поддакнул я напарнику, не отрываясь от прицела. – Носиться начнут покруче клуш деревенских! Штабные почему-то думают, что суетливой беготнёй можно создать проблемы снайперу.

И я сплюнул, вспомнив, как «азовские» стрелки разом грохнули трёх наших штабных офицеров, которых нелёгкая занесла на линию разграничения. Не получилось у них от пули убежать! От пули надо прятаться, а не бегать. Хотя...если умеючи... Но откуда у них возьмутся эти специфические навыки.

Мы с Мишкой отобедали, закончив греметь ложками по котелкам, и теперь неторопливо смаковали чай. Я осторожно прихлёбывал из большой фарфоровой кружки горячий напиток, заваренный с известными только нашему повару травами. Напарник, в отличие от меня, насладиться горячим чайком не мог. Он пытался его пить, постоянно дую в кружку, но это мало помогало. Железная кружка обжигала губы. Я гаденько захихикал, когда Мишка в очередной раз обжёгся и, выругавшись, поставил кружку на стол.

– В первый же выход в «серую» зону у какой-нибудь бабульки кружечку, как у тебя, прикуплю, – уведомил меня напарник и опять взялся за свою железяку.

– Ты уже месяца три себе кружку добываешь, да всё никак...

– Да знаю я, знаю!.. – перебил меня Мишка. – Просто забываю всё время! Делом я там всегда занят!

– Это каким таким делом?

– А вот таким!.. Пока ты там прогуливаешься, я вынужден бить, тело твоё снайперское охраняючи.

– Степаныч! – засунув голову в дверь блиндажа, заорал «Гаврик» – невысокий худощавый татарин, исполняющий неизвестно какую роль при штабе. – Давай бери свою «черепушку» и ходи до Маклая! Дело у него к тебе.

– Сам ты «черепушка»! – заорал в ответ Мишка и запустил в посылного пустым «цинком», который он использовал вместо пепельницы.

«Гаврик», взвизгнув, спрятался за дверью и что-то проорал на языке родных осин.

– Мамай недобитый! – пробормотал Мишка и начал собирать окурки, разлетевшиеся по всему блиндажу.

Я засмеялся – худощавое Мишкино лицо с кожей, обтягивающей прямой подбородок и скулы, действительно смахивало на стилизованный череп, отсюда и прозвище.

Сразу к командиру не пошёл, отправил туда Мишку, а сам, чтобы разнюхать что к чему, направился к гостям.

– Здоров, ребята! – поприветствовал я бойцов у прибывшего БТРа и сел на корточки, привалившись спиной к могучему колесу. – Откуда гости? Наши? Али как...

– А хрен его знает! – хмыкнул лежащий на крыше БТРа боец, судя по масляным пятнам на камуфляже, механик-водитель. – Нам, батя, не докладывали, сдёрнули с места и отправили. Гости есть среди них или нет, нам знать без надобности.

– А чего они не на броне? А на этой фиговине, – кивнул я в сторону японского красавца.

– А это они до первого обстрела форсят! – засмеялся другой боец, удобно развалившийся на выложенной из битого кирпича лавке. – Как первый раз прилетит, так сразу же внутрь забьются, а потом и танк потребуют! Были уже случаи.

– Степаныч! Давай сюда! Ждут! – высунулся из командирского блиндажа Мишка и махнул мне рукой.

Я поднялся, попрощался с бойцами и потопал к напарнику.

Почему нашего командира батальона, майора Свиридова Алексея Николаевича, прозвали Маклаем, я не знал. Маклай и Маклай, не лучше и не хуже других. Хотя, подозреваю, что командира немало поболтало по жизни, вот к нему и приклеилась фамилия русского путешественника Миклухо-Маклая.

– Проходите, присаживайтесь! – пригласил нас комбат и движением руки указал на свободные стулья, стоящие возле его стола, на котором была развёрнута крупномасштабная карта.

Как и ожидалось, у командира были гости – два человека. Один в гражданке, одет неприметно: тёмно-серая матерчатая куртка, чёрная футболка и штаны. Но по манере держаться и выправке сразу видно – кадровый военный. Примерно сорок пять лет, мой ровесник. Глаза спокойные, но не оставляло ощущение, что в случае чего они прищурятся и начнут выискивать цель. В общем, волк стреляный, и за себя постоять сможет.

Второй, в отличие от своего неподвижно сидевшего напарника, без движения усидеть не мог, всё время перебирал под столом ногами, словно ему жали ботинки. Руки тоже не знали покоя и жили суетливой жизнью, перекладывая с места на место карандаши, ручки, линейки – всё, до чего дотягивались. Но больше поражало его звание – полковник! И это несмотря на то, что ему от силы чуть за тридцать. Было видно, что третью звезду он получил недавно, так как время от времени косился на свои плечи. Сначала мне, со свету, грешным делом показалось, что это старлей! Но нет, точно, полкан! Большие звёзды едва поместились на маленьких погончиках новенького, пиксельного камуфляжа.

– Как вы уже знаете, – начал комбат, дождавшись, когда мы устроимся за столом, – неделю назад к «азовцам» прибыла батарея

гаубиц, которая расположилась в десятке километрах отсюда и три дня назад сработала по жилому сектору.

Майор помолчал, давая время свыкнуться с этой мыслью, а потом, приподнявшись и ткнув карандашом в карту, продолжил:

– Основные удары пришлись сюда и сюда. Есть погибшие – ребёнок и две женщины...

Новостью это не было. Мы это знали. Снаряды разорвались прямо во дворе пятиэтажки. Новостью было то, что комбат не представил нас с гостями друг другу. Если в тайны играть начали, значит точно какая-нибудь дрянь ожидается.

– Они это и без нас знают, – перебив командира батальона, сказал полковник и взял карандаш, постучав им по столу, ожидая, что кто-то из нас выскажется. Не дождался.

– Они это знают, – повторил он и, ещё пару раз стукнув карандашом по столу, добавил, – но они не знают, кто командовал батареей, обстрелявшей посёлок.

Полковник помолчал немного, а затем резко поднялся и прошёлся по блиндажу, остановившись позади нас с Мишкой. Я еле удержался от того, чтобы не обернуться. Не люблю, когда за спиной стоят! Напрягает, знаете ли.

Передо мной на стол упало несколько цветных фотографий хорошего качества, запечатлевших молодого мужика тридцати пяти лет на фоне Киевского «Самсона». Лицо полное, но не заплывшее, стрижка короткая, под коричневой курткой тельняшка. Куртка гражданская, без нашивок, поэтому определить его принадлежность к роду войск, да и вообще к вооружённым силам было невозможно.

– Молейко Егор Демидович, полных тридцать семь лет, кадровый военный, капитан, служил в береговой обороне ВСУ в Крыму. В четырнадцатом году, после известных событий, сбежал на Украину. Несколько лет о нём ничего не было известно, кроме того, что он совершал набеги в зону конфликта, командуя обстрелами жилых зон. Три дня назад он опять всплыл. Ну а результаты его появления вам уже известны.

Полковник вернулся на место, сел и, опять постучав ручкой по столу, спросил:

– Вам, наверное, интересно, зачем я всё это рассказываю? Никаких мыслей не появилось?

– Появились мысли, – вздохнул я, – как не появиться? Я так понимаю, что этого Молейко Егора Демидовича надо ликвидировать, так сказать, в назидание, чтобы неповадно было. Тем более что он на этот раз оказался близко к нам. Отомстить, одним словом.

– Именно! Чтобы они тоже боялись, знали, что не бессмертны.

– Да, мы с этим согласны, – кивнул я и мельком глянул на напарника.

Дождался, когда Мишка тоже кивнёт, и спросил:

– Нам только не понятно, каким образом снайпер, который должен убрать этого типа, – ткнул я пальцем в фотографии, – подберётся к нему на дистанцию выстрела? До батареи, насколько я знаю, добрый десяток километров. Сколько-то мы пройдем по «серой» зоне, это

возможно: и мы, и они там ходят. Однако останется ещё очень даже приличное расстояние, преодолеть которое весьма и весьма проблематично!

– Охотно верю! Проблема есть! – легко согласился полковник и опять постучал карандашом по столешнице. – Но ведь эта проблема решаема! Уже ведь ходили и, насколько я знаю, не один раз!

Не дождавшись каких-либо возражений, полковник посмотрел на своего молчаливого спутника и сказал:

– Капитан, прошу Вас!

Поморщившись, как от зубной боли, тот, не глядя на большезвёздного соседа, вдруг выдал:

– Я изначально был против такого способа проникновения на сопредельную территорию. И по-прежнему считаю, что...

– Я бы Вас, капитан, попросил держать при себе то, что Вы считаете! Решение принято, и Вам осталось только поделиться с исполнителями новостью.

– Я так понимаю, что Вы в исполнители назначили нас, – кивнул я в сторону Мишки, – и почему-то решили, что мы согласимся с этой самоубийственной авантюрой! Да! Ходили мы туда, но не более чем на два-три километра.

– Прошу Вас, капитан, сообщите, что нам удалось узнать! – опять повторил полковник и, посмотрев на меня, добавил:

– Как только узнаете, каким путём доберётесь до нужного места, я приведу доводы, почему Вы не только согласитесь, но и с радостью отправитесь пристрелить этого Молейко!

Я с трудом проглотил вставший в горле комок.

– Это правда ОН? – спросил я и посмотрел на капитана.

– Да, старшина, это именно он командовал обстрелом, когда погибли Ваши жена и сын. Ошибки быть не может. Поверьте, мы самым тщательным образом собираем доказательства виновности...

– Я знаю это и потому верю Вам, – не дал я ему договорить, – давайте вашу идею, что придумали-то?

Капитан посмотрел на молодого начальника и тот, вытащив карту из лежащей на столе папки, развернул её и подвинул к нам:

– Зелёной линией обозначен путь, по которому вы доберётесь почти до самой батареи. Это коллектор – подземные коммуникации, в которых когда-то проходили линии связи Министерства обороны Советского Союза. Поскольку этим коллектором пользовались военные, информация о его наличии и тем более местоположении строго засекречена. Другими словами, о нём не знает никто, и, по нашим сведениям, не знают до сих пор. Нам повезло, что бывшие военные, проходившие здесь службу, вспомнили о нём и предоставили сведения.

Полковник подался вперёд и ткнул карандашом в карту.

– Коллектор берёт начало в «серой» зоне, вот тут, – сместил он карандаш к зелёной точке, – а затем проходит под лесополосой, ширина которой составляет примерно сто метров. С обеих сторон от лесополосы дороги, грунтовая и заасфальтированная, ведущие в посёлок, из которого и был произведён обстрел. Выход из коллектора

расположен на территории бывшей воинской части, где имеются с десяток разрушенных кирпичных зданий. От этих развалин до нужной батареи не более полукилометра. Я думаю, что эти руины можно использовать как позицию для стрельбы.

Словно во сне слушая бормотание штабиста, я не мог сосредоточиться на его словах. Перед глазами всплыла дикая картина – мой сын, мой мальчик, лежит на спине, зажимая рану на груди ладонями, из-под которых толчками вырывается кровь...

Я поддерживаю голову сына, чувствуя, как его колотит мелкая дрожь. Он вздрагивает всем телом последний раз и затихает, обвиснув на моих руках. И тогда я начинаю выть. Я стою на коленях и, прижимая к себе неподвижное тело сына, вою, как волк, вою тоскливо и протяжно, раскачиваясь из стороны в сторону...

* * *

– У тебя есть вопросы, старшина? – обратился ко мне полковник, игнорируя Мишку.

– Нет, товарищ полковник, вопросов нет. Разве что... выйдем мы не завтра, а через три дня, в одиннадцать часов вечера.

Полковник несколько секунд разглядывал меня, словно впервые увидел, а потом спросил:

– Почему так долго? Почему через три?

– А я, товарищ полковник, не люблю торопиться, – пожал я плечами, – каждую охоту тщательно готовлю. Мне надо три дня!

– Хорошо!.. Три, так три – на том и порешим. Надеюсь, за это время батареи позиции не поменяет. Всё, свободны!..

От сопроводительного отряда по серой зоне я категорически отказался, заявив полковнику, что и два-то человека много, а если через зону начнёт ломиться целый отряд, то нас не заметит только ленивый. Мы идём вдвоём.

– Целых три дня! А ты чего столько дней-то запросил? – поинтересовался Мишка, когда мы отошли от блиндажа комбата на приличное расстояние. – Чё сделать-то за это время хочешь?

– Какие там три, – усмехнулся я, – сегодня ночью и выйдем.

– Какого хрена?! Почему?!.. Ты чего, затылок что ли себе шокером почесал?!

– Сам подумай, мозгами пораскинь...

Несколько минут шли молча, а потом Мишка поинтересовался:

– Не веришь им?

– А ты веришь? – вопросом на вопрос ответил я.

– Честно говоря, теперь уже не очень. Уж больно у него как-то всё гладко получается. Залезли. Прошли. Вылезли. Выстрел. Ушли обратно.

– Вот именно, – вздохнул я, – если об этом сооружении вспомнили наши военные, то могли вспомнить и украинские, которые тогда тоже Союзу служили. И попадёмся мы с тобой, как куры в ощиц.

– Тоже верно, – согласился напарник и, ускорив шаг, спросил, – насколько я понимаю, мы сейчас топаем за бандеровским тряпьем?

Я кивнул.

О том, что надо в военкомат, я узнал случайно, от соседа, который после смерти моей семьи частенько забегал ко мне. Проверял, не наложил ли я на себя руки. У меня действительно были такие мысли.

Через три дня после смерти сына, не приходя в сознание, умерла и моя жена, раненная тем же взрывом. Жизнь после этого потеряла смысл. Единственное, что несло облегчение, если это можно так назвать – жена не узнала, что сын умер.

– Ты бы, Степаныч, к военным подавался, туда тебе щас дорога, – как-то раз посоветовал сосед, – может, и отведёшь душу-то. Завалишь бандеровца какого! Глядишь, и полегчает.

Сосед был прав, может, и полегчает, тем более что находиться одному в пустой квартире было невыносимо.

– Слышал я о Вашем горе, – вздохнул военкоматский подполковник, к которому меня направили как добровольца, – и сдаётся мне, что Вы теперь смерть искать будете.

– Нет, не буду, передумал уже, – усмехнулся я, – нельзя мне, командир, теперь умирать, должны мне эти твари слишком много! И пока они сполна со мной не рассчитаются, я на тот свет не собираюсь.

– Я так полагаю, что за это они с Вами никогда рассчитаться не смогут, – вздохнул подполковник и, открыв какой-то журнал, спросил:

– Что умеете-то хоть?

Умел я многое. За прожитые годы научился. Но главное, что у меня за плечами было – это умение стрелять.

Родился я в небольшой сибирской деревеньке, где основным промыслом была охота. С отцом в лес ходил с десяти лет и в одиннадцать уже бил белку в глаз, в прямом смысле слова. Из мелкашки, конечно. Окончил школу-интернат, потом армия. Отслужив, в деревне уже жить не смог, скучно было. Молодость брала своё – хотелось движения и каких-то перемен. Поболтался по России-матушке, а потом судьба забросила в украинский Донецк, где я устроился на металлургический завод, встретил любовь, родил сына...

После окончания курса снайперов попал наконец-то на линию разграничения. Да. Убивал. Много убивал. Думал, легче будет. Но нет, легче не становилось. Наверное, смертей должно быть больше. Ненависть грызла так, что ночами зубами скрипел. Поначалу даже Мишка просыпался от этого. Потом ничего, привык, перестал внимание обращать. Когда удавалось подобраться к бандерлогам поближе, я видел в прицел их усаые рожи и стрелял прямо в хари!.. Стрелял, стрелял, стрелял!.. С удовольствием чувствуя, как в моё плечо толкается их смерть.

Мы с Мишкой не воспользовались обнаруженной штабом дорогой. Решили не рисковать и идти по старинке. Вышли часов в одинна-

дцать вечера, отмахали километров десять в сторону и уже там потихоньку перебрались на украинскую территорию. И, держась подальше от дороги, вернулись почти к тому самому месту, откуда вышли. Дальше не пошли – дожёмся рассвета, осмотримся и решим, что делать.

Часов в девять утра по асфальтированной дороге, бегущей с одной стороны уже известной нам лесополосы, зашныряли машины: и поодиночке, и в составе небольших колонн, и военные, и гражданские, проскочило несколько БТРов. Над каждой машиной, развевался жовто-блакитный флаг, а то и не один. Если с военными понятно, то гражданские, скорее всего, нацепили флажки, чтобы обезопаситься от защитников украинского отечества путём демонстрации приверженности к идеалам украинской же демократии.

– Как ты думаешь? – спросил вдруг Мишка, когда мы, замаскировавшись возле дороги на небольшом пригорочке, осматривали окрестности. – Этот полкан – москвич? Или наш, местные своего такого вырастили?

Я пожал плечами:

– Думаю, что наш! Сначала, правда, мне показалось, что москвич. Только у них в тридцать лет можно даже генералом стать, про полковников я вообще молчу! Но теперь, по-видимому, и на наших эта зараза перекинулась.

Время шло, ничего интересного не происходило, и мы решили, что ещё часок ждём, а потом потихоньку выдвигаемся. Но планы круто изменились. Осматриваясь в очередной раз, я заметил, как с украинской территории прямо в нашу сторону пылят БТР и две «Буханки».

– Глянь-ка, – толкнул я локтем Мишку и ткнул пальцем в нужную сторону.

– Вот же ж, ё... прст! – выдал напарник, полюбовавшись на безрадостную картинку. – Что делать будем? Домой рванём? Здесь недалеко наша тропа есть.

Домой мне не хотелось, очень не хотелось. Тварь, которая убила мою семью, здесь. А если он сменит позиции? Резонанс от смерти ребёнка уже пошёл! Вполне может и сбежать. Ищи его потом. Если дела так и дальше пойдут, он, чего доброго, своей смертью подохнет, а этого я допустить никак не мог. Решение пришло само собой. Вернее приехало в виде расхлябанного, раскрашенного в камуфляжные цвета, УАЗика.

– Так! Мишка! Давай цепляй на голову ихнюю кепку и айда на дорогу! – прошипел я и, вытащив из-за пазухи кепи с жёлто-синим флажком, напялил на голову.

– Степаныч! Ты чего, на этот раз головушкой ночью в пол ткнулся, что ли? Мы ж с тобой на дороге будем, как три тополя...

– Вот именно, что будем. Обязательно будем. И попросимся, чтобы нас подвезли. Тем более что вон, как раз и транспорт нарисовался!

И я, уже не скрываясь, встал и направился к дороге, размахивая, как мельница, руками.

– Оттуда? – кивнув в сторону серой зоны, спросил сидевший рядом с водителем мужик.

– Ага, оттуда, – буркнул я, расположившись на заднем сиденье. – Шуганули нас, еле смыслись!

Мужик хохотнул:

– Это бывает! Сам до ранения хаживал, а потом всё, москали зацепили, отбегался! – и он постучал кулаком по бедру, показывая, куда его зацепили.

Кто это такие, я не определил. Ни одной нашивки на форме. Да и самой формы-то не было! Какавая-то смесь камуфляжа с «горкой». Подраненный москалями пассажир в годах, несуетливый, с неизменными усами и бритой головой, но не профессиональный военный, это сразу заметно. Наверное, как и я, несколько лет под ружьём, не больше.

Второй – водила, молодой, года двадцать три, может, чуть больше. Стрижка короткая, безусый. Этот на военного больше походил. Но опять же, чёрт его знает!.. Одет так же не в масть. Складывалось впечатление, что они выбирали одежду из кучи. Находили что получше и надевали, не обращая внимания на то, что она разного цвета.

– До кого направляетесь? – поинтересовался пожилой, когда мы уселись и пристроили стволы. – Если судить по винтарям, то до Дениса?

Я откровенно вытаращился на него и спросил:

– Ты, братан, от жизни отстал! Где тебя носило-то? Денисенко уже неделю как перебрался на полтора десятка километров южнее! До Черенка мы подались.

– А! Да-да-да!.. – хлопнул тот себя по лбу. – Как же, как же, знаю! Вася Черенок! С такой фамилией и кликухи не надо!

И он засмеялся, запрокинув бритую голову. Закашлялся, опустил стекло, смачно харкнул в окно, а потом, обернувшись к нам, сказал:

– А вот про Дениску забыл. Старею, видать, старею, – и он горестно покачал головой.

Я хмыкнул про себя: «Стареет он! Проверяльщик хренов! Наша разведка получше вашей работает. Ни разу ещё не подводила».

– Сколько москалей-то завалили? – спросил, мельком глянув, водитель.

Видно было, что ему хочется поговорить, скучно ехать с таким напарником как усатый. А тут сразу двое свеженьких попутчиков, да еще и из запретной зоны пришедших. Как тут лясы не поточить про москалей треклятых.

Я посмотрел на пожилого и, встретившись с ним взглядом, пожал плечами. Тот, встрепенувшись, ткнул водителя кулаком в плечо и прорычал:

– Ты, Сёма, лучше рули молча, коль не ведаешь, какие вопросы задавать можно, а какие нельзя.

Он фыркнул и, откинувшись на спинку сиденья, повторил:

– Москалей завалили... надо же!.. Ты вот лучше скажи, – вдруг спросил он, – а чем ты-то сам от москаля отличаешься? У меня хоть усы вон есть! – и он ладонью пригладил длинные, обвисшие почти до подбородка, усы. – А у тебя что? У тебя, Сёма, ничего, у тебя даже

усов нет. Не растут они у тебя! Москаль ты, Сёма! – наконец выдал он и довольно расхохотался.

Ехали быстро, даже догнали пару воинских затентованных «Уралов», которые проехали десятью минутами раньше.

– Обгоняем? – спросил водила, коротко глянув на усатого.

– Да не, не стоит, – пробурчал тот, близоруко всматриваясь в идущие впереди машины, – отстань подальше от них, чтобы выхлоп не глотать, и езжай, не торопясь, а то и так быстро прём, на месте ждать придётся.

Он повозился на сиденье, а потом, словно разговаривая сам с собой, пробормотал:

– Терпеть не могу ждать...

Дальше ехали молча. Водила молчал, потому что обиделся, а усатый, потому что хотел спать. Он клевал носом, и когда голова падала на грудь, как конь дёргался, вскидывал голову, чтобы опять задремать.

* * *

– Что, решили горилкой нервную систему подлечить? – засмеялся усатый, когда мы выбрались из машины возле небольшого магазинчика, у которого я попросил остановиться.

– Ага, как же, полечишь тут, – засмеялся Мишка, – здесь ничего крепче газводы нету! Защитники Отечества всё реквизируют – давненько уж завозить перестали.

– Это точно! Бойцы всегда в тонусе должны быть, по-другому никак, иначе разбегутся!.. – хохотнул усатый и захлопнул дверцу машины.

– Как думаешь Степаныч, кто это? – спросил Мишка, глядя вслед машине и пристраивая винторез на ремень.

– Да хрен его знает, Миш! На бандерлогов или ещё какую дрянь не похожи, никаких цацек не налепили, – ответил я и внимательно осмотрелся.

– Что это вдруг не похожи?.. Просто не каждый любит обвес носить и всё.

– Ну, во-первых, трезвые они, это не основной показатель, но значимый. Говорит, что ранен был? Брехня, в нынешние времена настоящий вояка не будет хвастать ранением, полученным на этой войне. Скорее всего, рисовался перед новенькими, то бишь перед нами, а может и перед своим водителем. Во-вторых, видел их рацию?

– Видел, и чё? – хмыкнул напарник. – Рация-то причём?

– Притом... плохенькая рация, слабенькая, да и машинка старовата. По этим признакам вроде на ВСУшников похожи, но сам же видел, не военные они. А бандеровцев западные покровители, да и местные спонсоры нехило так снабжают, не держат они такого барахла.

– Ну да, похоже на то, – пробормотал Мишка и, перехватив бесшумку поудобнее, спросил:

– А может, они того, по нашу душу? Присмотрелись. Торопиться им некуда, мгновенно сбежать мы не сможем. Понаблюдает, а потом и возьмут, тёпленькими.

– Всё может быть, поэтому будь готов, если что...

– Всегда готов! – по-пионерски ответил Мишка и хихикнул.

– Хватит ржать, – прошипел я и осмотрел пустую улицу, – прятаться надо, чем быстрее, тем лучше.

И, озираясь, направился к неизвестно каким чудом сохранившемуся здесь и, что самое невероятное, функционирующему магазину.

Магазинчик небольшой, однако рядом с окном пристроился стол с тремя расшатанными стульями, по всей вероятности, для тех покупателей, которые пожелают здесь и употребить свою покупку.

Я сел за стол и, осмотревшись, спросил у продавщицы – упитанной, улыбчивой женщины, одетой в модную сейчас вышиванку:

– Чего это у вас никого нет? Ни на улице, ни по оградкам. Неделю назад другая картинка была!

Продавщица перестала улыбаться и, оглядев меня с ног до головы, тяжело вздохнула:

– Так попрятались все, мил человек! Страшно под бомбы-то пасть... вот и разбежались кто куда.

– Под какие такие бомбы? – не понял я. – Они же по домам не бьют.

– Бить-то не бьют, – опять вздохнув, сказала женщина и смахнула с прилавка несуществующие крошки, – да вот только с нашей стороны, говорят, несколько дней назад к ним прилетело!.. Женщин да деток побил! Вот и боимся, что ответить могут.

– Ну да, ну да, – пробормотал я, выглядывая в окно, – всякое в наше время бывает. Вы, наверное, правы, побережься людям надо.

– Сами-то что хотели? Если водочки, то нету её, давненько уже.

– Да не, нам бы простой водички пару бутылочек, – улыбнулся продавщице стоящий возле прилавка Мишка и положил на столешницу пару помятых купюр, – желательнее холодненькой, если есть. Жарко...

– Есть, хороший мой, есть холодненькая, как не быть-то, – засуетилась продавщица и нагнулась куда-то под прилавок.

Покопошила там несколько секунд и, вынырнув, поставила на прилавок две запотевшие пол-литровые бутылки с водой:

– Может, ещё чего? Покушать?.. Пирожки с капусткой есть, свеженькие!

Мишка вопросительно посмотрел на меня.

– Бери по парочке, как раз и перекусим! – Мишка кивнул и добавил ещё купюру.

Пирожки мы заточили прямо в магазине, благо, что из окна улица просматривалась в обе стороны. И если что, меры успели бы принять.

Если откровенно, то нам повезло. Дико, невероятно повезло! Здесь не было военных – ни армейцев, ни бандеровцев. В ожидании отправки разбежались все. Скорее всего, украинская армия сюда и не заходила, об этом разведка не докладывала. Зато бандерлоги води-

лись! Это я знаю точно – сам видел и не только видел!.. Выбирались мы с Мишкой пару раз на их территорию, хорошо тогда поработали.

– Что делать будем? – спросил напарник, когда мы, доев пироги, покинули магазин и спрятались в палисаднике брошенного дома. – Может, рванём к воинской части, откуда батарею видно, заодно и окрестности рядом с входом в коллектор осмотрим?

– Не, Миш, опасно! Не такие уж мы с тобой гении маскировки и разведки! Если вход охраняется, чем отбрехиваться будем? А вдруг нашумим, значит нам дорога только в «серую» зону и останется, если живы будем.

– А что тогда?

– А мы, Миш, прямо по дороге, не скрываясь, потопаем скорым шагом к батарее.

– Очумел?! Заметят же, на раз!

– Конечно, заметят! В первую очередь местные жители и заметят, им, в отличие от бандеровцев, бежать некуда, дома они. По подвалам сидят...

– А если позвонят кому? Здесь наверняка их наблюдатели есть.

– Ну и пускай звонят, патрули в прифронтовой территории никто не отменял. Тем более, мы в их цвета выпачканы вроде как свои.

– А если нарвёмся...

– А если нарвёмся на их патруль, то действуем по обстановке.

– Ну, ты наглец Степаныч! Мне нравится...

– А мне нет, – прошипел я и, прижимаясь к заборам и домам, побежал в сторону расположения батареи.

Один раз повезло, мы успели заметить группу людей раньше, чем они нас. Упали на землю и, пятясь задом как раки, сдали назад. Вскочив, рванули через узкий переулок на другую улицу.

Попались, когда уже прошли частный сектор и вышли к двухэтажным домам. Пригнувшись, я высунулся из-за палисадника, осматривая улицу, и всей кожей почувствовал взгляд. Обернулся и заметил на другой стороне улицы трёх военных, внимательно нас разглядывающих. Стал тыкать пальцем вверх и махать рукой – прячьтесь мол.

Те недоумённо уставились в небо. Я принял слегка в сторону, чтобы не оказаться на линии Мишкиного огня, и, демонстративно поглядывая в небо, короткими перебежками побежал к ним. Наглеть – так уж по полной программе!

– Вы чего так выперлись? – спросил я, выпучив на них глаза. – Жить, что ли надоело?

– Чё это вдруг жить надоело? – спросил самый старший по виду мужик и махнул рукой, чтобы в меня не тыкали стволами. – Чё нам тут может угрожать? Мы вроде как дома, – усмехнулся он, и меня обдало густым запахом перегара.

– А теперь могут пристрелить прямо оттуда, – ткнул я пальцем в небо, – и дом родной не поможет! Неужто ещё не видели?..

– А чего мы там должны увидеть? Авиации-то у сепаров нету, – задрал голову вверх второй, и, сняв с головы кепи с трезубцем, вытер им потное лицо.

– Дрон вы должны были увидеть! – рявкнул я и зло уставился на старшего, всем видом давая понять, что его веселья не поддерживаю. – И не простой дрон, а дрон, из которого дырку в голове можно за километр сделать.

– Да ладно! Брешешь! – не поверил старший, но благоразумно ушёл поглубже под раскинувшиеся ветки черёмухи, возле которой они и стояли.

– Ага, специально вас искал, чтобы побрехать, – окрылся я и, сунув ему под нос СВД, сказал:

– Уже целый час за ним охотимся, но его, падлу, сбить трудно, всё время двигается...

В подтверждение моих слов где-то недалеко, за домами, раздались один за другим два выстрела.

– Вот чёрт! – выругался я. – Там наши были!.. Сидите пока здесь и не высовывайтесь!

Не обращая больше внимания на забившихся под черёмуху бандеровцев, я махнул напарнику рукой и побежал в сторону, откуда раздавались выстрелы.

Вечер и ночь провели в старом полуразвалившемся сарае, который доживал свой век на краю картофельного поля, в сотне метров от хозяйского дома. Владельцы у поля были, убежать не стали и спокойно занимались домашними делами, безбоязненно расхаживая по двору. Не поверили, наверное, что наши могут открыть стрельбу из орудий по жилым домам. К сараю они даже не приближались, видимо давно поставили крест на когда-то нужной постройке.

Батарею обнаружили без труда, ещё с вечера. Бандеровцы разместили её во дворе стоящих буквой «П» трёх кирпичных двухэтажных домов. Им не пришлось даже маскировать орудия, они знали, что если наши узнают о них, то ответить не смогут. Слишком близко к домам размещены орудия.

Рано утром, под прикрытием разросшихся кустов сирени, которая, как сорняк, за несколько лет заполонила всё вокруг, подобрались к ближайшей двухэтажке. Стараясь не шуметь, через окно забрались в пустующую квартиру на первом этаже.

Эту квартирку я заметил уже давно, в ней не уцелело ни одного окна, причём причину разрушений мы так и не установили. В пределах видимости не было ни одной воронки от крупнокалиберных снарядов, взрывной волной которых могло бы выбить стёкла. Ни пулевых отверстий, ни осколочных, ничего такого. Скорее всего, окна просто выбили изнутри, и теперь квартира, словно обидевшись на то, что с ней сотворили, оскалилась на мир острыми осколками стёкол.

Приоткрыв дверь квартиры, несколько минут прислушивались. Убедившись, что в подъезде никого нет, мы, стараясь даже не дышать, поднялись на второй этаж, откуда через подъездный люк забрались на чердак.

Позиция загляденье. Одно из слуховых окон выходило на батарею. Крыша под окном круто уходила вниз и не мешала обзору. До орудий недалеко, метров сто пятьдесят, не больше. В случае чего отсту-

пить сможем быстро, скатиться с чердака до первого этажа – дело нескольких секунд, но мы рассчитывали, что в таком темпе ретироваться не придётся. Стрелять из СВД нельзя – грохот будет такой, что нас даже с другого конца посёлка вычислят! Из «винтореза» же в самый раз! Никто ничего не услышит. Пока разберутся, что, кто и откуда, мы уже будем далеко.

Молейко нарисовался вечером. Я уж было подумал, что всё, сегодня нам не повезёт, но нет. Вот он, гад! Приехал! Выбрался из патриотичной жёлто-синей «Нивы» и, не торопясь, этак по-барски, начал осматривать хозяйство. На пьяные выкрики своих бойцов, кучковавшихся возле деревянного стола со стоящей на нём бутылью с мутной жидкостью, он благоразумно внимания не обратил. Понимал, что это не вооружённые силы могут спьяну и морду набить. Постоял немного и, будто почувствовав неладное, начал с тревогой осматриваться.

– Пора, Степаныч! – прошептал Мишка. – Эта сволочь заподозрила что-то, как бы не смылся!..

– Не успеет, – усмехнулся я и навёл сетку прицела на пах убийцы своей семьи.

«Винторез» дёрнулся, клацнув затвором, и Молейко согнулся, схватившись руками за низ живота. Он заорал не сразу, постоял скрюченным пару секунд, пока жуткая боль не захлестнула его мозг полностью, а потом, завалившись на бок, завизжал. Он орал громко и страшно, не переставая тянул и тянул на одной ноте, как будто у него вместо лёгких были установлены кузнечные меха.

– Это ещё не всё, сука! – ощерился я и, прицелившись в коленную чашечку, нажал на спусковой крючок.

Визг резко оборвался и перешёл в хрип. Молейко, продолжая зажимать пах одной рукой, пытался другой дотянуться до искалеченного девятимиллиметровой пулей колена. Я перевёл прицел на его лицо и с удовольствием увидел перекошенный в крике рот, из которого обильно текла кровь.

– Миш! – повернулся я к напарнику, лежащему рядом. – А ведь он себе язык откусил!

И опять приникнув к прицелу, злорадно прошептал:

– Но я ещё с тобой не закончил! Продолжим... – и следующим выстрелом раздробил лежащему на земле человеку второе колено.

– Надо уходить! – раздался над самым ухом Мишкин голос. – Ты слышишь, Степаныч! Всё! Уходим!.. Степаныч... – и напарник вдруг захихикал:

– Степаныч!.. Хватит храпеть, а то всех бандерлогов распугаешь.

– Да всё, всё... проснулся уже, – пробормотал я и сел, привалившись к печной трубе спиной.

Подождал, пока сердце перестанет скакать в груди, вытер рукавом взмокшее лицо и спросил:

– Чё там? Новости есть какие?

– Не, пока ничего нового, тихо, – ответил напарник и, сплюнув, добавил, – если завтра не появится, надо будет сваливать...

– Согласен, – пробормотал я и прикрыл глаза, чтобы Мишка не заметил моего страха.

Я боялся! Боялся, что когда придёт время, я не выдержу, и всё произойдёт, как во сне. В этом кошмаре, где я перестал быть человеком. В кошмаре, в котором душу терзала радость осознания того, что от моей руки в муках умирал человек, пускай даже такая мразь, как Молейко.

* * *

Он появился, когда смеркалось. Пешком, в компании двух военных. Это были именно военные, форма которых оснащалась всеми положенными атрибутами вооружённых сил Украины. Сам же Молейко был одет в камуфляж без знаков отличия. Скорее всего, специально не обозначал себя как кадрового военного, чтобы обстрелы не приписали украинской армии.

Все трое остановились посреди двора, напротив заданных кверху стволов орудий. Поговорили, энергично жестикулируя руками, а потом разошлись каждый к своему орудью и закопошились возле щитков.

– Прицелы, суки, снимают! – прошипел Мишка и, отложив бинокль, взялся за СВД.

– Даже не думай! – цыкнул я на него. – Успеешь ещё...

– Ты тоже не тяни, а то стемнеет, и хрен мы его больше увидим! Сматываются они...

– Вижу... – пробормотал я и, отойдя от слухового окна на пару шагов, уперся плечом в вертикальную стойку, поддерживающую крышу.

Несколько раз глубоко вздохнул, выдохнул, поймал в прицеле «винтореза» стриженный затылок Молейко, копошившегося возле оружейного щитка, и плавненько потянул спуск.

Клацнула затворная рама, и раздался хлопок, показавшийся оглушительным под шиферной крышей. Я посмотрел в прицел и увидел, что Молейко замер, просунувшись головой вперёд, к оружейному казённику. Его тело неподвижно стояло на коленях, привалившись к станине, из-под которой уже начала расползаться чёрная лужа.

Выбрались из дома удачно. Спокойно спустились с чердака в разгромленную квартиру и под прикрытием сирени выпрыгнули из окна. Никто нас не увидел, и мы умудрились ни на кого не нарваться. Нам повезло, что труп Молейко не упал. Какое-то время на него вообще не обратят внимания – стоит себе на коленях человек и стоит, работает. Это даст фору во времени.

Обратно шли той же дорогой, улицы по-прежнему пустовали. Пару раз, правда, встретили парный патруль, который к обязанностям относился по-хамски. Первые не удосужились поинтересоваться, кто мы вообще такие. Скорее всего, решили, что если идём с их стороны, значит свои. Вторые оказались бдительнее, даже поинтересовались кто и откуда, но услышав всё про того же Черенка, заведовавшего снайперскими делами, махнули рукой и потопали дальше.

До магазинчика добрались без особых проблем. Забрались в уже знакомый палисадник и, осторожно поглядывая между заборных жердин, размышляли, где зайти в «серую» зону – здесь, напрямки или отмахать до конца в сторону и уже там податься к своим. Со вторым вариантом проблемы – нужно ждать темноты, что не есть хорошо, так как после убийства Молейко быстро сложат два плюс два и начнут шерстить территорию. Да и первый вариант паршивенький, здесь частенько ходили и мы, и они. Так что можно нарваться по-крупному.

– Степаныч! А если мы опять уедем? По-наглому сядем и уедем! – сказал вдруг Мишка и мотнул головой в сторону магазинчика. – Гляди, что-то советское прибывает.

– Едем! – не стал я долго раздумывать и, присмотревшись к старенькой шестёрке, остановившейся возле магазина, выбрался из кустов.

Подождал напарника и вразвалочку направился к машине, лениво поглядывая по сторонам.

– Здорово, батя! – поздоровался Мишка с выбравшимся из машины мужиком и, заглянув в её салон, спросил:

– Куда едешь-то?

– И вам не хворать, – настороженно ответил мужик, с опаской поглядывая то на меня, то на Мишку, – до дому я еду, вот решил внучкам конфеток прикупить...

Этот мужик не мог быть подставой! Подставу за столь короткое время не организовать. И потом, невозможно так сыграть обывателя, напуганного собственными защитниками. Будь он моложе, держался бы по-другому, увереннее, что ли. Молодые они не так ценят жизнь, как люди уже умудрённые годами. Этому было за шестьдесят с гаком, с приличным таким гаком. Одет просто: тёмные штаны, серая, покрытая пятнами пота футболка, и красное, замусоленное бейсбольное кепи. И ещё руки, таких рук не бывает у военного. Грубые большие ладони с узловатыми суставами. В поры кожи и на лице, и на руках навсегда въелась угольная пыль.

– А чё хотели-то? – тяжело вздохнув, спросил мужик и осмотрел пустую улицу.

– Ты, батя, не согласишься ли увезти нас на десяток километров во-о-о-н туда? – спросил Мишка и показал пальцем в ту сторону, откуда тот приехал.

– Коли по-хорошему просят, что ж не увезти-то, можно и увезти, – пробормотал мужик, обречённо пожав плечами.

Опять загрузился в машину, запустил двигатель, и, подождав пока я устроюсь на переднем сиденье, негромко сказал:

– Странные вы какие-то! У меня дважды машину просто забирали! Водитель им не нужен был. Благо хоть не сожгли!.. Благодетели... – и совсем уж тихо, себе под нос, думая, что я не услышу, добавил:

– Недобитые...

* * *

– Ну! И как прикажете всё это понимать? – спросил комбат, когда мы с Мишкой перестали возиться, удобнее устраиваясь за командирским столом.

– А что, собственно, Вы должны понять? – наивно осведомился я и, переглянувшись с напарником, в недоумении пожал плечами.

– А я сейчас объясню, – хмыкнул комбат и, опершись могучими руками на жалобно застонавшую столешницу, наклонился к нам.

В такой позе командир походил на гориллу. Представив, как комбат бьёт в грудь кулачищами и ухает, я поспешно отвернулся, чтобы он не заметил моей улыбки. Он заметил.

– Какого чёрта ты ржёшь, как конь?! – рявкнул комбат и, выпрямившись, заложил руки за спину. – Ночью мне передали перехваченные переговоры, из которых следует, что кто-то, подобравшись к Молейко, с близкого расстояния снёс ему полбашки девятимиллиметровой пулей, выпущенной предположительно из «винтореза», так как выстрела никто не слышал!

И он покосился на Мишкину бесшумку, которую тот пристроил рядом с моей снайперкой в небольшой пирамиде, установленной возле входа.

– А насколько мне известно, – уже спокойнее добавил он, – выйти вы должны только сегодня вечером. Поэтому готов выслушать ваши версии этого, несомненно, радостного события.

– Может, он в карты большую сумму проиграл, а отдавать не захотел? Сами же знаете его... Гад! Вот его свои же и того... порешили. Карточный долг – это, знаете ли, серьёзно... – явно сдерживая смех, ответил Мишка и в поисках поддержки выразительно покосился в мою сторону.

– Ну а что, версия как версия, вполне имеет право на жизнь. Сами ведь знаете, какие нравы царят у бандеровцев. Тут тебе и пьянки, и азартные игры, и скандалы с драками! И даже, кто бы мог подумать, девицы легкомысленные! – согласно кивая, поддакнул я.

– Идите вы знаете куда со своим карточным долгом и девками! – вздохнув, сказал комбат и, сев на подозрительно заскрипевший под его тушей стул, добавил:

– Это всё очень хорошо, если бы эту операцию планировал и разрабатывал не лично наш... – комбат споткнулся и, покосившись на дверь, продолжил, – ...молодой звёздный друг из штаба.

– А что такого?! Какая разница, кто планировал? Дело-то сделано! И сделано чисто! – удивился Мишка и, совершенно не по-уставному поставив на стол локти, уставился на командира.

– Для него большая! – вздохнул комбат. – Это его детище, и пройти ликвидация должна была по его плану. Он прекрасно понимает, что не дорос ещё даже до звания подполковника, не говоря уж о трёх звёздах. Ему надо продемонстрировать руководству, что он в состоянии проводить сложные операции!.. А тут на тебе!.. Исполнители гладенько провернули все на свой страх и риск... по своему, так сказать, плану, а он получается и не при делах. Значит, при таком раскладе лавровой ветки ему не положено.

– Другими словами, дитя обиделось, что вышло не по его? – спросил я и, усмехнувшись, посмотрел на комбата.

Ответить тот не успел, с грохотом распахнулась дверь, и в блиндаж стремительно зашёл полковник. Мы встали. Следом вошёл уже знакомый капитан разведки.

Сесть полковник не предложил, но и сам не сажился. Стоял, переводил взгляд с меня на Мишку и обратно. Он был в ярости – челюсти сжаты, желваки так и перекатываются, будто он что-то пережёвывает, подбородок вздёрнут, ноздри раздуваются...

Я, грешным делом, подумал, что сейчас заорёт. К его чести, не заорал, сдержался. Посмотрел на комбата и задал совершенно идиотский, по моему мнению, вопрос:

– Скажи, майор, почему эти двое, – кивок в нашу сторону, – не выполнили приказ?

– Насколько я знаю, приказ выполнен... – начал было комбат, но полковник договорить ему не дал.

– Эти двое нарушили приказ, отступив от утверждённого плана, чем поставили под угрозу срыва всю операцию!

– А почему бы Вам у них не узнать? – спросил вдруг комбат, которого видимо этот цирк не устраивал. Не спрашивая разрешения у старшего по званию, он сел за стол и вызывающе стал разглядывать полковника.

Я тяжело вздохнул. Ситуация из-за пустяка пошла вразнос и, чего доброго, может навредить хорошему человеку.

– Вы позволите, товарищ полковник? – спросил я и, пододвинув стул к столу, сел.

Полковник удивлённо посмотрел на меня, словно увидел говорящий холодильник.

– Да, конечно, старшина, прошу Вас! – вмешался, не дожидаясь ответа полковника, капитан разведки, взмахом руки предлагая сесть и Мишке.

– Так почему же всё пошло не по плану? – спросил он и тоже сел за стол.

– Это элементарно, – пожал я плечами, – нам хотелось ещё пожить.

– В смысле пожить?

– В том смысле, что если мы знали об этом коллекторе, то о нём могли знать и там!.. Неужели никто не удосужился рассмотреть этот вариант?

– Ну почему же не удосужились, очень даже рассматривали, но всё же было принято решение, что на той стороне об этом коллекторе не знают, поэтому вам и предложили этот путь, – и он покосился на продолжавшего стоять полковника.

Заметив взгляд капитана, полковник сел и, побарабанив пальцами по столу, спросил:

– Так почему же вы не только не выполнили ясный и чёткий приказ, но и не вышли в назначенное вами же время? – подрагивающим от напряжения голосом спросил он.

Я вздохнул: «О чём говорить с человеком, который не слышит, что ты говоришь? Он разве не слышал ответа? Не понял его? Слышал.

Понял. А если слышал и понял, тогда с ним надо по-другому, чтобы наверняка дошло».

– Мы пошли другим путём, так как подозревали, что нас там будут ждать, – чётко, по-уставному доложил я и, дождавшись, когда до собеседника дойдёт смысл сказанного, добавил, – как впоследствии выяснилось, наши опасения были не напрасны! Возвращаясь после выполнения задания, мы прошли возле выхода из коллектора и обнаружили засаду. Грамотную засаду. Если бы не подошли сзади, то и не засекали бы её. Нас ждали на выходе из коллектора.

– Что ты... несёшь!.. – прорычал полковник, и его лицо пошло красными пятнами.

– Товарищ полковник, – слегка повысил я голос и встал из-за стола, – я далёк от мысли, что нас отправили этим путём специально, чтобы мы нарвались на бандеровцев. Но, видя Ваше недовольство тем, что мы не придерживались плана, хотя задание выполнено, расстояние до этой мысли стремительно сокращается!..

Не дожидаясь, когда полковник перестанет как рыба открывать и закрывать рот, я, сделав знак Мишке, пошёл к выходу.

Когда мы отошли от штаба уже метров на двести, нас догнал капитан и, придерживая меня за руку, спросил:

– Сколько человек вы смогли обнаружить, и на каком расстоянии они находились от выхода из коллектора? Это важно!

– А чёрт его знает, сколько их было и на каком расстоянии они находились, – усмехнулся я, – мы ещё из ума не выжили, чтобы шарахаться возле возможной засады.

Капитан несколько секунд ошарашенно смотрел мне в лицо, а потом, посмотрев в сторону штаба, задумчиво произнёс:

– Значит, вы это придумали как бы в воспитательных целях, что ли?

Я молча пожал плечами. Проверить это никто не сможет, значит, правда то, что я сказал.

– Ну что же, может оно и к лучшему, – не дождавшись ответа, усмехнулся вдруг капитан, – пускай теперь помучается, в следующий раз будет слушать не только себя. Сам бы я тоже ни за что в эти катакомбы голову не сунул. Вы, ребята, не держите на него зла, он умный парень, просто молод ещё, самоуверенности в нём пока выше крыши. Обломается со временем!..

Он взмахом руки попрощался с нами и скорым шагом направился обратно в штаб.

– Обломаться то обломается, – пробормотал напарник, когда капитан отошёл на приличное расстояние, – хорошо, если за время собственного облома никого не угробит.

И, положив винторез, как ляльку, на руки, с мечтательным вздохом добавил:

– Э-э-э-х! Водочки бы сейчас холодненькой стаканчик!.. Да щец бы наваристых!.. Да дивчину сговорчивую!..

– Ну и что же ты хочешь от меня услышать?! – прошипел я, заметив, как напарник косится в мою сторону вместо того, чтобы наблюдать за окопавшимся в трёхстах метрах от нас противником. – Ты уже два дня вопросительно сопишь за спиной!.. Ничего я не почувствовал, Миша!.. Ничего!.. Оттого, что я прострелил череп этой сволочи, легче мне не стало!.. Если ты, конечно, об этом хочешь узнать!

– Об этом, – пробормотал Мишка и, шмыгнув носом, припал глазом к трубе, потом опять покосился на меня и негромко сказал:

– Знаешь, Степаныч, я надеялся, что тебе всё-таки полегчает... вроде как отомстил же!..

– Я тоже на это надеялся, ты уж поверь, очень надеялся... – вздохнул я и сел на невесту откуда взявшуюся в окопе табуретку.

Помолчал, разглядывая усиленную досками земляную стенку, и повторил:

– Очень!.. Но там, – ткнул я большим пальцем в небо, – видимо, всё по-другому расписано. Что-то должно быть ещё, вот только знать бы что...

– Ого! Смотри-ка, Степаныч, – хохотнул вдруг Мишка, не отрываясь от своей трубы, – а у нас оказывается новости! Походу, вместо бандерглогов ВСУшников пригнали! Глянь сам, форма у этих армейская.

Вздохнув, я поднялся, устроил винтовку на упоре поудобнее, посмотрел в прицел и еле сдержался, чтобы не отдернуть от него голову. Прямо мне в глаза смотрел молоденький пацан лет восемнадцати, не больше. Как и моему сыну... Белобрысый, курносый, с явно просматривающимися веснушками. Из-под лихо сдвинутого на затылок кепи поблёскивают любопытные глаза, не ведающие ещё страха. Он смотрел в нашу сторону и, наверное, не понимал, почему нас надо бояться. Он не знал, кто мы такие, и высунулся в надежде увидеть, с кем ему предстоит иметь дело.

– Что же ты каску-то даже не надел? – пробормотал я и, прицелившись чуть выше и левее его головы, потянул за спусковой крючок.

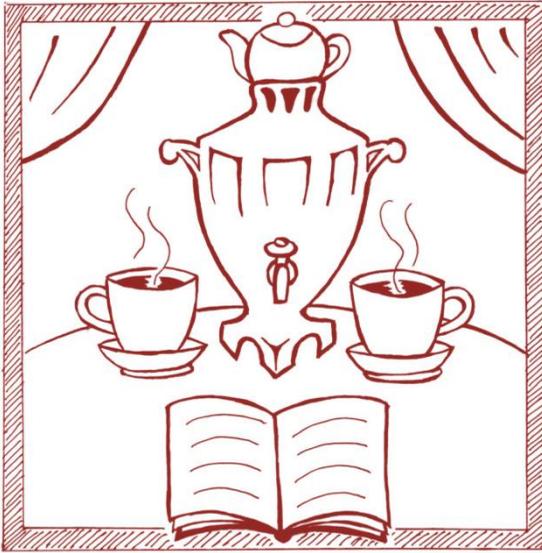
Увидев, как возле его головы взвился фонтанчик земли, опустился на корточки, поставил винтовку между колен и закрыл глаза.

– Степаныч, ты что, промахнулся что ли?! С такого-то расстояния?.. – раздался удивлённый голос напарника.

– Нет, Миша, не промахнулся!.. – улыбнулся я, и, почти физически ощущая, как скатывается с души глыба несостоявшейся смерти этого голубоглазого мальчишки, добавил:

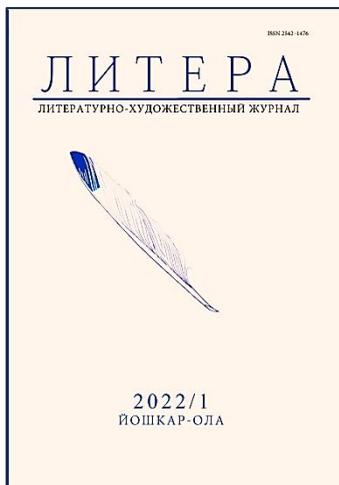
– Напротив, Миш, это мой самый удачный выстрел... самый удачный!..

ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ

«ЛИТЕРА»: РУССКОЕ СЛОВО МАРИЙСКОГО КРАЯ

В марте нынешнего года исполнилось десять лет с выхода первого номера литературно-художественного журнала Республики Марий Эл «Литера». Сбылась давняя мечта русских литераторов марийского края (русские составляют примерно 45 процентов населения национальной республики), которые до этого публиковались лишь на страницах районных и республиканских газет, да в нечасто выходивших альманахах, коллективных сборниках и антологиях.

Заметную роль в становлении и развитии русской литературы Марий Эл сыграло в 1980–1990 годы литературное объединение «Поиск», душой и неформальным руководителем которого был поэт Николай Михеев. В «Поиске»

сформировался костяк сегодняшних русских поэтов и писателей Марий Эл, в том числе Александр Коковихин, Алевтина Сагирова, Геннадий Смирнов, чьи стихи представлены в этом выпуске.

Ежегодно «Литера» открывает для читателей десятки новых писателей и поэтов, представляя широкую панораму литературной жизни Марий Эл, включая и переводы на русский язык марийских литераторов. В то же время на страницах «Литеры» кроме поэзии и прозы местных авторов публикуются произведения писателей и поэтов, чьи имена составляют гордость современной русской литературы: Анатолия Гребнева, Бориса Екимова, Николая Зиновьева, Дианы Кан, Петра Краснова, Владимира Крупина, Евгения Семичева, Светланы Сырневой. Стремление журнала привлечь не только местных литераторов, но и писателей из других регионов России вызвано прежде всего желанием предоставить читателю подлинно художественные произведения, сохранить статус именно литературного издания, а не аморфного вместилища текстов, которые, увы, в последнее время довольно часто стали заменять настоящую литературу. Расширяя представление читателей о региональных литературных изданиях России, «Литера» уже познакомила их с журналами «Аргатак. Татарстан» (Набережные Челны), «Ротонда» (Киров), альманахом «Белый бор» (Сыктывкар). В этом году в рубрике «Литературная гостиния» мы представили читателям авторов журнала «Пять стихий» из Донбасса. Для нас это не только открытие новых имён, но и стремление выразить поддержку справедливой борьбе народа Донбасса за сохранение своей русской души, за воссоединение русского мира.

Сергей Щеглов, главный редактор журнала «Литера»

АЛЕКСАНДР КОКОВИХИН

Родился в 1967 году в Йошкар-Оле. Автор пяти поэтических сборников. Лауреат Государственной молодёжной премии имени Олыка Ипая, Государственной премии Марий Эл. Член Союза писателей России. Живёт в Йошкар-Оле.

ЗВЕЗДА ВО МГЛЕ

*Звезда полей горит, не угасая
Николай Рубцов*

**«Звезда полей во мгле заледенелой», –
читаем классом. С чувством и по кругу.
Стихи поэта (завуч нам напела),
удушенного собственной подругой...**

**Зачем горит? Чтоб освещать сугробы?
Мы отвечаем, ни черта не зная...
А через год – рванёт звезда Чернобыль!
А через пять – рванёт страна родная!**

**Звезду полей уже никто не вспомнит.
Поля, вздыхая, лесом зарастают...
А без поэтов пьяных и бездомных –
звезда горит, как лампочка простая.**

ГОША

**– Здравствуй, Гоша-дурачок!
Что опять в печали?
– Не купили пирожок,
ни рубля не дали...**

**Побирается-идёт
каждый день по рынку.
И никто не застегнёт
дураку ширинку.**

**Побирается «шкелет»,
человек бесплотный.
Есть вай-фай, а денег нет
у торговки модных...**

**Но четвёртого числа
он сияет. Ожил.**

Это пенсия пришла,
Гоша стал вельможей!

Всем червонцы раздаёт,
кормит пиццей пташек.
Что поделать – идиот.
Не напился даже...

ЗУБРЫ

Зубры степенно
выходят из телевизора,
чешут бока об углы серванта.

Спицей
от недовязанного свитера
бабка
их загоняет обратно.

Сын где-то на Севере
(в лучшем случае).
Внучка в Москве.
Звонила, что не приедет.

Единственно, кто
уважает бабуку и слушает –
зубры с канала «Animal Planet»...

***

Я займусь этим миром скрипучим,
потускневшим, живущим не в лад.
Размету непролазные тучи
и устрою салют-звездопад.
Чувства сделаю ярче и крепче,
чтобы счастье лучилось из глаз...

Но, как девушка, мудрость мне шепчет:
«Не сегодня. Не здесь. Не сейчас».

ТАМАРА

Тамара знает, кажется, с детства,
спасибо маме – женскому врачу,
что счастья в мире нет, есть слово «надо»,
как солнце против облачка «хочу».

Учёба в меде, смены и дежурства.
Сходила замуж, дважды родила...
Мечтает часто. Но мечты и чувства
хоронит сразу в ящиках стола.

Когда Тамара с рынка тащит сетки,
чтоб накормить взрослеющих детей –
снимает кепку памятник советский,
и фонари гнут спины перед ней.

А рядом бродят маленькие тени
её больших несбывшихся «хотений»...

ТЕАТРАЛЬНОЕ

На сцене «Пиковая дама».
Направил Герман пистолет
на старую графиню прямо...
Но выстрелить не дали, нет.
Свалили «мордой в пол» злодея,
слегка помяли, как батон...

А, в общем, классная идея:
сводить на оперу ОМОН.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Кейт Уоррен, красавица лет двадцати пяти,
собирает причёску в «спираль улитки».
Не мечтает о золоте, сколько не унести, –
хватит Джо, что подделывает кредитки.

Никогда не везло на хороших простых парней,
но зато аферист её так проворен
и так щедр, что мамаша однажды сказала: «Эй,
за решёткой закончишь ты, Кейт Уоррен!»

Из него ещё выйдет примерный супруг и зять,
только два миллиона пусть Джо накопит.
Кейт Уоррен заставит любимого «завязать».
ФБР где-то близко. Не дремлют копы...

Замирает у зеркала, чуть поглупев лицом,
повар Катя Воронина, нос в сметане.
Снова ловит себя, словно кошка за хвост, на том,
что живёт в сочинённом самой романе.

Ни наивной красавицы нет, ни прохвоста Джо.
Красит губы и плёпает в ночь Катюха
по сугробам до дому, где мать проворчит: «Ну что,
нынче дали зарплату, моя стряпуха?»

АЛЕВТИНА САГИРОВА

Родилась в 1954 году в д. Малое Притыкино Санчурского района Кировской области. Автор семи поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в посёлке Советский Республики Марий Эл.

МЕДЛЕННЫЙ СНЕГ

В.М.

Этот медленный снег
Лечит душу твою от печали,
И, целуя в глаза,
Снова учит любить и прощать.
И внимают ему
Даже те, кто от жизни устали,
И особенно те,
Кто душой не желает устать.

Этот медленный снег
Словно пух из небесно перины,
Им обласкан любой,
Даже самый ничтожный предмет,
Этот медленный снег –
Он свидетельство миру о Сыне,
Что явился однажды
И стал ему Радость и Свет.

Этот медленный снег
Укрывает родные могилы,
Что как свежие раны
На теле родимой земли.
Этот медленный снег –
Он источник целительной силы,
Если сердце живых
Нестерпимо от горя болит.

Этот медленный снег –
Он нисходит к нам,
Нас возвышая,
Исцеляет тоску
Неземною своей красотой.
И так хочется жить,
Всех жалея, любя и прощая,
И сиять чистотой,
И небесной дышать тишиной...

КАК ТЕБЕ БЕЗ РОДИНЫ, ПОДРУГА?

Горький смысл понятия «разлука»
Слишком долго, милая, не пей!
Как тебе без Родины, подруга,
Без берёзок наших и церквей?
Без полей, поросших мелкоколесьем,
Без родных ухабистых дорог,
Без щемящих душу русских песен,
Из любви проросших и тревог?
Здесь у нас ромашковое лето,
Море земляники и маслят,
От росы промокшие рассветы
Комарьём и птицами звенят.
Как тебе живётся, сбившись с круга,
И о чём сейчас твоя печаль?
Может, запах скошенного луга
Вспомнился и в прошлое умчал?
Там тропинка узенькая вьётся,
Вот уже знакомый поворот
К рощице, где прямо в душу льётся
Тихий свет родительских суббот...
Жизнь – всегда хождение по мукам,
Но ведь что-то прибавляет сил!
Как тебе без Родины, подруга?
Как тебе без дедовских могил?

***

У окна стою одна,
Что я вижу из окна?

Угол дома с красной крышей
И завод (давно не дышит),
Серый бок пятиэтажки,
Возле – белые ромашки,
Средь бурьяна – клумбы фреску,
Вдалеке – остаток леса,
А над ними в свете солнца
Неба синее оконце.

А за ним? За ним – дорога.
Без конца и края – к Богу.

***

Средь полей бескрайних островком
Кладбище, заросшее деревьями.

Здесь могилы старые рядком –
Земляки покоятся деревнями.
А деревни – их ищи-свищи:
Поросли бурьяном да крапивою,
Лишь кипрей подобием свечи
Освещает родину тоскливую.
Здесь в лугах не скошена трава,
Земляника высохла несобранной,
И дождями плачет синева
Над разрухи метами недобрыми.
Ах, Россия, что, скажи, с тобой,
Что за хворью долгой занедужила?
Оскудела в нас к тебе любовь,
И корысть все светлое разрушила?
Ты еще не мёртвая пока,
Почему же небо чертят вороны
И наследник юный с молотка
Продает плуги твои и бороны?
Как горчит полынью воздух твой,
Но целебна горечь безыскусная.
Купол неба светел над тобой,
И светлы, светлы мои предчувствия...

***

Прибираются бабы на Пасху,
Белят печи, амбары метут,
И скромные копят припасы,
И себя в воздержаньи блюдут.
Благовещенье, Вербное Утро,
И Великий Вселенский Четверг,
Обреченности тихая мудрость,
Отрицание всех полумер.
Капли крови из рук, пригвожденных,
За грехи человечьи к Кресту,
Солнца жар, гул толпы разъяренной,
Молотка затухающий стук...
Мерно падают в Вечность огненные
Капли крови, встревожившей пыль,
Обращается в пепел и стынет
Фарисейский безудержный пыл.
...Может статься, небесные трубы
Над мою судьбой вострубят,
И мои пересохшие губы
Смочит уксусом римский солдат.

ГЕННАДИЙ СМИРНОВ

Родился в 1953 году в д. Акиндулкино Медведевского района Марийской АССР. Автор четырёх поэтических сборников, переводов марийских поэтов. Член Союза писателей России. Живёт в Йошкар-Оле.

***

Посмотри на меня, стебелёк лебединого поля.
Я ещё не устал, только грустную песню пою.
А дышалось легко, и манила как узника воля...
Мне казалось – бегу, оказалось – на месте стою.

Не жалея ты меня, ведь глухая пора листопада
Не сегодня придёт, а теперь голубой небосвод
Утонул в озерке и в очах, что не видит разлада.
С серебристым дождём уплывёт в небесах пароход.

Уплывёт за кайму, где не слышат печальную скрипку.
На поляне притихшей замолкнет прощальный гудок.
И не знает никто, что за маревом зыбким и хлипким
Кто-то облако ждёт, словно ветра багряный листок.

Я пойду подышать в золотистую свежесть бульвара.
На лице у красивой прохожей улыбку найду.
И прошепчет листва за спиной: «Ах, зачем вы не пара?..»
Но ответ не найду, проходя этих дней череду.

Будут звёзды мерцать и взлетевшую музыку слушать.
Стебелёк, посмотри, – возгораются ярче они.
Это предков бескрыло блуждают забытые души...
И на нашей земле не погаснут в жилищах огни.

***

*Маятник маятся. Тикают ходики ...
Анатолий Чиков*

Может быть, маятник вовсе не маятся.
Это берёзы под ветром качаются.
Не убегут от меня мои годики,
Белые в небе плывут пароходики.
Ветер утихнет, снежинки закружатся.
К Новому году соседки подружатся.
Стайка на ветках вспорхнет снегириная,
К зорьке слетая, где церковь старинная

Звоны вечерние плёт с колоколенки,
Чтобы услышали в поле соломенки.
Не завожу свои старые часики,
Не тороплюсь, как герои из классики.
Маятник времени вовсе не мается.
Время проходит. Душа не меняется.

***

*Как ароматические травы,
Слово пахнет мёдом и плодами...
Дмитрий Кедрин*

Слово пахнет снегом и ветрами,
Дымом улетающим из труб.
В доме деревенском пирогами,
Инеем от побелевших губ.

Пахнет прелью прошлогодних листьев,
Вербным духом, облегченьем мук,
Ручейками и корой смолистой
Волосами радостных подруг.

Буйственной черёмухой, сиренью,
Мятой, бриллиантовой росой.
Камнем разогретым и томленьем.
Травами под острою косою.

Отшумевшим свадебным застольем.
Горечью полыни и дождём,
Мокрым полем русского приволья,
Облаками смятым ковьлём.

Слово пахнет самой древней книгой.
Эхом, пылью, альтовым смычком,
Родником и бабкиной ковригой.
Всем, что мы с рожденья познаём.

***

В прожилках жёлтых тонко тинькают
Синицы в смешанном лесу.
И время вяжет паутинкою
Свет с тихой грустью на весу.

И ловит слух: бормочет дальняя
Речушка, синь с листвою смешав,

А где-то нота музыкальная
Блеснет росинкой в стеблях трав.

И понимаешь вдруг, особенно,
Что ты частичка той земли,
Где есть тропинка и колдобина
Твоя, и в прели, и в пыли.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Золотая пальма снится
Серой рыси в тёмной роще.
В дымке розовая птица
Крылья в озере полощет.

В волчьем взоре изумруды
За кустами в свете лунном.
Жажда маленького чуда
Бьётся жилкой в сердце юном.

Ищут тайну тени ночи
В камышах, речных глубинах,
В ручейках, что камень точат,
И в альковах голубиных.

То поглядят ствол корявый,
Не сминая луг душистый,
То налево, то направо
Озирают берег мгlistый.

Там склонилась низко ива,
Ловит рыбку-серебринку.
И русалка так красива,
В волосах её кувшинки.

Леший спит в чащобах бора.
Светлячками дышат пни...
Задремал уставший город.
Спи, мой маленький, усни.

АЛЕКСЕЙ ЧЕРЕПАНОВ

Родился в 1969 году в Йошкар-Оле. Рассказы публикуются в журнале «Литера». Живёт в Йошкар-Оле.

МАНТРА

Рассказ

– Во мне уже нет того огня, который был, раскалённые камни жаровни остыли. Но тлеет внутри уголёк неугасимый, нужен лишь поток воздуха, чтобы всё разгорелось заново. Ветер где-то близко, скоро задует, ворвётся внутрь, покраснеют от него угли адским светом, раскалятся камни... Да здравствует жар огня, да не испепелит он нас, а согреет, да вдохнёт в нас жизнь ветер, да оживут наши чувства, да наполнится телонаше силой, а разум и душа – светом!

– Прикольная хрень, Ёж!

– Это не хрень, а мантра. Я сам придумал, – насупился Саня.

– А-а-а-а-а... – протянула Ася.

Костёр лизал языками степную землю – ковыль вокруг него прогорел, и даже редкие искры не долетали до травы, чтобы зажечь степь. Ася предусмотрительно не разжигала костёр сильнее, чтобы не улетали далеко в степь посланцы огня. Солнечный диск вдалеке уже прильнул своими огненными губами к остывающей степи, та никак не реагировала на жаркое лобзание. Ася развернула спальный мешок и надела куртку.

– Ёж, иди ко мне – спать ляжем.

– Не пойду... – обиженно сопел Саня.

– Ты чё, из-за мантры своей? Да ладно, отличная мантра! «Да воскреснут наши чувства...» Нормально, – примирительно сказала Ася.

– Да оживут... да оживут чувства – так у меня...

– Извини, Ёж... – осторожно начала Ася. – А они у тебя умерли?

– Да нет – это образно... ну, для усиления... ну, типа, преувеличение... да и вообще, при чём здесь мантра?! – вскинулся Саня, в глазах его плясали языки костра. – Иди со своим Жунисом спать ложись!

– Ах, вон оно что! – улыбнулась Ася. – Ну, узнал ты, что нас ещё в детстве хотели поженить родители, так я же не с ним, а с тобой сейчас, и всегда с тобой буду.

– Так-таки и всегда? – с сомнением, но уже успокаиваясь, произнёс Саня.

– Всегда, Ёж, – серьёзно посмотрела на него Ася. – Быстро прыгай ко мне – ты не знаешь, какой холодной становится степь ночью.

Перемена в Санином настроении произошла молниеносно – он метнулся к Асе, залез с ней в мешок и с блаженной улыбкой уткнулся своими светлыми волосами-иголками в её азиатские скулы.

– А сколько вам лет было, когда вас родители помолвили? – тихо спросил Саня Асю.

– Мне – три года, а Жунису пять лет исполнилось.

– Да что они, совсем что ли?! – возмутился Саня.

– Это Азия, Ёж, здесь свои жизненные устои...

– Да я понимаю, что свои, но как можно без любви поженить?! – с жаром бубнил в ухо Асе Саня.

– Да обыкновенно, – пустилась в объяснения Ася. – «Любовь» – это понятие европейское, а здесь... есть мужчина, есть женщина, есть необходимость выживания и продолжения рода. Исходят из понимания, что любой мужчина может заниматься сексом с любой женщиной, ну, я не в смысле половой распущенности – разнополые они, этого и достаточно...

– Бред! – возмутился Саня. – А как же флюиды любовные?! Химия?! Меня от некоторых весьма симпатичных женщин воротит, а к некоторым, не очень симпатичным, почему-то тянет...

– Ах, так тебя тянет к несимпатичным?! – возмутилась Ася. – И я – одна из них?!

Ася стала отталкивать Саню от себя, мешок стал трещать по швам.

– Успокойся, суйикти, ты самая красивая на свете... – прижал Саня девушку к себе нежно, но настойчиво. – И как же так – слово есть, обозначающее «любимая» в казахском языке, а любовь пришла из Европы? Объясни.

– Что, казахи совсем не такие, как все?! Есть у нас свои Ромео и Джульетты, а уж Монтекки с Капулетти самые что ни на есть Монтекки и Капулетти. Я вот пошла против воли отца и матери, надеюсь, нам с тобой травиться не придётся...

– Ах ты, моя степная Джульетта! – прижался к Асе Саня. – От тебя так пахнет... степью и ветром!

– А как пахнет ветер? – довольно жмурилась Ася.

– Так... от него голова кружится... и надыхаться невозможно... – закопался Саня в Асины волосы.

– Мммррр... – замурлыкала Ася. – Когда ты ко мне прикасаешься, Ёж, я просто растворяюсь в окружающем мире и становлюсь какой-то вселенской сутью, это необыкновенно...

Степной ветер раздувал угли затухающего костра, шевелил степные травы, заставляя их тихо шептать влюблённым древние истории про небо и звёзды, разлившиеся по небу молоком кобылицы.

– Всё-таки нехорошо сегодня получилось – убежали от твоих, как ошпаренные, прямо в степь, – вздохнул Саня.

– Ты не слышал, что мне отец сказал, когда ты вышел воздухом подышать...

- И что он сказал такого?
- Да какая тебе разница? – ответила Ася.
- Я хочу знать...

- Ладно, – сердито прервала Саню Ася, – он сказал следующее: «Пока этот аккулак не слышит, предлагаю тебе, Айсулу, вернуться домой, и я всё забуду – забуду твоё непослушание и то, что ты сбежала в Россию!»

- Ну, а ты что ответила? – медленно спросил Саня, пропустив мимо ушей обидное «аккулак», что в переводе означало «белое ухо» – пренебрежительное название русских у казахов.

- Ответила, что у меня теперь российский паспорт, и я теперь не Айсулу, а Александра...

- Да, могу представить, что с ним было после этих слов, – задумчиво произнёс Саня.

- Не можешь, – с дрожью в голосе продолжила Ася. – Он сказал, что у него больше нет дочери, и чтобы мы немедленно выметались из его дома...

Асино тело стала колотить мелкая дрожь, однако ни всхлипов, ни слёз Саня не услышал и не увидел.

- Успокойся, суйикти, – погладил Саня любимую по голове.

- Кто я теперь?! – трясась в ознобе, тихо спросила Ася. – Не казашка и не русская...

- Ты – моя любимая, это самое важное, – прижал к себе Асю Саня.

Ася лежала в Саниных объятиях, постепенно успокаиваясь. Ночь совершенно покрыла степь своим чёрным одеялом. Небо прочерчивали ниточки падающих звёзд.

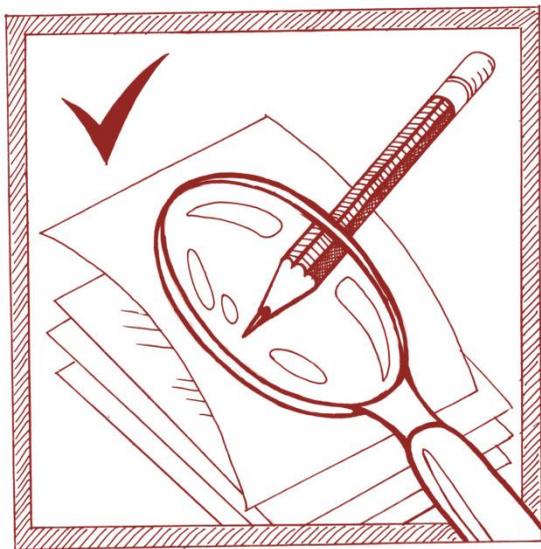
- Смотри, Ёж, как красиво! – совсем уже успокоившись, смотрела Ася в ночное небо.

- Да... это Персеиды, они сейчас в самом начале – это метеорный поток, на самом деле, – объяснил Саня.

- Всё, тихо, я буду загадывать желания! – возбуждённо сказала Ася. – И ты, Ёж, загадывай.

Они замолчали, всматриваясь в небо и стараясь успеть загадать что-то, пока звезда падает. Мир был огромен, великодушен и принадлежал им полностью, ведь желаний было много, и они успевали подумать о каждом, пока падали звёзды...

СТИХИЯ ПОЭТИКИ

Родился в Луганске. После службы в армии работал ведущим конструктором, пресс-секретарём на тепловозостроительном заводе. Автор 23-х изобретений. Начиная с 90-х годов, был главным редактором региональной телекомпании, собкором киевской газеты «Магистраль». Редактор литературного альманаха и сайта "Свой вариант". Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы, изданных в Донецке, Луганске, Киеве, Москве, Берлине. Заслуженный работник культуры Украины. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе имени Юрия

Долгорукого, Арсения Тарковского, Николая Тихонова, Гран-при Международного конкурса «Лучшая книга года – 2022» Почётный председатель правления Межрегионального союза писателей, член Национального союза журналистов Украины. С 2015 года живёт в Германии.

ИМПРОВИЗАЦИИ НА ТЕМУ НЕОДИНОКОГО ОДИНОЧЕСТВА

Марк ТАРАЩАНСКИЙ «ИМПРОВИЗАЦИИ» изд. «АргоЛит», 2021. – М.: Перо, 2021, 184 стр., УДК 82-32(470) ББК 84(4Рос) 6-44 Т19

Отправляя нас на очередную районную математическую олимпиаду, учительница математики говорила: «Вы хорошие ребята, но вот Марк Таращанский (старше нас на два года), тот – вундеркинд и математический гений»... Марк в определённой степени оправдал ожидания нашей любимой учительницы. Он стал математиком, учёным, читал лекции в университете... И ещё подтвердил известную фразу о том, что талантливый человек талантлив во всех своих проявлениях. В этом может убедиться каждый, прочитав его книгу под названием «Импровизации». Талант прозы Таращанского проявляется в том, что читать её хочется не только, чтобы узнать, о чём написано, но и чтобы насладиться, как это сделано. Причём, эта проза совсем не напоминает робкую попытку начинающего литератора заявить о себе. Напротив – это произведение зрелого мастера, виртуозно владеющего пером и знающего все тенденции развития современной прозы. И потому реалистическая манера письма в отдельных рассказах, особенно в повести «Соседи», пропитана модными мистическими мотивами (правда, темы трансгендерности удалось избежать).

О чём пишет Таращанский? Проще всего ответить – о жизни. О людях и их взаимоотношениях, о странностях любви и случающейся переменчивости дружбы, о верности и предательстве, детских воспоминаниях и силе привычек, о поиске истины и смысла жизни, в котором не могут помочь самые мудрые учебники, хотя их ценность сомнению не подвергается. В конце концов, о времени

и одиночестве, которое возможно даже в тесной компании. Ну, и в целом, о себе, потому что черты автора незримо проявляются в героях повествования, а отражения родного города – в книжных пейзажах. Отражения эти весьма призрачны и понятны лишь тем, кто, как автор, знаком с городом с детства, особенно с патриархальными улочками 50-х годов вместе с часовой мастерской «Время» (название знаковое), да и авторские черты угадываются лишь людьми его знающими. И, в этом, на мой взгляд, тоже выражение зрелого мастерства, ведь написать напрямую о себе и родном городе было бы намного проще (и, наверное, ожидаемее). Но в результате получилось интереснее и загадочнее. Каждый рассказ – это небольшая по объёму, но весьма значительная по концентрации событий, переживаний и размышлений история. Хотя, возможно, не события – главные в пространстве сюжета. В каждом рассказе очень явственно ощущается особое настроение, там приметы времени и очертания судеб создают очень прихотливый колорит этой прозы, в какой-то мере даже поэтической. А в какой-то – музыкальной, с особыми ритмами, мелодикой, где эхо ретро сменяется джазовыми и блюзовыми импровизациями...

Было и прошло. Но не бесследно. Память, словно первая любовь, избирательно немилосердна, окунаясь в детство вновь и вновь, падая в случайные мгновенья, где добром отсверкивает зло... Счастьем было просто ощущение, что осталось больше, чем прошло.

И счастье тоже проникает на страницы книги. Не скажу, что его много (это, как в жизни), но от того оно заметнее, его аромат острее. Оно – в воспоминаниях, в общении с любимыми и друзьями, в мечтах, хоть и не реализованных... Но, на мой взгляд, сквозная тема книги – одиночество, пусть даже о нем не во всех рассказах говорится прямо. Но оно чувствуется в настроении и поступках. Во всех историях достаточно много действующих лиц, объединённых родственными связями, общей историей, воспоминаниями, дружбой и даже любовью. Но одиночество (не внешнее, а внутреннее, мало заметное для окружающих) определяет судьбу героев, отражаясь в развитии сюжета, проявляясь в прошедшем и настоящем и предугадываясь в будущем. Печаль – вполне обыденное настроение для обитателей жизненного пространства «Импровизаций». Ощущение неустроенности, невостребованности, не исполненных желаний... Это – о них, неудавшихся, но талантливых музыкантах и учителях, инженерах и врачах (а, впрочем, профессия – совсем не главное в развитии событий). Судьба дает шанс и забирает, испытывает на прочность и проверяет на порядочность и верность. И пройти эту проверку дано не всем.

Никого по отдельности нет. Все впрессованы в родственный лёд – и повенчанный с ночью рассвет, и закат, давший ночи развод. Лёд, случается, тает порой, обнажая греховность обид. Вновь скрепляет всё только любовь, даже тем, что внезапно молчит.

Одиночество по большей части молчаливо внешне. Но в своей душе оно говорливо, ибо ищет ответы и ставит вопросы, читает стихи и даже иногда поёт. Или сочиняет музыку, как это делает

герой рассказа «Блюз». А его друг говорит с ним об одиночестве с чувством и толком, с очевидным знанием предмета.

«...Одиночество возникает вовсе не потому, что нет друзей, любимых или просто хороших знакомых. Одиночество — это когда нет других!». Нам нужны другие вовсе не для того, чтобы общаться, дружить, ненавидеть или даже любить. Это все потом. Прежде всего, они необходимы, чтобы мы занимали хоть какое-то место в их системе координат... В этот момент у Артема Николаевича мелькнула мысль о том, что тема трубы должна звучать так, будто всего остального оркестра не существует. Только тогда она сможет выразить то разъедающее душу одиночество, которое он хотел передать... Тема одиночества должна быть передана не солирующим инструментом, дело не в одиночном звучании, нужно извлечь эту тему из общего звучания оркестра и передать ее трубе так, чтобы она зазвучала, будто не слыша остальных инструментов... Когда он увидел внука, труба возопила от переполнявшей Лапшина любви, и в этот момент зазвучали инструменты, которые Лапшин не сумел определить. Что-то неземное было в этих звуках»...

В книге оркестр звучит, даже когда молчит. Даже в тишине библиотеки или в суете вокзала, в которой одинокий чудаковатый старик каждый день встречает прекрасную незнакомку по имени... Впрочем, как её зовут, и кто она, пусть узнают те, кому ещё предстоит прочитать книгу. Роковая незнакомка встречается и в повести «Соседи», в которой хоть и говорится «о делах минувших дней», но она в книге едва ли не самая актуальная и злободневная. Да, в ней правда и вымысел, прошлое и настоящее переплетены замысловато и неожиданно, но главные темы — человек на войне, взаимоотношения людей и власти, любовь к книгам и чтению — волнуют и сегодня не меньше, чем в прошлые века. Всё повторяется с пугающей цикличностью. Люди не меняются, и всё с тем же энтузиазмом готовы уничтожать инакомыслящих, по-прежнему разделяя мир на «своих» и «чужих», глумясь над негодными и мстительно злорадствуя. И где те книги, которые помогут добру и укорят зло?..

«Думаешь отыскать истину в одной из этих книг? Напрасная затея. Истина только в самой жизни. Во всех ее проявлениях... Ну, спасем мы от уничтожения еще несколько книг... Допустим, их прочитают потом... Это же ничего не изменит. Власть всегда останется властью. Она всегда будет обирать своих подданных, возводя взамен арки в честь кровавой и ненужной победы над соседями. Арки и колонны, призванные внушать черни чувство горделивого самолюбования. И всегда найдутся те, кто будет восхвалять эту власть и говорить, что лучшей власти не бывает, а ропщущие, которых тоже всегда достаточно, ропщут лишь потому, что сами жаждут власти. И никакие книги не в силах изменить этот порядок... Разве не встречаешь ты воинствующих невежд, несущих беды и разрушения под знаменем вроде бы праведных

идей? Они неистребимы, они появляются вновь и вновь... Человек, остановившийся на пути познания, принявший убеждения в качестве знаний, очень опасен».

«...Где сеет зло, чтоб злом ответил свет, и где царит война, но победивших нет».

Как всё болезненно остро знакомо, несмотря на то, что последняя строчка – цитата из Байрона, чьи стихотворные строки появляются в пространстве книги несколько раз, словно подтверждая мысль о поэтичности изложения вещей не просто прозаических, но и страшных в своей обыденности. Война, которая длится, и которой официально нет, хотя несчастные и ни в чем не повинные люди погибают реально... Эта война, ставшая кровавой приметой настоящего времени, отражает в себе аналогичные противостояния прошлых веков, отличаясь лишь применяемыми орудиями уничтожения себе подобных. Люди продолжают гибнуть «за металл», хотя в повести их интересуют старинные фолианты, в которых надеются они отыскать мудрость и ключ к пониманию событий. Удастся ли им это? Возможно, в будущем. Пока же – нет.

Трудно удержаться, чтобы не привести ещё одну цитату из Джорджа Гордона Байрона, который двести лет назад размышлял над теми же вечными вопросами, мучающими современное человечество.

«Жизнь коротка, стеснен ее полет, В суждениях не терпим мы различий. А Истина - как жемчуг в глуби вод. Фальшив отяготивший нас обычай. Среди наших норм, условностей, приличий добро случайно, злу преграды нет, рабы успеха, денег и отличий, на мысль и чувство наложив запрет, предпочитают тьму, их раздражает свет».

Всё, как было, так и есть. И к различиям в суждениях нетерпимы, и истина непостижима. И свет правды раздражающе неприемлем. Его запрещают и укрывают тьмой демагогии, вранья и лицемерия. И, тем не менее, в финале повести роковая красавица, в руках которой мистическим образом сошлись добро и зло, советует герою продолжать писать свою книгу. Ибо в ней правда. Герою её ещё предстоит написать. А автор часть своей книги уже написал. И потому надежда жива. Это главное. Не зря ведь любимый автором Байрон утверждал: *«Покуда Колизей неколебим, великий Рим стоит неколебимо, но рухну Колизей - и рухнет Рим, и рухнет мир, когда не станет Рима».*

Мир рушится, но не рухнул. Колизей стоит. И сочиняются ещё импровизации, и пишутся хорошие книги.

**АРКАДИЙ КОЦ –
ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

ПАМЯТЬ, КОТОРАЯ ТАЕТ С ГОДАМИ

Эту статью я написал ещё в 2010 году, но прошло время, появились новые данные, изменился мир, в конце концов, и я решил перелицевать старый материал к юбилею поэта.

Итак, надо бы сказать, что всё началось с музея. Однажды, по общественным делам, я вместе со своей давешней знакомой – соратницей по перу Натальей Куземой и её шестилетним сынишкой, посетили Горловский Музей миниатюрной книги им. Вениамина Александровича Разумова. Наша цель была – заключение договоров о сотрудничестве и о проведении выездной выставки в одном из исправительных учреждений. А так как моя знакомая впервые попала в этот Клондайк миниатюрных изданий, мы решили ознакомиться с уникальной экспозицией музея. В ходе экскурсии, когда наш гид указал миниатюрную книжицу одного из прибалтийских издательств, с переводами «Интернационала» на разных языках, я отметил, что Аркадий Коц (Данин), автор русского текста, несколько лет жил, учился и работал в Горловке. Этот факт вызвал удивление не только у моей знакомой, которая, к слову, не является коренной горловчанкой, но и у экскурсовода. А я про себя отметил, как мало доступной информации об авторе русского текста пролетарского гимна, если даже научным сотрудникам «окололитературного» музея о нём неизвестно ничего. И именно тогда мне подумалось, что мы теряем себя, забывая о своих корнях, о своём прошлом, что говорить о простых горловчанках, если даже люди, занимающиеся литературной деятельностью в нашем крае, практически ничего не знают о своих предтечах, соратниках по перу. А ведь это первый (!) шахтёр-поэт, литератор и переводчик, чья судьба была связана с нашим городом, имя которого, увы и ах, никогда не упоминается в литературных летописях нашего края. Притом, что к пролетарским «Донбасским» писателям у нас причисляют и Маяковского, и Горького, и Гайдара, который отработал месяц на одной из шахт. А вот для пролетарского поэта Коца, места в Донбасской литературной летописи пожалели.

И я начал собирать информацию. У меня в газетах «СейЧас» и «Шахтёр Украины» была опубликована статья о Горловском индустриальном техникуме, где я уже упоминал об учёбе в его стенах Аркадия Коца. Почему-то мне казалось, что собрать информацию о таком человеке, заслуги которого перед Родиной на уровне пролетарской литературы немалые, не составит большого труда. Да не тут-то было – дело оказалось не из лёгких. Не смотря на то, что Советская власть была благосклонна к своим певцам свободы, почему-то Аркадия Яковлевича Коца эта благосклонность успешно обошла стороной, практически сразу после смерти поэта, о его

творчестве забыли. Были, конечно, юбилейные даты, но все эти акции были сиюминутными, выпустили книгу к 85-летию – и успокоились, открыли к 100-летию мемориальные доски – и опять затишье, не смотря на то, что это один из родоначальников такого культурного явления, как пролетарская поэзия. Энциклопедии и словари не удостоили своим вниманием этого человека, и сведения о нём приходилось выискивать по крохам. Даже в большой советской энциклопедии не нашлось нескольких строк (хотя в ранних редакциях, я уверен, были). К сожалению, горловские городские библиотеки не смогли помочь: ни книг поэта, ни информации о нём не нашлось. Надежда на областную библиотеку им. Надежды Крупской оказалось крайне преувеличенной, результат поисков – такой же неутешительный, только с отличием, что это мне стоило денег (на дорогу и допуск к каталогу) и полдня убитого времени. Насколько мне стало известно, весь архив, сохранившиеся рукописи переданы в Литературный институт, и скорее всего не востребованные и на данный момент ещё не исследованные. Но где я, а где Литинститут? Для меня как шахтёра из провинции на тот момент поездка в Москву была непозволительной роскошью. А на запросы по почте из Российского госархива ответа я не дождался. К счастью, существует всемирная паутина, более доступный кладезь информации, хотя непосредственно нужных данных было обнаружено весьма мало, например – в «Литературной Энциклопедии» в 11 томах, которая издавалась в течении 10 лет в 1929-1939 годах (и к моему счастью размещённая на сайте ФЭБ), я обнаружил небольшую, более чем скромную статью, со скупой информацией в три абзаца. Но для материала, который задумал я, этого было слишком мало. А в музее истории Горловки о поэте в экспозиции всего два предложения текста, чуть более содержательных, нежели на мемориальной доске... И так по крупинке, собирая факты жизни человека, я понял, что чувствует золотоискатель, моющий золото.

Площадь Победы – сердце Горловки, именно на этой площади расположено старейшее техническое учебное заведение Донбасса – Горловский индустриальный техникум (ранее Горное училище, Штейгерская школа, Рудничное училище (Рудуч), Каменноугольный техникум). Сейчас на стене современного здания Горловского техникума ДонНУ установлена мемориальная доска, которая сообщает, что в этом учебном заведении учился А. Я. Коц-Данин, установлена к 100-летию со дня рождения. И, кроме того, что Данин является переводчиком «Интернационала» на русский язык, информации нет.

Ни года, ни места рождения не указано, даже слово «поэт» создатели мемориальной доски пожалели. Да и доска-то, честно признаться, невзрачная, неприметная, доброго слова не стоящая, я уверен, что 90% горловчан, даже не обращают на неё внимания, ежедневно «пробегая» мимо техникума. Все мои многочисленные попытки сфотографировать этот каменно-гранитный прямоугольник не приводили к позитивным результатам, доска нечитабельна,

просто бездушный кусок серого гранита. Чтобы иметь возможность её привести как иллюстрацию, пришлось фотографировать под острым углом и корректировать снимок при помощи компьютерной программы.

А в городском отделе культуры и туризма мне любезно предоставили фотографию – первого варианта мемориальной доски с похожим текстом, но с более чётким шрифтом. Единственное отличие в том, что на старой доске надпись гласит: «Первый переводчик на русский язык пролетарского гимна» (хотя на русский язык перевод (правда не поэтический, а уровня литературного подстрочника) появился за 7 лет до Коца), а на новой доске: «Автор русского текста пролетарского гимна». Какая надпись правильнее? Мне кажется, что обе надписи, вроде как, правильны, но при этом, ни одна не даёт полноценной информации.

К чести работников Горловского техникума ДонНТУ, хочу заметить, что их стенд в музейно-исторической экспозиции, посвящённый Коцу, даст фору многим музеям, даже областным, около 20% информации о герое моей статьи удалось почерпнуть с этого стенда. А фотографии, представленные в этой экспозиции, не встречаются больше нигде. Хотя, к слову, все музейные стенды по истории самого старейшего технического заведения Донецкого края – это труд преподавателей-подвижников Коломийченко Юрия Алексеевича и Кухарева Николая Мироновича, которые проделали огромную кропотливую работу по сбору материалов и восстановлению истории техникума более 40 лет назад. С тех пор основные витрины экспозиции не менялись, а работы по сбору информации не ведутся...

Чем больше меня затягивала работа над поиском, тем больше меня смущало: отчего, то ли умышленно, то ли по простоте людской (с глаз долой – из сердца вон!), но имя небезынского человека потерялось в бегущих годах. По-человечески захотелось напомнить об этом незаслуженно забытом поэте.

ПЛОДЫ ПОИСКОВ

Итак: Аркадий (Арон) Яковлевич Коц родился 3 (15) октября в 1872 году в Одессе в семье мелкого чиновника. Сперва отец работал на винном складе, потом на «конфетной» фабрике, а позже работал в Одесском порту в должности портового грузчика. Детство Аркадий провёл в нужде и лишениях, донашивал вещи за братом и родителями, постоянно недоедал, с ранних лет поддерживал семью, подрабатывая копеечными уроками. В 1880 г. оказался свидетелем печально-знаменитых одесских погромов. Как писал он в своей автобиографии, зрелище озверевшей толпы, человеческой крови, издевательства и насилия над еврейской беднотой оставили неизгладимый след в душе.

Будучи ещё мальчишкой, он страстно полюбил литературу и предавался мечтаниям о литературной деятельности: с 13 лет начал сочинять стихи. Одно из первых стихотворений, которое

никогда не публиковалось, навеянное детскими воспоминаниями о погромах, написано в 14 лет:

*«Я с жизни светлого чела
Откинул рано покрывало –
И в ней добра увидел мало,
Но много, очень много зла...»*

В 15 лет Коц окончил шестиклассное Одесское городское училище, а в следующем году успешно сдал вступительные экзамены в реальное училище, но зачислен не был по причине процентной нормы приёма евреев. Подросток помогал семье, как мог, давал частные уроки уже с 13 лет, но, тем не менее, из-за увлечения литературой всегда вызывал недовольство отца. Родитель, который не мог обеспечить семью, постоянно укорял юного Арона: «Ты что же – думаешь, что стихами сыт будешь? За дело нужно браться, за ремесло!» И устав от постоянных укоров, спустя два года, заручившись поддержкой старшего брата, он уезжает в Донбасс. Так в 1889 году Арон, поменявший своё имя на Аркадий при выписке пашпорта, попадает в число студентов Горловского Горного училища имени С. С. Полякова (хотя в те времена всё-таки чаще употреблялось наименование «Штейгерская школа»).

Населённый пункт, который на генеральных планах и топографических картах поначалу именовался ст. Корсунь, затем посёлок Корсуньская Копь, некоторое время Горловатая, к 1875 году уже определился с названием, став Горловкой. Посёлок, появившийся на проекте в 1867 году, а де-факто заложенный в 1868-м, развивался стремительными темпами. В первую очередь благодаря железной дороге (Курско-Азовской магистрали) и развитию угледобычи в регионе, в частности, закладке угольного рудника Корсуньская копь (который после Октябрьской революции и национализации носил имя «Госрудник № 1», а в 30-х годах XX столетия шахта получила новое имя в честь Донбасской газеты «Кочегарка»). Пользуясь непререкаемым авторитетом, Пётр Николаевич Горлов сумел убедить руководство акционерного Общества Южно-Русской каменноугольной промышленности, что для повышения объёмов добычи потребуются хорошо обученные специалисты. А потому, в 1877 году рядом с рудником было устроено Горное училище имени Самуила Соломоновича Полякова, где студенты по окончании учебного курса получали специальность штейгера (заведующих рудничным производством, горных мастеров). Обучение было четырёхгодичным, три года теоретических и один год практических занятий. Основные дисциплины – геодезия, горное дело, минералогия, геология, механика и физико-математические науки. Но помимо основных предметов студентам читали также русский язык и Закон Божий. А ещё учащимся преподавали рудничное администрирование и калькуляцию. Соответственно уставу, который непосредственно разрабатывал Пётр Горлов, обучение было платным (около 6000 рублей(?) за весь курс (может быть за весь поток, потому что сумма очень страшная для тех времён)), но

к финансированию ещё прибавлялись ассигнации Общества ЮРКП и Съезда горнопромышленников Юга России. В училище по рекомендации влиятельных лиц принимались дети горняков, чиновников и священнослужителей. Хотя позже, не смотря на то, что обучение было платное, малоимущие, но подающие надежды студенты получали образование за счёт средств Общества Южно-Русской каменноугольной промышленности.

Первое здание горной школы построили за год, вложив 34 500 рублей. «Горное училище С. С. Полякова» – самое первое в Донбассе учебное заведение такого рода – торжественно открылось 16 августа 1878 года. Горлов лично подбирал преподавательский состав, принимал участие в наборе студентов и подарил училищу около 200 книг, а это был, по тем временам, очень серьёзный подарок. Выпускники училища (штейгеры, и прочие специалисты) работали практически на всех горных предприятиях региона. В целом, до революции 1917 года училище успело выпустить 1134 специалиста для шахт центрального района Донбасса. Лет через десять было построено новое здание, которое дожило до наших дней, пусть и в плачевном состоянии. Новый корпус училища появился благодаря религиозным потребностям рабочего посёлка, дело в том, что в 1891 году, была освящена домовая церковь (первый православный храм рабочего посёлка) в честь покровителя горняков Святого Преподобного Макария Великого Египетского, которого почитал сам Пётр Горлов, и даже одно из угольных месторождений в Уссурийском крае назвал Свято-Макарьевским. И вот эта самая церковь была устроена в новом просторном здании училища. По документам строение считалось трёхэтажным, (хотя по нынешним меркам можно сказать – в трёх уровнях, как можно увидеть на фотографиях того времени) полуподвальный (цокольный) этаж, где находились комнаты студентов, основной этаж с учебными аудиториями и храмовым помещением, и церковные хоры, которые считались третьим этажом. Так что Аркадий Яковлевич успел поучиться и в старом и новом корпусе рудничной школы.

По признанию Аркадия Яковлевича, учёба в штейгерском училище стала для него суровой школой жизни. Коренной ломкой жизненных устоев назвал Коц свой горловский период. Это был страшный мир: грубый, вечно пьяный, развратный. После важной, вальяжной и довольной собой купчихии-Одессы, Горловка невыгодно отличалась своей фаталисткой падшестью, горькой некультурностью. В училище, на руднике, в посёлке – культ алкоголя. И студенты, и некоторые преподаватели порой приходили на занятия под-шофе. Бутылки водки объёмом в четверть всегда были под рукою учащихся в их комнатах. А простым работягам, после двенадцатичасового изнурительного труда ничего другого не оставалось, как топить свою усталость в водке. Никаких развлечений для рабочих в посёлке на тот момент не существовало. Всё это не могло не угнетать поэтическую душу Аркадия. Нищета руд-

ничных казарм и землянок, в которых ютились семьи шахтёров, очень контрастировала с сытым конторским укладом, где в домах рудничного и акционерного руководства постоянно проходили какие-то праздники, пиршества. Не зря существует легенда, что, когда поздним вечером главному штейгеру сообщили об открытии нового угольного пласта I₃, он приказал дать ему имя «Мазурка», так как в этот момент гости танцевали именно этот танец. Эти контрастные впечатления, полученные в годы учёбы в Горловке, спустя годы вылились в поэму «Освобождённый труд»:

*«Мы – рабочие шахтёры –
Как железные кроты,
Строим шахты, роём норы,
Режем жилы пласты.
Мощь, движенье, блеск и пламень,
Радость, жизнь, тепло и свет –
Всё даёт наш чёрный камень,
Талисман наш – черноцвет.
Но кому свои сокровища
Отдавали мы, кому?
Для кого, как в пасть чудовища,
Погружались мы во тьму?»*

Итак, как мы видим, годы обучения А. Я. Коца 1889 – 1893 г.г. В течение этих четырёх лет он постигал премудрость горного дела. Оплату обучения Аркадия, как я уже упоминал, взял на себя его старший брат, выбившийся в люди и к тому времени уже твёрдо стоявший на ногах.

По завершении училища в 1893 году, Аркадий Яковлевич получил звание учёного штейгера и трудился по специальности, вначале отработывая практический курс, в Донбассе (на Корсуньской копи). Потом была работа в Подмосковном угольном бассейне, а также, спустя несколько лет, на Вознесенском и Петровском рудниках (на территории нынешнего Петровского района Донецка). И все эти годы он писал стихи, которые из-за скромности даже не пытался пробивать в печать.

Итак, летом 1893 года, получив специальность «учёный штейгер», Аркадий Коц уехал на буроугольные рудники Подмосковного угольного бассейна, где трудился заведующим на шахтах братьев Гилль. Исходя из этого факта, можно сделать вывод, что этот рудник находился в Тульской губернии, в районе нынешнего города Щёкино (всего у братьев было 4 шахты в районе тогдашней станции Ясенки). Там, к слову сказать, работая управляющим на шахте недалеко от Ясной Поляны, Коц дважды встречался с Львом Николаевичем Толстым. Первая встреча была визитом вежливости, вместе с конторским сотрудником и его племянником он просто посетил писателя, засвидетельствовать почтение, к сожалению, так и не осмелившись в разговоре с живым классиком заговорить о литературе. Разговор шёл большей частью о положении дел на руднике. А в другой раз, спустя год, сам Лев Николаевич приехал к нему на рудник, чтобы воочию увидеть парашют

шахтной клетки – оборудование, о котором зашёл разговор в первую встречу. Этим знаменательным событиям Аркадий всегда отдавал приоритетное место в своих воспоминаниях. К сожалению, и в Подмоскowie Аркадий задержался ненадолго. В связи с таким политически-религиозным явлением в имперской политике, как черта постоянной осёдлости евреев, в Тульской губернии права для проживания у Коца не было. Вот что он пишет в своих воспоминаниях о встрече с Львом Николаевичем: «Толстой обратился ко мне с вопросом:

– Вы еврей? Как вам здесь живётся?

– Еврей, – ответил я. – Живётся неплохо, но скоро придётся уехать, так как у меня нет права на жительство в этих краях.

Что-то меня удерживало от особого подчёркивания этого последнего обстоятельства, несмотря на всю горечь обиды и унижения, которые я в то время переживал. Я умолчал о том, что власти в самой грубой форме предложили мне в срочном порядке убраться с рудника, о том, что сослуживцы, с которыми я успел сблизиться, смотрели на меня как на выходца с того света, впервые видя перед собой человека, который «не имеет права жительства» на земле».

И как пишет в своей статье «Прощание с Интернационалом» Давид Лившиц: «Жил бы себе в удовольствие горняк Аркадий Коц, занимался бы любимым делом, любил бы товарищей по работе, к чему всегда тяготел по характеру души своей, писал бы лирические стихи, учился бы в хорошем российском институте, не уезжал бы ни в какие Парижи, если бы...» Если бы не странная беспрецедентная политика Российского государства по отношению к своим подданным. «Выбора у Коца не было – надо было покинуть любимую работу и страну. Многие подвержены несправедливости. На долю иных выпадает тяжесть двойного гнёта – и социального, и национального». Хотя до отъезда во Францию вновь был Донбасс. С 1894 по 1897 гг. Аркадий Яковлевич работал на шахтах в районе Юзовки, сперва на Вознесенском руднике в посёлке Трудовое рядом с железнодорожной станцией Мандрыкино, а затем на Петровском. Тяжёлый морально-нравственный дух, царящий в этих рабочих колониях угнетал поэта, и он понял, что его затягивает это болото, что он «погибает». Таким образом, очевидна причина, почему при первой же возможности в 1897 году для завершения образования Аркадий Яковлевич, вновь не без участия старшего брата, выехал в Париж и там, в 1902 году окончил горный институт со званием «Гражданский горный инженер».

Во время пребывания в Париже, в 1899 году Аркадию Коцу поспчастлилось принять участие в заключительном заседании Первого конгресса французских социалистических партий. Это стало знаковым событием для Аркадия Яковлевича, особенно его потряс тот момент, когда во время бурной полемики между представителями разных социалистических группировок стало казаться, что конгресс вот-вот сорвётся, кто-то у подножия трибуны развернул знамя с надписью «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» и запел «Интернационал», и весь зал хором подхватил песню...

На Коца момент братания и единения оказал огромное впечатление, и потому не удивительно, что довольно скоро он сблизился с эмигрантскими революционными кругами, познакомился с марксистской литературой, посещал митинги русских и французских революционных организаций.

За годы, проведённые во Франции из «толстовского непротивленца» Аркадий окончательно перерастает в социал-демократа. Он слушает лекции лучших революционных ораторов того времени – Жана Жореса, Жюля Геда, Поля Лафарга, Розы Люксембург, Клары Цеткин и других. Проникшись духом свободы, молодой поэт постепенно уходит от романтико-аллегорической поэзии к боевой гражданско-политической лирике. И именно тогда, в начале нового века он написал русский текст гимна «Интернационал». Ведь само значение слова интернационал – это утопическое слияние всех наций и рас в один народ «по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного», это ли не чаяние угнетённых масс, погрязших народов?

Слово «перевод» здесь неуместно, так как это был вольный пересказ отрывка произведения Эжена Потье. Аркадий выбрал три строфы, показавшиеся ему наиболее боевыми и подходящими к российским условиям. И в переложённых строфах он пошёл по пути переработки и адаптации их содержания: при значительном приближении к французскому тексту перевод Аркадия Яковлевича выделяется творческой самостоятельностью, он переакцентировал отдельные детали текста, усилив его революционно-прокламационное звучание, при этом текст Коца впитал в себя перелицованные цитаты из коммунистического манифеста Маркса...

Читая критические замечания по поводу соответствия текста «перевода» и оригинала, я могу сказать, что русскому человеку, поднявшегося с низов, было лучше знать, какие строки будут бить в цель, какие способны задеть больные струны угнетённых масс. Отзывы современных критиков – это заговор равнодушных, которые не смогли понять, что не дословность нужна была русскому народу, а призыв, доступный и окрыляющий.

Это же подтверждает и Давид Лившиц: «Аркадий Коц отдавал себе отчёт в скромности своего дарования. Но именно это и явилось, как ни прозвучит странно, условием успеха. Вспомним: «Интернационал» до него, да и после, переводили многие поэты, и иные были, возможно, одарённые нашего автора. Но тут, как это случается, сработал «синдром», о котором говорит известный афоризм: «лучшее – враг хорошего». Риторическое дарование автора русского текста «Интернационала» как нельзя, кстати, подошло и совпало с требованием простоты, открытости, доступной доходчивости лозунга». Ведь согласитесь, Коцовское: «Никто не даст нам избавленья, ни Бог, ни царь и ни герой!» – было более

подходяще к русскому менталитету, и народной мелодичности, чем более ранний перевод Екатерины Бартеневой (1896 год): «Нет для нас избавителя вышше, ни Бога, ни царя, ни парламента», по ритмике это просто невозможно спеть. И так, успеху песни, бесспорно, содействовало и то, что она пришлась на благодатную почву музыкальности русского народа, в песенной традиции которого – размах, широта, полноголосие. «Интернационал» сам стал источником вдохновения, на песню ссылались, она стала темой и предметом искусства, разошлась на цитаты в произведениях разного рода – от романов до поэм, стихов и живописи: и плакатной, и сюжетной, многие строки текста Аркадия стали составляющими многих словарей и сборников афоризмов. Ну, и, конечно же, содержание песни, её революционный пафос и категоризм, были востребованы временем, революционными настроениями. Он не перевёл песню Эжена Потье, он пережил её от начала и до конца, как настоящий художник слова, подарив тот текст, который многие помнят из школьной программы до сих пор.

Текст русского «Интернационала» впервые опубликован в марксистском журнале «Жизнь» (который в тот год издавался в Женеве) № 5 за 1902 год под псевдонимом А. Данин. По свидетельству Владимира Бонч-Бруевича, который в то время был одним из редакторов журнала, появление этого текста: «произвело огромное впечатление среди многочисленных русских колоний Западной Европы и Америки. Текст его был быстро усвоен всеми, и мы, русские социал-демократы, сразу стали отличаться на всех уличных демонстрациях и собраниях от всех других политических групп русской эмиграции», отныне политическая эмиграция могла вторить всем европейским народам, исполнившим «Интернационал» на родных языках. Отметим, что сотрудничество в «Жизни» Аркадий Яковлевич начал, незадолго до этого, прислав в редакцию стихотворение «Расправа», подписанное буквами И-жд, стихотворение имело подзаголовок – «Посвящается памяти Г. Леккерта». «Расправа» была помещена в четвёртом номере журнала – за июль 1902 года, кстати, свой первый гонорар (40 франков) молодой поэт тут же отправил на благотворительные цели. И вот уже в следующем номере появилась подборка стихов за подписью Данин (один из основных литературных псевдонимов Коца), в неё вошли «Интернационал», а так же «Пролетарская Марсельеза» и стихотворение «Я слышу звук его речей (посвящается Л. Н. Толстому)» – направленное против толстовской проповеди непротivления злу.

ЛЬВУ ТОЛСТОМУ

*Я слышу звук его речей...
Среди всеобщего смятенья
Великий старец наших дней
Зовет на путь непротivленья.
«Зачем насилье над врагом,
Победа, купленная кровью?»*

*Не лучше ль нам в борьбе со злом
На зло откликнуться добром,
На ненависть – любовью?
Пусть враг силен, пусть долог путь,
Но верю я, настанет время –
И расцветёт когда-нибудь
Любовью брошенное семя...»
Простые, ясные слова –
И кто проникся их лучами,
Как бы коснулся божества
И говорит его устами.
Пред этой истиной простой
И я склонял свои колени...
Но предо мной встают толпой
Другие образы и тени.
Там, где пред грозным палачом
Народ смиренно спины клонит
И под ярмом и под бичом
Бессильно падает и стонет,
Там, где страданьям нет числа,
Где попираются от века
Пятой ликующего зла
Права и чувства человека,
Где мысль униженно молчит,
Сложив беспомощные крылья,
И дух восстания убит
Отравой рабского бессилья –
Там, нет! Не мир и не любовь,
Там нужен мощный клич восстанья,
Там нужно немогущую кровь
Зажечь огнем негодованья,
Там нужно ненависть борца
Вдохнуть в заснувшие сердца,
Давно привыкшие к смиренью,
И в час возмездья роковой
Забить в набат и звать на бой
К освобожденью!*

Уже потом, позже, в 1907 году издательством «Наш голос» в Петербурге был издан сборник пролетарских стихов А. Я. Коца под заглавием «Песни пролетариев», кстати, эта книга – один из первых изданных в России сборников стихов классовой поэзии. Именно эти произведения позже литературоведы отнесут к первым образцам пролетарской поэзии. Цензор Санкт-Петербургского комитета написал о сборнике, что «в этой небольшой брошюре одиннадцать стихотворений революционного содержания. Брошюра подлежит аресту и судебному преследованию». Судебная палата утвердила арест на книгу Аркадия Коца и весь её тираж был конфискован и уничтожен. Один экземпляр книги сохранился в Государственном литературном музее, другой – в Институте Маркса-

Энгельса-Ленина. Как ни удивительно это прозвучит, но именно тогда, в первом десятилетии XX века, литературная полемика коснулась Горловки. Дело в том, что в критической полемике Академия Коца царские цензоры и заказные критиканы именовали не иначе, как выпускником горловского горного училища (и пусть, это озвучивалось, дабы умалить литературские труды Аркадия, обзывая его ремесленником), тем не менее, именно тогда Горловка впервые попала на литературные скрижали истории.

Кстати, Глотов А. Л. В в своём теософско-литературоведческом своде «Иже еси в Марксе» солидарно вторит реакционным цензорам, в пух и прах грома «перевод» Коца. В то же время в других современных статьях и заметках мнение, чаще всего, противоположное. В частности, в статье Виктора Листова «Поэт и Интернационал» говорится, что прост текст перевода, только на первый взгляд, и указывает в тексте реминисценции Пушкинских строк: «если Коц и заимствовал пушкинскую формулу из «Сцен из рыцарских времен» в ущерб французскому оригиналу «Интернационала», то это тот случай, когда перевод лучше, чем оригинал». Этим подчёркивается ещё раз, что слово перевод в нашем случае – слишком приблизительное.

Итак, в 1903 году А. Коц-Данин возвращается в Донбасс, вступает в РСДРП. Его прибытие на землю Донецкую совпало с мировым кризисом, который пришёлся на начало XX века, время обнищания народа и беспредела заводо- и рудовладельцев. Его публицистические материалы были исполнены праведного гнева. В это же время его стихотворение «Клятва» было выпущено солидным тиражом в виде листовки, изготовленной гектографическим способом Комитетом РСДРП г. Николаева в июле 1905 г., и тогда же перепечатана в Мариуполе.

КЛЯТВА

*«Пролетарии, вперед!
Снаряжайтесь к походу:
Бьет тот час, когда народ
Умирает за свободу...
Пусть же вызов боевой
Только тот подымет смело,
Кто клянется головой
Постоять за наше дело!»
Но в ответ перед вождем
Прогудело по народу:
«Все клянемся, все пойдем!
Грудью ляжем за свободу!»
Из толпы старик один
Молвит, мрачный и суровый:
«С малых лет и до седины
Я влачил свои оковы...
Я поля своих господ
Орошал слезой и потом,*

*Я весь век, как мой народ,
Изнывал под тяжким гнетом
С гнезд родимой стороны
Нас опричники согнали,
Для тюрьмы и для войны
Сыновей моих забрали –
Я молчал. Но в глубине,
Сердце радуя невольню,
Зрела, выросла во мне
Дума крепкая... Довольно!
Наши слезы, кровь и пот
Пролились зловещей тучей,
Принесли свой поздний плод –
Пламя ненависти жгучей.
И клянусь я сединой,
В час кровавой непогоды
С первой ринусь я волной
В бой под знаменем свободы!..»
И, как бури дальний гром,
Прогудело по народу:
«Все клянемся, все пойдем!
Грудью ляжем за свободу!»
«Я кузнец, - сказал другой. –
И душой и телом молод...
Любо мне, когда дугой
У меня играет молот.
В этот миг, сдается мне,
Я спешу на подвиг ратный...
Сам как сталь и весь в огне,
Я кую свой меч булатный...
Пролетарии! Меж нас
Все родились кузнецами...
Бьет наш молот раз-за-раз
Вместе с нашими сердцами.
Но в тот час, когда рабы
Им куют себе оковы, -
Мы, борцы, лишь для борьбы
Поднимать его готовы!..
Как чудовищный паук,
Гнет опутал нас сетями,
Давит тысячами рук,
Рвет железными когтями...
Но из самых недр его
Мы железо вырывали,
Мы свой молот из него
В жаркам пламени сковали...
И когда ударит час
Сбросить гнет орды татарской,
Задрожат сердца у нас
Гневом клятвы пролетарской!*

*И лишь только боевой
Кликнут клич всему народу,
Мы подыдем молот свой –
И скуем себе свободу!..»*

Аркадий принимал активное участие в революционном движении донецких шахтёров, был известен полиции как социал-демократический пропагандист в Мариуполе.

В этот же период Коц опубликовал переводы памфлета «Поклонение золоту» (1905) Поля Лафарга (зять Карла Маркса) и пьесы Октава Мирбо «Дурные пастыри» (1905). Его стихи отметились в антологии пролетарской поэзии «Перед рассветом» под редакцией В. Перовой в Женеве. Опять же, именно в Донбассе была подготовлена к печати книга «Песни пролетариев», и отсюда же из районов Мариупольского уезда шли репортажи и публицистические материалы Аркадия в редакцию газеты «Искра».

Вот отрывок из его корреспонденции, опубликованный в газете «Искра» №40, 1903 года:

«Врач «Провиданса» Медалье тоже очень халатно относится к своей больнице, больше думает о шахматах и преферансе, чем о больных. Наряду с больницами – и санитария; в выстроенных при заводах колониях и в самих заводах отхожие места и выгребные ямы устроены так плохо, что зловоние, особенно летом, заражает весь воздух колоний, буквально нечем дышать, грязь в колониях, особенно в «Провидансе», невылазная.

Вода от дождей застаивается на улице и гниёт. Экономия заводоуправления «Никополь» доходит до того, что в жаркое летнее время заводской водовоз развозит воду по квартирам рабочих только два ведра на семейство. Из-за воды происходят драки между женщинами».

Публицистические материалы выходили и отдельными книжками, например: «Как бельгийский народ боролся за свободу», по существу, завуалированные призывы к действиям. В этот период он публикует свои стихи в газетах «Борьба» и «Пролетариат». По некоторым данным с 1914 года примыкал к меньшевикам. Воевал на фронтах гражданской войны. Восстановился в партии большевиков лишь в 1920 г. После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года «Интернационал» в переводе А.Я. Коца стал государственным гимном первого в мире социалистического государства, коим являлся до 1944 года, когда появился гимн СССР Михалкова-Регистана. Но до сих пор «Интернационал» является гимном КПРФ (КПСС), правда теперь в полной версии, все шесть строф.

Аркадий Яковлевич Коц жил более чем скромно. После Октябрьской революции печатал стихи в периодических изданиях, да и то, крайне нерегулярно. Его литературные псевдонимы: А. Данин, А. Бронин, А. Шатов. На стихи Коца «Майская песнь» и «9 Января» Дмитрий Шостакович написал музыку для хорового исполнения (вошла в ораторию композитора «1905 год» – на стихи революционных поэтов того времени.) В 20-е годы жизнь его не отли-

чалась особыми творческими событиями, несколько произведений вышедших брошюрами, в том числе для детей.

С 1921 года Аркадий Коц переезжает в Москву и там работает горным инспектором в «Главугле» при Наркомате РКИ, где инспектирует шахты Кузбасса, Донбасса и Урала. Аркадий Яковлевич вернулся к активной литературной деятельности только в 1931 году (незадолго до этого, он полностью перевёл текст «Интернационала»). В то время им написана поэма «Освободительный труд», «Сказание о Стаханове» и другие стихи. В этот же период он чрезвычайно много работал над переводами Эжена Потье, Пьер Жана де Беранже и многих других поэтов Парижской Коммуны. Так же в его активе переводы Шарля Бодлера, Поля Бруса и других французских писателей. Публиковался в основном в газетах «Правда», «Литературная газета» и в журналах «Новый мир», «Звезда» и «Крестыанка». Примером отсутствия тщеславия служат воспоминания Евгения Долматовского, который дружил со старшим сыном поэта: «В нашей компании начинающих поэтов был Григорий Коц, в дальнейшем ставший видным геологом, но, насколько мне известно, до сих пор дышащий стихами. Жил он в Москве, в Трубниковском переулке. Его отец, горный инженер Аркадий Яковлевич, очень интересовался стихотворными начинаниями сына и его товарищей. Аркадий Яковлевич был в полном смысле этого слова обаятельным человеком. Он сумел приворожить к себе начинающих поэтов. Никто из нас тогда не знал, что Аркадий Яковлевич – автор русского текста «Интернационала». В те годы «Интернационал» печатался без упоминания автора перевода, а Аркадий Яковлевич по своей исключительной скромности никогда и никому не говорил о том».

Коц был тонким знатоком русского языка, очень любил русскую литературу, блестяще знал французскую. В продолжение всей жизни А.Я. Коц оставался верным своему направлению поэтического творчества. Начало его писательской деятельности приходится на рассвет так называемой Вольной русской поэзии, то есть поэзии, которая существовала в нелегальных условиях, незаконно распространяемая и издаваемая конспиративными типографиями. В советские годы после «Хрущёвской оттепели» подобное явление называли «самиздатом». С одной стороны – это было продиктовано развитием вольной мысли, с другой стороны – обострением реакционной цензуры. В предреволюционные годы Вольная русская поэзия нашла своё отражение в песенном народном творчестве, когда стихи, облекаясь в мелодию, становились народными песнями.

И в то же время, как мы понимаем, Аркадий Яковлевич стоял у истоков зарождения пролетарской поэзии в России. И если в недалёком прошлом он – поэт-романтик, то уже в XX веке А. Коц-Данин – это поэт-гражданин, политический чуткий лирик, страстный интернационалист и гуманист, яркий представитель классово-поэзии. Стихи его отмечены высоким пафосом поэтизации труда и гражданского долга. Его произведения максимально при-

ближены по тону, остроте и по стилистике к политическим лирикам и памфлетистам Франции – Беранже и Эжену Потье, их творчество было для него путеводной звездой. Так же, как и они, Аркадий Яковлевич в совершенстве владел песенной формой стиха с её короткими напевными строками и легко запоминающимся рефреном. Для нескольких песен, написанных Аркадием в последние годы, композиторами была сочинена музыка. А в 1941 году был подготовлен к выпуску поэтический сборник стихов «Песни революции», книга была сдана в набор и в конце июня была намечена печать книги. Но началась война, и книга так и не увидела свет, набор был рассыпан, а все типографии начали работать на оборонную литературу.

Оба сына Аркадия сражались на фронте, младший Юрий погиб под Сталинградом, старший Григорий выжил. Кстати, сыновья получили высшее образование в горном ВУЗе и если бы не война, вдвоём бы продолжили трудовую династию. Но Григорий Аркадьевич Коц, выживший в мясорубке Сталинграда, а позже участвовавший в освобождении Ленинграда и стран Европы, во всём пошёл по стопам отца. После войны был инженером-технологом Всесоюзного института минерального сырья, лауреат Государственной премии СССР за разработку технологии извлечения из пород якутских алмазов и лауреат премии Совета Министров СССР за геолого-технологическое картирование месторождений твёрдых полезных ископаемых, он автор многих научных трудов по минералогии и обогащению руд, а также соавтор нескольких изобретений. Но в душе он, как и его отец – был поэтом, писал стихотворения и занимался переводами французских литераторов. В память об отце переводил те произведения Э. Потье, которые отец не успел.

Во время Великой отечественной войны Аркадия Коца вместе с супругой из Москвы эвакуировали на Урал, сначала в 1941 году в Кусью-Александровскую Пермского края. Коц уже тогда был тяжело болен, у него были обнаружен рак горла, к тому же его мучила стенокардия, его лечили нефтяными препаратами, «рентген съжёт шею», он знал, что нездоров, даже попытался бросить курить, но не совсем удачно. А весной 1942 года А. Я. Коц выехал в эвакуацию, в Свердловск. И так, в 1942 году, Аркадий Коц оказался за каменным поясом России.

В Свердловске – в последний год своей жизни – 70-летний поэт с юношеским энтузиазмом написал много стихотворений, вдохновлявших советских воинов в борьбе с захватчиками, замечательных по силе искреннего чувства и гражданского пафоса, воспевал мужество советских воинов, героический труд наших людей, хотя болезнь серьёзно подкосила Аркадия, Мариэта Шагинян в своём дневнике делает пометку: «Поэт (Коц), бедный, умирает, он очень плох...», запись была сделана за два месяца до смерти поэта.

Но всё равно, не смотря на своё состояние, на новом витке творчества и своей жизни поэт работал запоем, большая часть произведений конечно же печаталась в газете «Уральский рабочий», среди них «Париж», «Тулонский взрыв», «Тебе, Урал!», «Уральская песня», «Песня о первой фронтовой», а так же патриотические произведения во фронтовых и армейских газетах и боевых листках шли вместе с бойцами Красной Армии в атаку.

Этим судьба Аркадия Яковлевича чем-то схожа с судьбой другого горловского поэта-шахтёра Павла Григорьевича Беспощадного (Иванова), который так же по состоянию здоровья был эвакуирован, но без дела не сидел, своим поэтическим словом вдохновляя воинов. Павел Беспощадный на эти боевые стихи говорил: «Это мои обоймы!».

«ЖИЗНЬ» ПОСЛЕ СМЕРТИ

Умер Аркадий Коц 18 мая в 1943 году, а спустя полгода правительство объявило конкурс на новый гимн страны. Просто мистически мощная связь автора и произведения, с уходом поэта, его детище отошло на второй план. Автор же «Интернационала» был похоронен на самом старом городском кладбище Свердловска – Михайловском.

Избранные произведения представлены в его посмертной книге «Стихотворения», которая вышла спустя 14 лет со дня его смерти к 85-летию со дня рождения. В книгу вошли: часть стихотворений, часть переводов и небольшая часть мемуаров.

А в 1986 году был выпущен почтовый конверт с изображением Аркадия Коца. На доме, на перекрёстке улиц Малышева и Хохрякова в Екатеринбурге, где жил и умер поэт, была установлена мемориальная доска, которая потом в шальные девяностые бесследно исчезла (не напоминает ли этот факт судьбу мемориальной доски на доме Павла Беспощадного по ул. Советской-5?). Доску, кстати, в 2005 году на Малышева-21 установили новую.

А потом 20-тилетнее забытьё. По всем материалам, что я нашёл, не удалось установить, отмечено ли в Одессе рождение поэта какой-нибудь мемориальной доской. Есть ли в Мариуполе, какие-либо факты его партийной деятельности? Хотя, что не может не радовать, в списках писателей рождённых в Украине Коц упоминается наравне с Надсоном, Бабелем, Нарбутом и многими другими. Но всё равно, многие вопросы так и остаются вопросами.

Зато, когда я собирал эту информацию, в ряде статей, мелькавших в сети, несколько раз проскочили заметки, что в 2008 году Аркадию Коцу в Екатеринбурге установили памятник. Меня это даже порадовало, всё-таки – помнят! К сожалению, когда я просмотрел эти статьи, то убедился, как легко у нас газеты делают из мухи слона. Растрюбившие об этом российские издания центральной печати и левого толка, из заурядного акта, попытались сделать уникальное шоу.

На самом деле, екатеринбургское отделение КПРФ поменяло на могиле поэта надгробие, вместо старого, почти разрушенного бетонного памятника, поставили практически точную копию из серого гранита (чересчур скромный, чтобы называть его памятником), потому что властям не до героев социалистической эпохи.

Конечно же, и это не плохо, но трубить об этом и преподносить, как нечто выдающееся – более чем неразумно. А самое печальное: оказалось, что саму-то могилу певца пролетариата, обнаружили на Михайловском кладбище не так давно, в 2005 году, с трудом отыскав его в дебрях из бурьяна и крапивы. Вот, отрывок статьи с официального сайта 4 канала (Екатеринбург) «Памятник автору гимна СССР»: «В советские годы могила Коца, что на Михайловском кладбище, была по-настоящему культовым местом! Сюда водили школьников на экскурсии, а потом памятник предали... забвению. В Свердловских архивах о самом Коце сведения крайне скупы. Аркадий Коц в Свердловске прожил два последних года своей жизни (*на самом деле, чуть больше года. И. Ч.*) – в 1942 году его эвакуировали сюда и поселили в здании на улице Малышева, где сейчас находится театр «Волхонка». Раньше на стене дома висела мемориальная доска, но потом и её сняли. Теперь активисты-коммунисты собираются доску не только восстановить, но и повесить на самое видное место. Такого героя, говорят коммунисты, нельзя прятать от глаз трудящихся масс!»

Как видим около 15 лет, могила, к которой ещё в 80-х годах текли экскурсанты, пребывала в полном забвении.

И вот, вроде, после «открытия» места упокоения поэта и установки нового надгробия, всё становится на свои места... Но отчего так грустно? Как было сказано в газете «Комсомольская правда» – депутат Облдумы, первый секретарь обкома КПРФ Владимир Краснолобов заранее разослал приглашения руководителям области и города на открытие памятника, но никто из них на кладбище не пришел. На видеозаписи мероприятия открытия три десятка пенсионеров, пара красных полотниц, звучащий «Интернационал» и скромный памятник высотой чуть больше человеческого роста, положили на плиту цветы и разошлись.

ЭПИЛОГ

Время неумолимо несётся вперёд, сбрасывая человеческую память на ходу, как балласт. Почему-то 75-летняя история Советской державы отпугивает современного человека. Во время работы над этой статьёй я весьма серьёзно почувствовал это. Фонды музеев не располагают достаточными сведениями, многие экспозиции, посвящённые советской поре, свёрнуты. Многие люди, с которыми мне приходилось сталкиваться в ходе работы, удивлённо пожимали плечами, мол, ну подумаешь Коц, ничего выдающегося (Всего-то лишь первое литературное имя Горловки). Такое чувство, что наше общество с облегчением избавилось от бремени пролетарской литературы. Почему у меня возникло такое ощущение? Наверное,

потому что я наткнулся на чёрную дыру равнодушия и обречённой усталости. Опять же, когда я работал с каталогом областной библиотеки, как мне сначала показалось, появился шанс отыскать какую либо информацию. Я нашел издания, которые мне могли бы помочь, это «Пролетарские поэты» – 1935 года выпуска в четырёх томах и «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи» – 1959 года под редакцией Зиновия Паперного, но не тут-то было, эти книги в хранилище так и не были отысканы, увы.

Фотографий Аркадия Коца не достать, в интернете «гуляет» один его портрет, который я в 2008 году разместил на блоге «Литературная Горловка», причём это рисованный портрет был «вырезан» из конверта, найденного на сайте Philatelia.Ru. Отозвался, к слову, только коллектив Екатеринбургского музея истории, который предоставил фотографию старого надгробия на Михайловском кладбище, а современные фотографии установки памятника я обнаружил на сайте предприятия «Уралгеокамень».

Единственная книга Аркадия Коца «Стихотворения», которая по-настоящему была доступна, находилась в то время в букинистическом магазине «Горница» в Новосибирске!!! Спустя десять лет, после написания первого варианта данной статьи, заполучил эту книгу, в конце концов, и я. В книге всего 16 авторских стихотворений! Всего... Да и переводов не так уж и много

Также очень огорчает полное отсутствие информации в донбасских музеях. Как я уже говорил, Горловский музей истории города располагает всего одной фотографией и коротеньким сообщением в один абзац. А уж, простите меня, неужели это такая незначительная страница в жизни города?

Я не ошибусь, если заявлю, что к 150-летию Аркадия Коца ни в одном городе Донбасса не прошло ни одного мероприятия, посвящённого этой дате, ни одной книжной выставки в библиотеках всех уровней и подчинений, ни одной экспозиции в музеях пролетарского края. Горловский отдел культуры тоже достойно «проспал» это событие, хотя письмо на официальную страницу вКонтакте я им написал ещё летом.

Всё это весьма печально! Советская эпоха – пройденный этап пути нашего сообщества. Но, как и другие эпохи – это наша история. Если мы сегодня забываем о прошлом, то кто завтра вспомнит о нас?

НИНА ИЩЕНКО

Кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Член Союза писателей ЛНР, Философского монтеневского общества Луганска.

Автор книг «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск-2014» (2020), «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”» (2021), «Южный фронтир: Россия – Украина – Донбасс» (2021). Редактор-составитель шести сборников Философского монтеневского общества Луганска.

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ ТАРТАРИИ: МАГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ПОРУБЕЖЬЯ

Во все времена пограничная земля, где сталкиваются разные культуры и цивилизации, несет опасность, – ее история кровава, запутана и неоднозначна. На западном рубеже русского мира и сейчас, как столетия тому назад, идет война, реальная и информационная, сталкиваются разные культуры, человек вовлечен в борьбу политических сил и вынужден выживать в центре конфликта религий, культур и цивилизаций. Сложная реальность порубежья всегда привлекала внимание писателей. Одна из современных книг, полностью посвященных мистической истории западной границы России, – это сборник «Паны, холопы и Другие. Тайная история Тартарии» (2021). Тартарией на старых европейских картах называли Россию. Это название ассоциируется с Тартаром – древнегреческим царством мертвых. В европейских культурах Россия выступает как мир магии, волшебства, неструктурированного хаоса, разрушающего любой порядок. Авторы сборника обыгрывают этот образ, показывая мистическую и магическую сторону известных и неизвестных исторических событий.

Сборник включает десять повестей и рассказов в жанре фэнтези авторства современных российских и донбасских писателей Владимира Свержина, Вука Задубайского, Людмилы и Александра Белашей, Натальи Резановой, Татьяны Андрущенко и Владислава Русанова. Действие произведений разворачивается на территории современной Белоруссии, Украины и западной России. Книга представляет собой важный вклад в создание русского видения культурно-исторических процессов на этих территориях, принадлежащих западному пограничью русского мира.

Все рассказы сборника объединены тремя основными темами войны, магии и памяти. Тема отражения военного нашествия, межкультурной коммуникации с агрессивным соседом, конфликта культур – центральная в сборнике. Она раскрывается не только на историческом, но и на современном материале. Вторым лейтмотивом выступает тема языческой магии, неукротимых сил природного и потустороннего мира, существующих по ту сторону добра и зла, вне рамок христианской морали. Третья важная тема сборника – это память,

память народа, культуры, рода, земли. Тема памяти позволяет авторам интегрировать разновременные сюжеты в единую структуру. Все три темы взаимодействуют между собой, могут раскрываться в разных рассказах одновременно, и создают неповторимое настроение сборника. Его можно описать как «преодолеть непреодолимое и остаться человеком».

Военная тема доминирует в сборнике. Ей посвящено семь произведений из десяти. В этих рассказах и повестях книги охвачены несколько столетий русской истории на западной границе России. Особо выделены Ливонская война, войны с поляками и татарами на Украине в XVII веке, Польское восстание 1830 года, Первая мировая война и Великая Отечественная.

Во времена Ливонской войны происходит действие рассказа Вука Задунайского «Память воды». Это одно из немногих произведений сборника, где христианское и языческое мировидение прямо противопоставляются: добрый христианский Бог всех прощает, а Вода, несущая древнюю магию, помнит всё и воздаёт полной мерой за любое зло. В рассказе изображается небольшая деревенька, лежащая в глухих лесах Западной Руси. Во время Ливонской войны деревня была сожжена поляками под предводительством Филона Кмиты. Это историческое лицо, реально существовавший полководец, воевавший на стороне Литвы против России. Сохранилось около тридцати служебных донесений Кмиты польским государственным деятелям о военно-политическом положении на восточном рубеже Великого княжества Литовского с Русским государством. Около трех десятилетий Кмита провел в походах против русских, совершая рейды вглубь государства и разбивая противостоящие Польше русские армии, за что был пожалован землей под Киевом. Магическая память Воды и сила огня связывает шляхтича из Киевского воеводства старой Польши с Украиной XX века и с современной украинской культурной политикой, построенной на героизации подобных персонажей.

Войны XVII века на западном рубеже русского мира изображаются в рассказе Владимира Сержина «Белый Хорт» и в повести Вука Задунайского «Страна крепостей». Во времена, описанные в этих произведениях, современная Украина и Белоруссия были русской окраиной России и Польши, территорией столкновения двух враждебных культур.

В рассказе «Белый Хорт» изображен замкнутый мир волшебной сказки. Автор умело использует фольклорные мотивы, вводя в повествование несколько временных пластов: скифские предания о царях-сыновьях Геракла, русские былины о богатыре-оборотне Вольге Всеславиче и украинские бывальщины о казаках-характерниках. Одним из таких казаков оказывается атаман Сирко. Волшебный помощник так описывает атаману ситуацию: «Сам знаешь, с одной стороны на землю нашу басурманы валом прут, с другой иезуитово семя крадется. Да и белый царь, хоть за твоей спиной, как за каменной стеной, а подмоги от него когда густо, а

когда и пусто. Своя рубаха ближе к телу, и выгоду свою он блюдет свято. Но такое может стать, что его выгода – твоя невзгода. Потому запомни – с царем или без царя, а землю русскую ты сам защитишь». Персонаж проходит несколько арок трансформации, от инициации и получения волшебного меча по имени Белый Хорт до битвы со Змеем. Путь героя завершается его символической смертью – лишением волшебной силы. Это один из немногих рассказов сборника, сюжетно не связанных с современностью. История полностью завершена в эпоху войн и злосчастий до того, как западная Русь оказалась под рукой Белого царя.

Этому же временному периоду посвящена повесть Вука Задунайского «Страна крепостей». Действие повести происходит в Белоруссии, ранее носившей название Страны крепостей. В белорусском городе Старом Быхове с разницей в несколько столетий разворачиваются типологически единый сюжет: убийство русского казацкого атамана Золотаренка иезуитами. Иван Золотаренко, наказной гетман Войска Запорожского в 1654–1655 гг. – историческое лицо, фигура пререкаемая. Поляки, разгромленные им в ходе восстания, рисуют его самыми черными красками. Для русских с освобожденных территорий Иван Золотаренко – герой. Противодействие черной легенде о гетмане Золотаренко занимает значительное место в произведении. Параллельная сюжетная линия разворачивается в наши дни, в европеизирующейся Белоруссии, уже после украинского Майдана 2014 года. Герои этой линии – современные продвинутые молодые люди, охотно обсуждающие острые темы, включая исторические события, формирующие культурную память русских, украинцев и белорусов. Два временных слоя связывает магия рода, и с помощью магии героям в наши дни удастся сломать сюжет и выиграть очередное небольшое сражение на границе миров. Основные темы сборника – война, магия и память – полностью раскрыты в этой повести.

В сборник включены два рассказа Людмилы и Александра Белашей, с действием происходящим на польской культурной границе. В рассказе «Грань» изображается Польское восстание 1830 года. В рассказе «Панская часовня» охвачено две войны – Первая мировая и Великая Отечественная, а завершение и развязка действия происходит в наши дни. В обоих рассказах показано, как поляки уничтожают русских и тех, кто перешел на их сторону. Способ действия за столетия не поменялся, и когда человек не может ничего ждать от людей, за него вступают потусторонние силы: языческий бог Цмок в рассказе «Грань» и сила Рода в «Панской часовне». Это силы, существующие вне человеческих норм, однако одна ценность у них общая с людьми: принадлежность роду и память земли.

В рассказе «Панская часовня» очень ярко показан сущность культурного пограничья, восприятие русской земли извне, из Европы: «Всякий раз во время вылазок в славянскую Европу он казался себе путешественником на машине времени. Девятнадцатый имперский век здесь смешался с интернетом и мобильной связью, последние

моды и гаджеты – с платьями времён Первой мировой и колодезными «журавлями», а глобализм завяз, как паровоз, уткнувшийся в лесной завал. Промежуточная зона, сумрачный переход между эпохами. Повернёшь – и неизвестно, где окажешься... Внешность славян обманчива, под ней – сущность леших, эльфов, хозяев и порождений природы, лишь для приработка вышедших к дороге из болот, чтобы потом сбросить личину-оболочку и вернуться в топь...

Что им Чернобыль? Случайная вспышка среди бесконечных дремучих веков, лесов и трясин. Они ведут себя так, словно впереди – вечность.

“Будто грибы. Радиация, пожар, потоп, война, мороз – пока цела в земле грибница, они будут подниматься вновь и вновь, неистребимые, чтобы встать кольцом круговой обороны. Значит, кто-нибудь должен прийти и собрать урожай, не так ли?..”

Этот славянский хаос, растворяющий любой порядок, мгновенно структурируется и обретает непреодолимую твердость, как только заходит речь о роде и земле: «Рассказывают, что русские отступают лишь до могил своих предков, как до последнего предела. Дальше – небытие и то, что в нём». В богатой русской культуре есть разные пределы и константы бытия, но в рамках художественного мира сборника сила и память рода – одна из базовых ценностей, выстраивающих мир.

Память земли как непреодолимая сила природы показана в двух произведениях, посвященных Великой Отечественной войне, в рассказе «Индус» Татьяны Андрущенко и в повести «Аскольдова могила» Владислава Русанова.

Индус – это принятое в северной России сокращение «индивидуальный собственник», человек, не вступивший в колхоз, а ведущий хозяйство сам на своей земле. Татьяна Андрущенко написала рассказ о крестьянине, сохранившем в советское время связь с магическими силами леса и сумевшем повторить подвиг Сусанина, обратившись к дочеловеческим сущностям. В этом коротком рассказе война, магия и память объединились в лаконичную малофигурную композицию, где функции персонажей четко определены: немцы-захватчики, дед Андрей – защитник, способный вызвать к действию безразличные ко всему силы леса, и девочка Аня – свидетель, передающий новым временам память о чуде.

Самым идейно нагруженным произведением сборника является повесть «Аскольдова могила». Здесь полнее всего раскрыты все основные темы книги, причем создано художественное единство текста, где явно проговорены объединяющие идеи сборника. В центре повествования – магическое противостояние колдовских сил Третьего Рейха и России в Киеве в 1941 году. По сюжету в захваченном Киеве немцы практикуют ритуальные убийства в Бабьем Яру и готовятся провести на Аскольдовой могиле магический обряд, дающий возможность вампирам Рейха захватить власть во всем мире. Помешать им может только ослабленная и почти разбитая магическая община

Киева. В ходе рассказа она делает невозможное, разбудив древние силы земли и леса, стоящие над (или лежащие под) схваткой.

За этим универсальным голливудским сюжетом скрывается местная специфика русского пограничья. Магическое сообщество оккупированного Киева включает в себя волшебных существ, бывших людей, вступивших на путь магии в разные времена бурной русской истории: кто-то еще до Батыева нашествия, а кто-то при наступлении немцев на Киев в сентябре 1941-го. В команде представлены самые разные биографии: шляхтич, родившийся во времена Богдана Хмельницкого, пластун из казачьего отряда, воевавший с Наполеоном, конотопская ведьма, оборотень, рвавший петлюровцам глотки, чекист первого призыва, начинавший еще при Дзержинском. Всю эту разнообразную компанию по правилам магического мира должна объединять принадлежность к потустороннему миру, магическое братство, но в ходе повествования выясняется, что настоящее объединяющее начало – это любовь к своей земле и желание отстоять ее для людей, даже при том, что все персонажи формально к миру людей не принадлежат и даже какое-то время пытаются держаться над схваткой.

В повести «Аскольдова могила» показан русский город Киев, обороняющийся от вражеского нашествия сразу в двух мирах: его защищают и партизаны, бывшие колхозники и шахтеры, и волшебники, иномирные существа, бывшие военные. Магическое сообщество Киева представляет собой модель русского общества, состоящего из разных групп, возникших в разное время, но способных волшебным образом объединиться во время военной грозы.

Как видим, военная тема – центральная в истории русского порубежья. Для защиты земли в военное лихолетье западная граница русского мира использует все ресурсы в обоих мирах – и магическую силу, и историческую память. В особых случаях может быть задействована древняя магия, существующая вне человеческих понятий, и тогда результат получается устрашающий: вода и огонь мстят за преступления многовековой давности людям, не имеющим отношения к кровавым побоищам прошлого, или леший уничтожает врагов вместе с потревожившим его человеком. Не на уровне словесного отчета, а на уровне образов в сборнике показано, что магия – это сила скорее темная, чем светлая, часто сила опасная, губительная для души. Магическая сторона событий создает параллельную историю России – историю Тартарии, земли мрачной, жестокой и опасной, способной превратиться в мощь, стоящую вне морали, как силы, век за веком заливающие ее кровью.

Рассмотрев тему войны как нашествия, перейдем к второй группе из трех рассказов сборника, написанных не о войне.

Рассказ Вука Задунайского «Дело Вия» не касается темы войны в ее старом значении, однако он полностью посвящен гибридной войне наших дней. Это единственное в сборнике произведение сатирического жанра, пародирующее украинские события времен Майдана 2013 – 2014 года. Используя мотивы «Собаки Баскервилей» Конан Дойля

и «Вия» Гоголя, автор создает острый сатирический текст, насыщенный не только цитатами из классиков, но и отсылками к актуальным политическим перипетиям времен установления новой украинской власти в ходе так называемой Революции достоинства. В гротескной форме, в жанре злой сатиры автор показывает отношение европейцев к восточной окраине их мира, роль европейских ценностей и европейских деятелей в государственном перевороте 2014 года, а также мотивы и цели многих действующих лиц того периода. Интересна попытка трансформации стереотипа о злых русских, врагах демократии: в рассказе Вука Задунайского русские настолько сильны и вездесущи, что даже Шерлок Холмс, не убоявшийся духа зла на болотах Дартмура, не решается с ними связываться.

Всего два рассказа в сборнике посвящены иным темам помимо войны. Это «Испытательный срок» Натальи Резановой и «Тополя» Татьяны Андрущенко.

Действие рассказа «Испытательный срок» разворачивается в наши дни, в типографии, печатающей магическую литературу, куда главный герой устраивается корректором на испытательный срок. Военная тема в этом рассказе не затрагивается, но тема памяти раскрывается очень хорошо. Сотрудники типографии, как и другие персонажи книги, живут в течение нескольких веков, и могут использовать накопленный в иные времена опыт для решения насущных задач. Например, один из персонажей – ведьма, сожженная знаменитым новгородским епископом Геннадием, борцом против ереси жидовствующих в XV веке. Благодаря своим знаниям и силе она распознает опасность магического задания, поставленного перед группой, и помогает разрешить его с наименьшими потерями для человечества. Отметим, что упоминание епископа Геннадия – одна из немногих точек присутствия в книге христианства. При этом фиксируется антагонизм христианской религии с магическим миром, что соответствует истине, но создается, несколько односторонне, образ Церкви воинствующей, сходный с образом церкви католической. В целом же тема памяти позволяет автору показать, как магия Европы и России живет в современном мире в качестве подосновы разных процессов, от программирования до нефтяных войн.

Рассказ «Тополя», как показывает его название, представляет собой прозаическое переложение известной украинской народной песни о конфликте невестки и свекрови. Автор усиливает магический элемент сюжета и создает самозамкнутый фэнтезийный мир на материале короткой завершенной истории. «Тополя» – единственный рассказ сборника, где читатель не найдет битв, набегов и войн, однако сюжет его никак не назовешь мирным и добрым. Тревожная доминанта сборника выдержана и в этом рассказе, отлично раскрывающем тему украинской земли как территории языческой магии.

Итак, мы видим, что в сборнике «Паны, холопы и Другие. Тайна история Тартарии» современные писатели создают в жанре фэнтези магическую историю русского порубежья, западной границы русско-

го мира, куда входят современная Украина, Белоруссия, Польша, западная Россия. На этих территориях в течение столетий русская культура сталкивалась с польской, немецкой, татарской. Многие века эти земли были ареной кровопролитных битв, война была необходимым для выживания занятием местных жителей. В книге показано, как в этих условиях складывается параллельная магическая реальность этой земли, направленная на сохранения себя во времени и пространстве, сберегающая историческую память от Киевской Руси до наших дней, и отбивающая вражеские нападения в реальном, магическом и информационном мире.

Эта книга будет интересна поклонникам жанра, увлеченным темами войны, магии и пограничья миров. В то же время этот сборник не только для узких специалистов, любителей украинской и белорусской экзотики. Ведь в наше время бурного роста информатизации столкновение культур происходит повсюду, и магические войны пограничья могут стать моделью любого события в любой точке современного мира. Поэтому «Тайная история Тартарии» окажется для любого читателя началом литературного путешествия в удивительную вселенную, где сплетены магия и реальность, история и современность, сила и любовь.

ФЕСТИВАЛЬ

«СЛАВЯНСКАЯ ЛИРА» ПРОШЛА В ДЕВЯТЫЙ РАЗ

С 26 по 28 мая в белорусской столице в девятый раз прошёл Международный литературный фестиваль «Славянская лира», организованный Белорусским литературным союзом «Полоцкая ветвь» совместно с Представительством Московского центра международного сотрудничества (Домом Москвы в Минске) и Представительством Россотрудничество в Республике Беларусь (Русским Домом в Минске).

С этого года наш журнал, как официальный партнёр фестиваля, предлагает вниманию читателей работы некоторых лауреатов девятого сезона:

НАДЕЖДА АКУШКО

Автор сборников стихов «Я расскажу вам про любовь» и «Весь мир любя...», сборника прозы «Анютино счастье». Участница МЛФ «Славянская лира» с 2014 г. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». I место в номинации «Малая проза. Свободная тематика»

МЕСТЬ

1.

Шурик сидел на своём любимом дереве и смотрел на дорогу, которая уходила в лес. Это был старый раскидистый дуб, на котором он и «свил гнёздышко». Ему было интересно наблюдать, как дорога превращается в тропинку, а где-то там за соснами, пропадает совсем. Он это видел много раз, но каждый раз открывал для себя что-то новое. Когда очень долго смотреть в одну точку, то начинаешь видеть что-то сказочное. А может Шурик всё это рисовал в своём воображении....

Если повернуться в обратную сторону, то весь детдом, как на ладони. Большой одноэтажный деревянный дом. Двор, обгороженный низким забором. Хозяйственные постройки и спортивная площадка. Почти три года, как Шурика перевели сюда из дошкольного детдома. Осенью он пойдёт в третий класс. Ему здесь больше нравилось, чем в предыдущем. Вкуснее кормили и меньше наказывали. Да и не было за что его наказывать. Шурик был спокойным и более-менее послушным ребёнком. Но тех, кто нарушал дисциплину, наказывали жестоко. Закрывали в тёмную, холодную комнату на несколько часов. Шурик об этом знал из рассказов ребят и очень боялся страшной комнаты.

Мимо детдома пролегалa дорога, которая уходила в лес. По этой дороге два раза в день проезжал рейсовый автобус, последняя остановка его была у ворот детдома. Высадив пассажиров, он доезжал до леса, где и разворачивался.

По воскресеньям этот автобус привозил родственников детей. К Шурику никто никогда не приезжал. Он не знал своих родственников, может их вообще не было... По воскресеньям он мог сидеть на дереве сколько угодно времени, казалось, что про него все забыли.

Он видел, как дети со своими родными расходились по лесу, выбирали полянку поудобнее, раскладывали всякую вкусную еду и ели, ели...

В одно из воскресений Шурик, как всегда, занял свой наблюдательный пункт. И как каждое воскресенье, автобус привёз посетителей. Шурик прищурил глаза и вглядывался вдаль, туда, где небо касалось верхушек сосен. И где облака цеплялись за ветки деревьев. Эти облака умели превращаться в разных зверей, или в каких-либо сказочных героев. То вдруг кораблями плыли по небесному простору, как по морю. И Шурик был капитаном на самом большом корабле. Он вёл корабль по бескрайнему морю туда, где его ждали родные люди. Может даже мама, которую он никогда не видел и даже не произносил это слово. Только иногда в мечтах, когда один плыл на своём корабле.

- Шурик, Шурик, к тебе приехали! Скорее слезай с дерева, – бежал к нему и кричал всю ночь Петька Книга.

Шурик слез на землю и не спеша пошёл в детдом. К нему никто и никогда не приезжал. Как-то больно стало в груди и защипали глаза. Он протёр их кулачками и открыл дверь. В коридоре стояла воспитательница, рядом с ней взрослая девушка державшая за руку девочку, которая удивлённо смотрела на вошедшего Шурика. Девочка была старше и выше Шурика. Похожая на девочек-старшекласниц из детдома. Да и одежда на ней была похожая на детдомовскую.

- Ну, вот и ваш Александр, - сказала воспитательница.

Взрослая девушка подошла к Шурику, обняла его, прижала к себе и заплакала. Девочка тоже заплакала. Шурик не знал, как себя вести, в горле что-то сильно мешало, как будто он не успел проглотить что-то твёрдое.

- Сашенька, братик мой, как же долго мы тебя искали, - сквозь слёзы произнесла девушка. Мы твои сёстры. Меня звать Ксения, а это Соня. Возьмитесь за руки, познакомьтесь, - и она соединила руки детей.

Взяв Шурика за вторую руку, повела их на улицу. По тому же маршруту, что шли все посетители, они вошли в лес. Выбрали уютную полянку. Ксения извлекла из сумки покрывало и расстелила на траву. После этого стала выкладывать всякую вкуснятину, которую Шурик не то, что не пробовал, даже в глаза не видел. Чего здесь только не было. Крупные апельсины, разное печенье и конфеты. Ещё нарезанная тоненько копчёная колбаса, которая так дурманяще пахла, что у Шурика заурчало в животе. Ксюша быстро сделала бутерброды с колбасой и сыром, нарезала свежий огурец и помидор.

- Давайте, дети, сначала перекусим, потом поговорим обо всём. Все дружно принялись за еду. Ксюша достала по бутылке лимонада – это для Шурика вообще было пределом мечтаний. Она ела мало, больше наблюдала, как едят дети.

- Саша, Соня, не ешьте много, оставьте на потом. Могут разболеться животы. Мы же будем здесь до вечера, уедем последним автобусом. Давайте я вам расскажу про нашу семью. Ксюша достала из сумки альбом с фотографиями. Сели теснее друг к другу и она начала рассказывать.

- Вот это наша мама. Она показала детям поблекшую фотографию. Она погибла, когда Сашеньке было 2 месяца, а тебе, Сонечка, четвёртый годик. Вы не помните маму, а я хорошо помню. Мне было девять лет. После маминой смерти меня забрала тётя, мамина сестра, а Сашеньку определили в дом малютки. Тебя, Сонечка, в дошкольный детдом. Я недолго жила у тётки, она была больна и через год умерла. Её муж сдал меня в детдом.

- Сейчас я учусь в институте и несколько лет ищу вас. Слава Богу, нашла, теперь мы вместе. Я обещаю, как только окончу институт и получу направление на работу, сразу заберу вас к себе.

- Ксюша, расскажи про маму, как она погибла, - несмело произнесла Соня.

- Наша мама была очень красивая и добрая. Она любила нас всех, и тебя, Сонечка, и тебя, Сашенька. Но случилось несчастье и её не стало. Мы остались сиротами. Я не могу сейчас всё вам рассказать, потому что вы ещё маленькие. Но когда вам будет по 18 лет, я всё расскажу, что помню и знаю.

У Ксюши дрожали губы, и она сдерживала слёзы. Соня сидела, опустив голову, и теребила край платья. Ей тоже хотелось плакать, но она научилась сдерживать эмоции. Ей скоро будет 14 лет, а Сашке нет и десяти, но он не плачет, а задумчиво смотрит куда-то вдаль.

С этого дня жизнь Шурика изменилась. Он узнал, что не одинок. Что у него есть родные и близкие люди, его сёстры. А ещё он узнал о том, что у него была мама, которая его любила. Если раньше в его задумчивых глазах была только грусть, то сейчас в них загорались искорки. Глаза оставались задумчивыми, но это была другая задумчивость. Он, за время пребывания в этом детдоме, ни с кем не сблизился. Если только чуточку подружился с Петькой Книгой. У всех ребят из группы были родственники, которые их навещали. У Пети была одна тётя, которая жила где-то далеко и редко навещала его.

Все свои удачи и неудачи Шурик мысленно рассказывал дубу, и ему казалось, что дерево это чувствует. Дуб дотрагивался до щеки мальчика своим листом, или тонкой веткой как бы обнимал Шурика. Может в этом помогал ветер, но Шурик верил, что дуб понимает его и жалеет. Потому и хорошо ему было в «гнездышке», между дубовых ветвей. Слово мама он никогда не произносил. На это слово в его организме выработался запрет. Но после знакомства с сёстрами и увидев фото мамы, он стал в мыслях обращаться к ней, к своей родной маме, которая любила его и до двух месяцев носила на руках. Когда удавалось убежать со двора к дубу, он залазил в своё гнездышко, прислонялся к стволу, и начиналась сказка. Он закрывал глаза, представлял рядом с собой маму, и уже не ветви, а мамины руки гладили его по лицу, по волосам.... Бывало, что от нахлынувших чувств текли слёзы, но Шурик их не сдерживал. Об этом знал только он и старый дуб.

В середине августа воспитательница взяла за руку Шурика и сказала, что его вызывает директор.

- Я в чём-то провинился...? – удивлённо спросил Шурик.

- Нет, не пугайся, он хочет с тобой поговорить. И повела его в кабинет.

Директор сидел за большим столом, что-то писал. Когда дверь открылась, он поднял голову и пригласил их войти.

- Александр, тебе нравится жить в нашем детдоме, - спросил директор.

- Да, - несмело произнёс мальчик.

- Я знаю, что у тебя есть сёстры, и одна из них в детдоме. Так вот по просьбе старшей сестры мы переводим тебя в тот, где живёт младшая. Вместе вам будет легче, да и старшая сестра не будет ездить в два разных места, потому сможет чаще вас навещать. Так что иди и складывай вещи. Завтра тебя отвезут к сестре.

Шурик так обрадовался, что даже забыл поблагодарить директора. Воспитательница принесла вещмешок, куда он и сложил свои нехитрые пожитки. После этого побежал к своему дубу рассказать все новости и попрощаться. Он решил, что своё гнездышко передаст Петьке и попросит его подружиться с дубом.

2.

Время летит так стремительно быстро, совсем недавно Шурик приехал в этот детдом и пошёл в третий класс. А сегодня он выпускник. Экзамены позади, вот отгуляют выпускной вечер, и до свиданья этому дому. Соня учится в пединституте в одном городе с Ксюшей. И он поедет к ним, только никак не может решить, куда ему поступать. Здесь он научился рисовать, и это получалось у него очень хорошо. Чем бы он ни рисовал: акварелью, гуашью или просто карандашами, рисунки получались хорошими. В школе все стены были увешаны его натюрмортами и портретами. К нему приклеилась кличка – художник. В городе, где живут сёстры, есть художественное училище, может попробовать туда...? Но об этом он решил подумать позже, пока надо отметить в военкомате, неделю назад получена повестка.

Шурик не раз хотел спросить у Ксюши про отца, но какая-то неведомая сила сдерживала его. Совсем скоро ему 18 лет, и сестра расскажет ему про маму. Вот тогда и будет удобный момент узнать про отца. Он ехал в электричке и представлял, как он встретится с Ксюшей и Соней. Он нарисовал их портреты и вёз им в подарок. И мамин портрет, с ребёнком на руках, лежал в его рюкзаке. Ребёнок – это он, Шурик.

Девочки так радовались его приезду, то и дело обнимали и целовали его. И наперебой говорили, какой он красивый, стройный и совсем взрослый. Шурик чувствовал себя почти счастливым. Только тяготило то, что должна рассказать Ксюша. Соня, конечно уже всё знает. Ей давно исполнилось восемнадцать. На днях и он узнает, как погибла мама и есть ли отец.

Вот и настал момент истины. Они сидели на диване у Ксюши, тесно прижавшись друг к другу.

- Сашенька, история страшная. Сонечка всё знает, сейчас узнаешь и ты. Только прошу тебя, будь мужественным, поздно или рано, но узнать ты должен это.

- Наш отец сильно пил. И в тот день он пришёл совершенно невменяемым. Соня небольшая, ты совсем кроха, маме тяжело было, крутилась, как белка в колесе. Когда я зашла в дом после школы, ещё за дверью слышала крики отца и плач детей. Мама попросила

забрать у неё из рук Сашеньку и вместе с Сонечкой уйти в другую комнату. Что я и сделала. Мне было очень страшно. Я слышала, что в соседней комнате отец избивает маму, но что я могла сделать...? Положила тебя на кровать, попросила Соню, чтобы держала бутылочку с молоком, а сама решила выйти и позвать соседей. Как только я открыла дверь, отец подскочил ко мне, схватил в охапку и швырнул обратно в комнату. Я только успела увидеть маму, лежащую на полу. Она махнула рукой мне, чтобы я не выходила из комнаты. Я не знаю, как выдержало моё сердце и не разорвалось. С соседней комнаты раздавался крик отца и просьбы мамы, не трогать её. Я не помню, сколько это длилось, потом стало тихо. Мне показалось, что хлопнула входная дверь. Я подошла тихонько к двери, но ничего не было слышно. Приоткрыла немного дверь. Мама лежала в луже крови, не шевелясь. Отца не было. Я оставила вас и закрыла дверь, чтобы Соня не вышла. Выбежала за дверь, стала стучать соседям. Дальше всё было, как в тумане. Нас куда-то увели, я только знала из разговоров соседей, что мамы больше нет. Он нанёс ей несколько ножевых ранений и сбежал. Но милиция вскоре его задержала. Мы были у тёти несколько дней, потом нас всех увезли в детскую больницу. Из больницы тётя забрала только меня. Был суд, ему дали 15 лет строгого режима. Это всё, что я знаю. Мамы нет, а он уже на свободе и где-то живёт. В детстве я хотела одного, поскорее вырасти, найти его и зарезать ножом, как он маму. Но детство кончилось, и поняла, что мне надо найти вас, чтобы отдать вам ту любовь, которую не успела отдать мама.

Шурик понял, какая сила сдерживала его от вопроса об отце. Это называется подсознание, которое срабатывает не только у взрослых, но и у детей. Теперь он знал, что дальше будет делать. Он пойдёт в армию, отслужит положенный срок, потом найдёт его, хоть под землёй, и сделает то, что хотела сделать Ксюша. Мечь – это не женское дело. Он мужчина и должен рассчитаться с тем, кто сделал его и сестёр сиротами. Кто лишил их самого дорогого, материнской ласки и заботы. И кто отнял жизнь у его мамы. У этого человека, которого он никогда не назовёт отцом, нет права на жизнь. Он потянул его тогда, когда отнял жизнь у матери своих детей.

3.

Служба проходила легко и интересно. Благодаря умению рисовать и каллиграфическому подчерку, Шурик был назначен в штаб писарем. Основной задачей его было оформление Лен. уголков, стенгазет, написание плакатов для казарм и клуба. На втором году службы ещё прибавилась работа киномеханика. А в выходные дни, когда в клубе были танцы, крутить пластинки на проигрывателе. К концу службы имел 2 «сопли» на погонах – младший сержант. Мысль о мести хранил в подсознании, ждал окончания службы. Но, как говорят, на ловца и зверь бежит, однажды получил письмо, которого никак не ожидал. Письмо было от того человека, который не имел права жить. Но он жил, не близко от Шурика, в Магаданской области, но жил. Шурик вытащил письмо и сжёг не читая. Оставил только конверт с адресом. Его совершенно не интересовало, что написано в том письме. Решение принято, и ничто не помешает привести его в исполнение.

Сёстрам написал, что после службы поедет проведать детдомовского друга. Погостит у него несколько дней и приедет к ним. У Ксюши уже родилась дочь, так что забот хватает. Соня получила распределение в сельскую местность, уехала отрабатывать. Девочки доверяли брату и никто не подозревал, что он задумал.

Благодаря сёстрам, была небольшая сумма денег. В первую очередь Шурик сменил военную форму на гражданскую. Купил нож с длинным лезвием, упаковал в рюкзак с военной формой и пошёл искать адрес, написанный на конверте. Время было полуденное, поезд только вечером, билет в кармане. Так что шёл не спеша, обдумывал детали операции. Вот и дом, который ему нужен. Открыл калитку, постучал в дверь. Увидел в окне мелькнувшую женскую фигуру. Тут же открылась дверь. На пороге стояла молодая женщина со светлыми кудряшками.

- Проходите, пожалуйста, в дом. - Защебетала она, мило улыбаясь. Я, кажется, знаю, кто вы.

- Ну и кто? - Улыбнулся в ответ Шурик.

- Вы Александр, я не ошиблась? Отец вас искал, писал письма и не получал ответ. Может они не дошли к вам...?

Улыбавшись, Шурик повернулся и увидел маленького мальчика в ходунках. Он быстренько перебирал ножками и двигался прямо к нему. И улыбался так, как старому знакомому.

- А это ваш братик, Андрюшка. Ему девять месяцев. - И она подхватила ребёнка на руки.

- Меня звать Галина. Сейчас я быстренько накрою на стол и вы перекусите, потому что отец будет не скоро. Он работает до пяти вечера. А пока приедет, будет и шесть.

Она хотела поставить малыша в ходунки, но тот выгибал спинку и никак не хотел туда возвращаться. И вдруг протянул ручки к Шурику. Деваться некуда, пришлось взять на руки. Шурик впервые держал на руках маленького ребёнка. И этот ребёнок был его братом. Этот ребёнок был сыном того человека, который не имел права не только иметь детей, но и жить. Мальчик произносил какие-то звуки, ручонками трогал лицо Шурика. Он улыбался, глядя на это маленькое, незащищённое дитя. Сверлила мысль... - может сейчас отдать ребёнка матери и уйти? Но что-то сдерживало его от этого шага.

- Как же отец будет рад, что ты приехал, - щебетала Галина, накрывая на стол. Он всех вас разыскал, написал письма, но ответа почему-то не получил. Говорил, когда пойдёт в отпуск, в первую очередь поедет к вам. Как хорошо, Саша, что ты приехал. Вот и с Андрюшкой познакомился, с братиком своим.

- У Шурика в голове вертелась одна и та же мысль: - Знает ли Галя о его прошлом. На первый взгляд она выглядела счастливой женщиной, любящей своего мужа. Неужели такого можно любить....

Но вот накрыт стол, Галина взяла ребёнка, а Шурика пригласила к столу. Он был голоден и не отказался от еды. Тем более что стол был накрыт так, как будто его здесь ждали. Пока он обедал, Галина уложила ребёнка спать. Над столом висела фото, на котором сидел мужчина с ребёнком на руках, а рядом стояла Галина, обняв его за плечи. Милое семейное фото, на котором заснято счастливое семейство. Шурик впервые видел отца. Он долго рассматривал его лицо и

не мог понять, как такой человек мог совершить такое страшное убийство. Шурик представлял его себе каким-то монстром, со звериным лицом, а с фото на него смотрел обыкновенный человек.

Поблагодарив Галину за обед, Шурик сказал ей, что пойдёт навстречу отцу, и вместе с ним вернуться сюда. Галя рассказала, как доехать до завода.

Ждать пришлось недолго, с проходной завода шли мужики, громко разговаривая. В одном из них Шурик узнал отца. Шёл следом до остановки автобуса. Понемногу все разбегались. Вот и автобус с нужным номером, Шурик вошёл в заднюю дверь. На нужной остановке вышел только один, за ним следом – Шурик. Нож лежал в кармане. Шли через заброшенный парк, людей не было. Шурик взял в руку нож и подобрал момент, чтобы окликнуть. Он не будет нападать со спины. Он выскажет ему всё и ударит ножом в область сердца. Всё казалось так просто в его рассуждениях, но на деле было всё по-другому. Как только он собирался окликнуть мужчину, идущего впереди, перед глазами появлялся беззащитный мальчик, который тянул к нему ручки и мило улыбался. Вот и последние кусты парка, а там недалеко и дом, где Шурика приняли, как долгожданного гостя. В этот момент он понял, что не сможет сделать задуманное.

- Живи, хрен на тебя. – Проговорил со злостью Шурик и повернул обратно. До поезда ещё было пару часов, он не торопясь шёл по мосту. Остановился, достал из кармана нож и швырнул в реку.

Поезд выстукивал мелодию, под которую хотелось уснуть и ни о чём не думать. Проводница принесла постель, помогла расстелить на полку. Под стук колёс Шурику снились какие-то воздушные сны. Он бежал по цветущему лугу с Ксюшей и Соней, а навстречу им бежала мама, широко раскинув руки, как будто всех сразу хотела обнять.

ВЛАДИМИР ДЕМИДОВ

Родился в 1956 г. в г. Борисове в семье военнослужащего. В 1975 г. окончил Республиканскую школу по музыке и изобразительному искусству. Учился в Белорусском государственном театрально-художественном институте. В настоящее время занимается преподавательской деятельностью. Член РОО «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь», участник Борисовского районного литобъединения «Натхненне». III место в поэтической номинации «Психоделическая поэзия».

ГАМБИТ

Ольге Владимировне Раковской

**Однажды спросила Изольда: Садовник!
Убить меня, можно ль, хромой тарантул?
И спящую розу ей срезал Садовник,
Прекрасную розу, и свечи задул...**

**В деревне напротив, которая вроде,
Где вечно шпыняют, клепают и ржут,**

Один военспец по весенней погоде,
Зачал меня вроде, за цвайне минут.

Я с детства Изольде таскал на подворье
То кольцами угрей, то яйца дроздов.
Мне был за отца Птицелов в Семигорье,
За доброго брата Гнилой Рыболов.

За тысячи лет было в городе эху,
Где листья хрустели ещё с ЭССР
Где долго блуждал с гомерическим смехом,
Пришедший с далёкой войны Офицер.

Мы им восхищались, чумазые тени,
Взывал к отомщению наш капитан.
И вот походя, оббивая колени,
Сдирая ладони, явился Тристан...

Он помнил, как мать вышивала ночами
На барских рубахах цветы при луне.
И столько в них было девичей печали!
Но маму его презирали оне.

И вырос Тристан. Среди храмов и хамов.
Дырявя пронзительной флейтой весну.
Да сколько их было, в то время тристанов...
Сочти за ответ на холмах тишину.

И замковы залы запомнились тленьем,
Змеиным шипением вянущих роз.
Изольда спала мёртвым сном без сомненья,
Коль замок опутали кольца волос.

Роптала община , и вот в чём причина:
За стрёкотом цирка, нахлынул канкан.
И сочные губы Мадам Коломбины,
Как помпа всосали мораль горожан...

Теперь же Садовник рядился под джентри,
Картинно картёжничал в блеске колец.
И если пускались поблизости ветры,
Отнюдь не краснел, как в трактире кузнец.

Кто знает, где зло прорастёт послезавтра,
Тот много ночами мечтает всего.
Сквозь морок и терн продирается автор
С Тристаном по мышкой: Узрите его!

Он снова расставит фигуры на доске,
В надежде кому – нибудь руку пожать.

Изольда на ощупь... окажется плоской.
Тристану же станет на всё наплевать.

Тристану же станет, конечно с годами,
На бедных созданий своих наплевать.
Он больше не встретит Изольду цветами
А может и к лучшему... к слову сказать.

ОСКОЛКИ

Чьё сердце бьётся в чаше,
Пока летит стрела?
Прошепчешь имя чьё
Ты на прощанье?
Под камень говорящий
Когда вода ушла?
И как же тяготит
Его молчанье...

А вы откуда дети,
На вас любви шелка!
Не в звёздной ли пыли
На вас футболки?
К камушкам берегам уходят
Влюблённые, пока
Освещены луною
Треуголки?..

Я поднимаю руки,
Их подношу к глазам,
Сжимаю пальцы,
И не знаю толком:
Что я не так сказал?
Чем вас с собой связал?
Зачем вас потащил,
Кровавая по осколкам!

ЛЕТО

Остывает лето после зноя.
Облака, ведомые водою,
Не плывут, а тают, – никогда
Глубины не выдает вода.
Отгудели камни у дороги,
Все прошли: герои, звери, боги:
Не кричи меня. Я рядом, друг.
Всё что наблюдаешь ты вокруг, –
Я и есть. Вглядишься поглубже в день:
Видишь эту... сброшенную тень?

ЛЮДМИЛА ЗУБАРЕВА

Уроженка Иркутска, ныне проживает в Минске Автор книг прозы «Москва. Стромынка, 32», «Принесённые бризом» (издательство «Литературный свет», 2020 год). Редактор российского литературного портала «Изда-Читальня». III место в номинации «Малая проза. Свободная тематика»

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Ноябрьский вечер был холодным и сырым, но Лена не ощущала дождя. Только что увиденное напрочь выбило её из житейской колеи, и теперь девушка шла пешком уже второй квартал, вместо того, чтобы подъехать к метро на автобусе.

Две недели назад Славик наконец-то дал ей ключи от своей квартиры. Они встречались уже полгода, почти все выходные Лена проводила у него, и эти ключи, хоть Славик и не сказал ничего внятного, означали переход их отношений на новый уровень.

Зачем она решила забежать сегодня к нему, сделав сюрприз? Зачем открыла его дверь своими ключами? Сколько раз в кино она видела последствия неожиданных появлений.

Было только восемь вечера, но Лена обнаружила расстеленный диван. Впрочем, Славика в комнате не было. Возможно, даже если бы она застучала его «с другой» в постели, она не была бы сейчас в таком шоке.

Парочка развлекалась на кухне. Причем «другая» – красивая и стройная – сидела абсолютно голая на индукционной электроплите, а голый Славик улаживал ее ритмичными движениями.

– Хватит, – весело сказала гостья, – а теперь пошли в ванную на стиральную машину.

– Не халтурь, – смеясь, ответил хозяин, – сосредоточься. Такое впечатление, что ты просто по-кошачьи метишь территорию.

– Может так и есть, – задорно хохотнула партнёрша.

И тут они увидели стоящую в проёме двери Лену.

– Присоединяйся! – нагло предложила девица.

Но самое ужасное, что Славик не смутился, а только криво поморщился. Ему хватило пары секунд, чтобы просчитать все последствия. И он сказал нечто совершенно немыслимое:

– Оставь ключи в прихожей, я тебе потом позвоню.

И вот теперь Лена шла по тёмной мокрой улице, и единственная мысль, которая появилась в ее оцепенелом мозгу, была: это невыносимо, с такой жизнью надо покончить, причем быстро и решительно.

Сначала она хотела кинуться под первую попавшуюся машину, но остатки здравого смысла подсказали, что она может выжить калекой. Потом, уже в метро, была мысль кинуться под поезд. Но она представила себя разрезанной на части, и эта неэстетичная картина ее ужаснула.

Лучше всего, конечно, было бы отравиться таблетками. И уснуть вечным сном – красивой и бледной. Но дома не было никаких усыпляющих таблеток, а в аптеке её сразу бы заподозрили.

Дома Лена еще походила из угла в угол, прикидывая варианты душегубства. Прыгать из окна второго этажа было неразумно. Перерезать вены в наполненной водой ванной – долго и страшно. Сделать петлю – это совершенный кошмар. Но Лена понимала, что жизнь теперь уже совсем не для неё. Нужно было придумать верный и безболезненный способ.

Она взяла ноутбук и запросила в поисковике совета. Ей сразу же была выдана куча ссылок. А вот тут-то она струсила, не рискуя открыть хотя бы одну из них. На неё вдруг навалилась безмерная усталость.

«Я сейчас вздремну пару минут и посмотрю их ...потом», – заворачиваясь в плед и засыпая, подумала девушка.

Ей приснился страшный сон. Что она выполнила свое намерение. И теперь она – не она, а бестелесный дух, точнее – появляющаяся откуда-то бестелесная мысль. Но кругом – не родной город, даже не что-то райское или адское. Вокруг – космос, пустота, только где-то невероятно далеко вдали мерцают звёзды. Где Земля? Солнце? Ничего!

Очнувшись от жуткого сна, девушка ужаснулась открывшимся глубинам. Ее била мелкая дрожь, и, потянувшись за стаканом воды, она неловко задела ноутбук, лежавший рядом. За это время он «уснул», но от её прикосновения «проснулся». На экране уже не висел список предлагаемых вариантов. На нем был «рабочий стол», посреди которого было открыто «окно» с вопросом: «Разве так можно, глупенькая?»

Космическое наваждение уже убедило девушку, что «туда» она совсем не хочет. И, не особо соображая, кому же она отвечает, Лена набрала текст: «Я не хочу в молчаливый космос. Но и так жить у меня нет сил...»

Довольно быстро в окне появился ответ: «Леночка, присоединиться к молчаливому большинству всегда успеешь! А сейчас – надо просто пережить». Только тут Лена озадачилась: с кем она переписывается? И зовёт он её по имени.

– Вы кто? Откуда знаете моё имя?

– Считай, что я твой друг. Зови меня Мих Мих. А имя твоё и немного о тебе я узнал, побродив по твоим закладкам в соцсетях. Пока ты спала.

– И как же мне жить?

– Ну, это тебе решать. Хочешь – отомсти. Ведь явно дело касается парня. А хочешь – забудь его и живи счастливо. Но главное – не лишай себя будущего.

– Но что именно мне делать?!!

– Ты готова его простить?

– Никогда!!!

– Тогда – забудь о нём!

– Не могу!

– Ну – отомсти. Сможешь сделать ему какую-нибудь пакость?

– Нет-нет, я слышать о нём не хочу!

– Ну и отлично. Осталось только – немного пострадать, как делают все нормальные люди. А потом, «переболев» бедой, успокоиться и начать новую жизнь.

– Такого другого нет!

– Такого – нет. Но есть намного лучше. Мужчин на планете вообще несколько миллиардов. А в твоём городе подходящих парней где-то около сотни. Выбор есть!

– Я не могу, не могу его забыть!

– А ты пострадай, сколько считаешь нужным. Страдание – это богатейшая эмоция! А потом – как только вспомнишь его ненароком – сама себе скажи: «Мало ли в Бразилии Педров? И не сосчитаешь!»

– Педров – это кто?

– Ты что, не смотрела «Здравствуйте, я ваша тетя»?

– Кажется, видела.

– Ну, так припоминай. Там лже-донна Роза Д’Альвадорез, когда «её» уличили в незнании жизни собственного мужа – дона Педро, ответила, что этих Педров в Бразилии много. И не сосчитаешь. Вот и ты живи дальше с мыслью, что вариантов у тебя в жизни будет еще куча!

Лена вдруг подумала, что совсем не знает своего собеседника и решила уточнить:

– А вам сколько лет?

– Отличный вопрос! По крайней мере, он означает, что ты снова стала интересоваться окружающим миром. И – может быть – кокетничать? Впрочем, тут я тебя разочарую: мне было восемьдесят лет.

– Было? Когда? А сейчас?

– Сейчас, пожалуй, тоже восемьдесят. Это был возраст, когда я умер.

Лена несколько оторопела от такого поворота разговора. Но любопытство возобладало над страхом.

– Так вы – призрак?!!

– Я бы так не сказал. Призрак в вашем понимании – расплывчатое зрительное явление. Я сейчас скорее нечто сродни электромагнитной волне.

У девушки сразу же возникла масса вопросов:

– А ваше тело? А как вы там оказались? А как вы набираете текст, если вы без пальцев?

– Тело моё кремировано, и пепел рассеян наследниками согласно моему завещанию. Набирать текст – это проще простого, ведь всякая электронная техника работает на принципе: есть сигнал (1), нет сигнала (0). Для меня как волны это не проблема. Что касается того, как я сюда попал... Я жил долго, уже устал ценить окружающих и радоваться жизни. Но я очень любил новости: читал газеты, изучал интернет-издания. Мне очень хотелось узнать – что же будет с нашей планетой и её жителями дальше. И я так страстно хотел после смерти знать, что там происходит в мире, что душа моя попала в интернет, и теперь это мой дом.

– И каждый может вот так «туда» попасть, если очень захочет? «Потом», конечно?

– Возможно и не каждый. Ты крещённая?

– Да.

– Тогда у тебя будет своя компания. Как и у других религий. Тут у нас только атеисты и агностики.

Лена с полминуты «переваривала» неожиданную информацию. Она терялась: что же спросить у Мих Миха прежде всего?

– А у вас там как – лучше или хуже, чем у нас? – наконец набрала она вопрос.

Собеседник впервые не сразу ответил.

– У нас – совсем по-другому. Нет тел, нет чувств, нет эмоций. Береги свой мир и живи в нём подольше.

Лена, как девушка разумная и рациональная, сразу же заметила:

– Но ведь вы испытали эмоцию – чувство жалости, когда обратились ко мне? Значит, какие-то чувства у вас есть? Вы там грустите по прошлой жизни?

– Возможно, какая-то эмоциональная память у меня осталась, я ведь ещё относительно «свежая» волна. Но понемногу память будет затухать, и я сольюсь импульсами с биосферой планеты.

– Ой, мне столько хочется у вас еще узнать!

– Нет, мне пора, а то мы тут засидимся с тобой до третьих петухов.

– А это до которого часа? Вам надо после этого исчезать?

– До третьих петухов – это означает до четырех утра. Дело не в том, что мне надо исчезать, а в том, что тебе надо хоть немного поспать перед работой.

– Мих Мих, но вы ведь придёте ко мне завтра?

– Нет, ни к чему тебе общаться с такими как я. Ты должна жить реальной жизнью. Жить! Помни – ты мне обещала.

– Тогда напишите мне что-нибудь на прощание. Я сделаю скриншот.

– Боюсь, что не получится. Завтра при перезагрузке ноутбука антивирусная программа почистит все упоминания обо мне, включая файл со скриншотом.

– Значит такие как вы и есть те самые хакеры?

– Нет, хакеры – это люди, но они научились использовать наши волны, так что мы кое в чем тоже участвуем.

– Напишите мне пожелание, чтобы я завтра знала, что всё это БЫЛО. А я сфотографирую его на смартфон.

Утром Лена проснулась со свежей головой и в хорошем настроении. После чашки бодрящего кофе она всё-таки включила ноутбук. Система сразу же начала проверять и «лечить» файлы на всех дисках. Похоже, Мих Мих был прав. А вот смартфон её не подвёл и высветил его напутствие: «Жизнь прекрасна, Алёнка!»

Оказалось, что ночью неожиданно выпал снег. Лена шла по тропинке мимо парня, выгуливающего овчарку: хозяин бросал в собаку снежками, а та в прыжке ловила снег зубами. Лена рассмеялась, парень обернулся, девушка призывно взглянула ему в лицо, тот сначала удивлённо, потом заинтересовано ответил ей глазами.

Лена удовлетворённо фыркнула и побежала дальше по дорожке. Память о Славике отдавала тупой болью вырванного зуба.

«А действительно, мало ли в Бразилии Педров? И не считаешь!»

ИГОРЬ ИСАЕВ

Проживает в Москве. Член Правления Международного Союза писателей имени св.св. Кирилла и Мефодия — МСП (КМ), Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов и фестивалей, автор двух сборников стихов. II место в номинации «Малая проза. Свободная тематика», II место в номинации «Поэзия. Свободная тематика» и I место в номинации «Художественный

перевод».

МЕЖА

Скажи мне, где межа меж радостью и болью?!
Где темноте свеча проигрывает спор.
Где пальцы палача затравленно, с любовью,
от ужаса дрожа, ложатся на топор.

Где стылая постель осеннего погоста –
утраченная пядь земли, золы, родства;
где нечего терять, где все мы только гости,
отведавшие хмель земного волшебства.

Нам есть кого беречь, пред кем зажечь лампаду,
и без кого – судьба! – померкнет всё окрест.
Есть Тот, к кому мольба, и тот, кому награда,
кому – прямая речь, кому – по мерке крест...

Повторенный стократ удел, что нам ниспослан...
Истоки доминант затеряны в веках...
Там все, кто до меня, и те, кто будут после –
репродуктивный ряд молекул ДНК.

Там, в поисках черты меж будущим и прошлым,
порой идут на вы и падают на снег.
Там жизнь моя, увы – запоренная лошадь,
кругами суеты нехитрый правит бег.

Туманное давно там явственно и зримо,
глухой язык молвы, немой размытый фильм...
Там шествуют волхвы, и там паденье Рима
предопределено падением Афин.

Там серые дожди дотошны и упорны
в стремлении дойти до сути, до конца,

там все мои пути до тошноты повторны,
и неисповедим любой маршрут Творца.

И пусть неуловим пронзающий пространство
след световых погонь – холодный Млечный путь,

но разожгут огонь, шепнут чуть слышно: «здравствуй»,
и к родникам любви захочется прильнуть.

Ты двери отвори – в лачугу или в терем,
и тёплый дух жилья тебя заморозит.
Вот здесь – межа моя. Находки и потери.
Мои календари. Моя – до боли – жизнь.

КИЕВСКАЯ НОЧЬ

Витрин погашен пёстрый ребус.
Сутулясь, меркнут фонари.
Усталый тащится троллейбус,
уже последний – до зари.
В безмолвном ожиданьи утра
к глазницам окон мрак приник...
А я иду по переулку,
подняв от ветра воротник.

Мне ночь – товарищ, закадычный
мой друг, мой брат, моя печаль.
Озноб предутренний – привычка,
а мокрый тротуар – причал.
А мне навстречу – шелест долгий,
слова досужливых дождей,
и эхо в каменных ладонях
насквозь продрогших площадей.

Рассеянно и невесомо,
впопад шагам, за мной вослед –
то скрип дверей, то лязг засовов,
то шёпот-крик, то шорох-бред...
Скороговоркой длинной, гулкой –
не разберёшь наверняка –
сырой сквозняк из переулка
доносит шум товарняка.

На скорости почти предельной,
мча вне разметки, по оси,
прошелестит, как привидение,

в рассвет спешащее такси,
и два краснеющих окурка
умчатся вдаль, исчезнут прочь...
И снова молнию на куртке
рванёт застигнутая ночь...

И снова – чернота до горла
да редких ламп густая тень...
Лишь беспокойно спящий город
ворочается в темноте,

лишь светофорная нелепость
желтеет в зеркалах витрин...
Последний тащится троллейбус.
Сутулясь, гаснут фонари...

ПАМЯТИ ДРУГА

Мы спорили, тому немало лет,
о подлинной поэзии, о фальши.
Он говорил, что не читает дальше
двух первых строф, когда полёта нет...

Редкоют на земле моей числом
товарищи, друзья и одноклассники,
соратники, соперники по гонке –
мы вверх рвались, мы лезли напролом.

Из нитей дружб, любовей и причуд
плели судеб затейливые сети –
в них перемен запутывался ветер,
и времена их колыхали чуть...

Но – до поры. Железный этот век
ломает всё, что звонко и упруго.
Неумолимо вычеркнут из круга
ровесников знакомый человек.

Один. Другой. Мне пальцев на руке
уже не хватит подсчитать потери.
Мы с ним давно увидеться хотели.
Но он ушёл... куда-то... налегке...

Поставлю поминальную свечу.
Наполню рюмку и расправлю плечи.
«Ах, время, время, ты меня не лечишь,
сам за тобою к краешку лечу».

Сглотну комок. Остыну, помолчу.
Никто не знает, сколько нам осталось.
И это – мудрость. И пока не старость.
И можно жить. И нужно. И хочу!

Хочу забыть давнишние грехи,
покой сердечный новыми нарушу.
И можно не дочитывать стихи
за восемь строк не тронувшие душу.

ИРИНА САВЧЕНКО

Родилась в Браславе. Окончила Минский педагогический университет и Академию последипломного образования. Живёт и работает в Минске. Поэзией увлекается с юных лет. Место в номинациях: «Поэзия. Свободная тематика» и «Психоделическая поэзия».

ВЕЧЕР ЖИЗНИ

Ничего я не пил, кроме кофе и грусти.
Ветер выл и, как гончая, рыскал у ног.
Тихо таяли в снах потаённые суты
И печальная нежность несыгранных нот.

Вечер кутался в сумерек колкие шарфы,
В обречённость имён позабытых и лиц,
Трогал прутья забора, как струны у арфы,
Перелистывал тайны небесных страниц.

Задним светом машины багряно мерпали,
Как угли, тщетно сясь согреть темноту,
Убегая вперёд по изгибам спирали,
Поворотам судьбы подводили черту.

Жизнь – крутая дорога, ведущая в вечность,
Дни и ночи вокруг поседевшей луны.
Нам, познавшим свободы лихую беспечность,
Горько знать, что следы канут в пене волны.

Что осталось у нас в этот призрачный вечер?
Только счастья обломки на чаше весов,

Груз промчавшихся лет и усталые плечи...
Всё сметая с земли, мчатся стрелки часов.

Ничего я не пил, кроме кофе и грусти,
В этот вечер холодный попов, словно в плен.
Ветер в ключья рвал грёзы и врал, что отпустит,
Жизнь мою день за днём забирая взамен.

НА ОСЕННЕЙ ПАУТИНКЕ...

Я поймать пыталась лето
В сеть осенней паутинки,
Но неслось оно по свету
Неприкаянной былинкой.

Усмехалось и вздыхало
Озорное мирозданье
И пророчило устало
Наше с летом расставанье.

И каштанами бросался
Беспокойный шумный город.
Озираясь, забирался
Холодок ко мне за ворот.

И выплясывал на коже
Зайчик солнечный румянцем.
И смеялся день погожий
Над забытым школьным ранцем.

Кувыркались неуклюже
Детства яркие мгновенья.
И купались в тёплой луже
Расписные отраженья.

А осенний лист вращался
И кружил над нами низко,
И шуршал, и спотыкался –
Рыжий призрак ретро-диска.

Обнимал тайком, балуясь,
Ветер стан осинки кроткой.
Бабье лето шло, красуясь,
Величавою походкой.

И вышагивали ножки,
Демонстрируя обновки.

И на лаковом сапожке
Грелись божи коровки.

А росинки на травинках –
Дробь летучего стаккато –
Догорали с паутиной
В искрах тлевшего заката.

Полыхало охрой в вальсе
Платье тающего лета.
Умоляла я: «Останься!»,
Но не слышала ответа.

Лето ласково глядело
Изумрудною грустинкой.
Жизнь моя за ним летела
Вслед – осенней паутиной.

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ГОНЧИХ ПСОВ

Колдует весна на крыше
С магнитами полюсов.
В макушку планеты дышит
Созвездие Гончих Псов.

Пulsирует Сердце Карла,
Маня в неземную высь.
Туманная фата-моргана
Нашёптывает: «Держись!»

И в жизненном кратком часе
Под вихрями лунных лет
На трудной вселенской трассе
Оставляю незримый след

И в знаках небесной бездны
Суровый вердикт прочту,
Но в тысячный раз воскресну,
Пикируя на мечту,

Где в длинном хвосте кометы
Дрейфует роскошный день,
И прячутся сны в рассветы,
Поскольку сбываться лень.

И я потеряюсь где-то
Над россыпью белых звёзд

В обнимку с грядущим летом,
Шагающим в полный рост.

И я поцелую счастье
В щекастый овал лица.
Господь, помоги – не стать мне
Началом его конца!

АННА ТИТОВА

Родилась в г. Малмыже Кировской области. Проживает в С-Петербурге. Стихи и песни сочиняет с детства. По образованию филолог, по призванию и роду деятельности – учитель русского языка и литературы. Автор нескольких поэтических сборников. II место в номинации «Психоделическая поэзия»

ПОПЫТКА ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЙ

КРОТ

В душевном лабиринте темнота:
Где вымысел, где правда – неизвестно.
И я сейчас похожа на крота,
А хочется найти под солнцем место!

Среди корней и шелестящих трав
Трудолюбивой лапой разгребая,
Крот понимает, что, конечно, прав,
Но жизнь другая и земля тугая.

По катакомбам прошлого кружа,
Зверёк кромсает памяти газоны:
Тот край, где перекопана душа,
Усвоившая навыв обороны...

И сердцем постигая красоту,
Не становись свидетелем безвольным!..
Но – созерцая мира тесноту –
Непросто зрячим быть и сердобольным.

ВОЛЧИЦА

Волчица я. Не вижу зазеркалье
Лесных озёр, ручьи далёких скал,
Быть может, оттого что жизнь шакалья
И в битве изуродован оскал.

Порой клыки теряю, но не хватку,
Не жалко мне разодранных боков,
Страшат меня звериные повадки
Людей и жадность молодых волков.

Вгрызаясь в жизнь и помня запах крови,
И я могла бы ужин уступить,
Но слышу вой, больной, звериный, вдовий,
И также волком хочется завывать.

ПТИЦА

А я для тебя лишь птица.
Но крыльев широк ли взмах?
Как ветер, перо стучится
В твой дом на семи ветрах.

Всё в доме том без утайки
И творческий непокой.
На кухне здесь нет хозяйки:
Бисквитной любви земной.

Стихи здесь живут и ноты,
А кофе, как воду, пьёшь,
И вместо еды – остроты,
И ты – легендарный вождь.

Я, крылья сложив смиренно,
Всё слушаю голос твой.
Не мне быть твоей Сиреной,
И ты мне не скажешь: «Спой!»

Искрясь и теряя силы,
В камине сгорает страх...
Позволь прилетать мне, милый,
В твой дом на семи ветрах.

ВИТАЛИЙ ШЛАВОВИЧ

Член РОО «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Проживает в Браславе. Автор двух сборников стихотворений. Организатор ежегодного межрегионального литературного конкурса «Браславская обитель». Руководитель Лито «Буква Ъ». III место в номинации «Поэзия. Свободная тематика».

НА РАСКИСПЕЙ ТРОПЕ

Сугробы обмякли. С утра плюсовая
Погода распутием крошит тротуар.
Ручьи неуклюже друг друга толкая,
Спят в неизвестность, как пьяницы в бар.

Разрывы звенящей шрапнели-капели
Вспороли сырую шинель февраля.
Поникшие ветви берёз побледнели,
Плакучесть души над землею стеля.

Смеркается... Пасмурно... Солнце незримо
Сползает за взгорка костлявый хребет...
Рождается март и тропой пилигрима
Бредёт, спотыкаясь в раскиспий рассвет.

НА БЕЛОЙ ПРОСТЫНЕ

Лежу в палате номер шесть,
Как все – с «короной».
А за окном синиц – не счесть –
Щекочут клёны,

Роня крошево с ветвей
В больничный дворик.
Скребёт лопатой без затей
По снегу дворник.

Запорошила у двери
Зима-старуха,
Пыльцу серебряной зари
Дрожащим пухом.

Легит небесность в белизне
На гладь скамеек...
И лишь на белой простыне
В душе чернеет.

НА ОБМАНУТОЙ ЗЕМЛЕ

Шум апрельского спектакля.
Пашня чёрствая размякла.
Закружилась жизнь в страде.
Для кого-то вновь батрак я
В миллионной борозде...

Позади забота плуга.
Сенокос. Раздолье луга.
Жизнь кипит в медовом дне.
Я по-прежнему прислуга,
Только в солнечном огне...

Слякоть. Поле. Ранний вечер.
Осень сыростью не лечит.
Жизнь расплакалась навзрыд.
И крестом легла на плечи
Боль неправедных обид...

Воеет вьюга. Снега хлопья.
Целят в стужу елей копыя.
Потерялась жизнь во мгле.
Для больной судьбы холоп я
На обманутой земле...

КИПАРИСОВЫЙ ЛАРЕЦ

Стихия памяти

АРКАДИЙ КОЦ (1872-1943)

Аркадий (Аарон) Яковлевич Коц – (3 (15) октября 1872, Одесса – 13 мая 1943, Свердловск) – советский поэт и переводчик. По образованию и специальности – горный инженер. Находясь в 1897-1902 гг. в Париже, близко сошёлся с русскими революционерами-эмигрантами. В период первой революции, вернувшись на родину, вёл пропагандистскую работу на юге России. В 1907 году издательством «Наш голос» был выпущен сборник стихотворений Коца «Песни пролетариев» за подписью «Д-н»; книга – один из первых в России сборников пролетарской поэзии – была конфискована и уничтожена. Вторая авторская книга была подписана в печать в июне 1941 года, но началась ВОВ, и набор был рассыпан. Единственная авторская книга увидела свет в 1957 год, через полтора десятка лет после смерти.

ПЕСНЬ ПРОЛЕТАРИЕВ

(на мотив «Марсельезы»)

**Мы «Марсельезы» гимн старинный
На новый лад теперь споем,
И пусть трепещут властелины
Перед проснувшимся врагом!
Пусть песни мощной и свободной
Их поразит, как грозный бич,
Могучий зов, победный клич,
Великий клич международный:
Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!**

**Веками длится бой упорный...
Не раз мятежною рукой
Народ платил за гнёт позорный
И разрушал за строем строй...
Но никогда призыв свободный
Такою мощью не дышал,
Такой угрозой не звучал,
Как этот клич международный:
Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!**

На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!

Силен наш враг - буржуазия!
Но вслед за ней на страшный суд,
Как неизбежная стихия,
Ее могильщики идут.
Она сама рукой беспечной
Кует тот меч, которым мы,
Низвергнув власть позорной тьмы,
Проложим путь к свободе вечной...
Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!

Не устрашит нас бой суровый...
Нарушив ваш кровавый пир,
Мы потеряем лишь оковы,
Но завоюем целый мир!
Дрожите ж, жалкие тираны!
Уже подхвачен этот зов:
Под красным знаменем борцов
Уж поднимаются все страны!..
Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!

В стране, подавленной бесправьем, -
Вам слышно ль? - близок ураган:
То в смертный бой с самодержавьем
Вступает русский великан.
Перед зарею пробужденья
Уже бледнеет ваша тень...
Вперед, на бой! Пред нами день -
Великий день освобожденья...
Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!

МАЙСКАЯ ПЕСНЬ

Первое мая - праздник весны,
Мощный прибой пролетарской волны...
Празднуйте Первое мая!
Гимн вдохновенный могучим борцам,
Клич дерзновенный усталым сердцам.
Празднуйте Первое мая!
Все, кто готов в беспощадном бою
Грудью стоять за свободу свою.
Празднуйте Первое мая!
Словно по взмаху рабочей руки,
Смолкнут машины, котлы и станки...
Празднуйте Первое мая!
Дрогнут все темные силы кругом
Перед своим ненавистным врагом...
Празднуйте Первое мая!
Первое мая - праздник весны,
Мощный прибой пролетарской волны.
Празднуйте Первое, мая!
Дерзостный вызов рабочих полков
Миру насилия, цепей и штыков...
Празднуйте Первое мая!

ГИМН СВОБОДЕ

Мы в одну дерзновенную думу сольем
Затаенные думы свои,
И свободе великой мы песню споем,
Вдохновенную песню любви...
И вольна и звучна,
Разольется она
Над простором полей и лесов,
И могуч и широк,
Как весенний поток,
Будет хор молодых голосов...

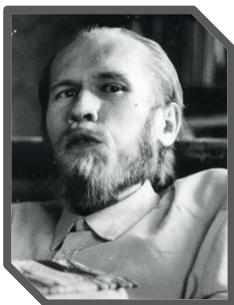
Мы у ветра подслушали этот напев,
У свободного ветра степей,
И звучат в нем отвага, и пламенный гнев,
И удары разбитых цепей...
И несется призыв,
Словно ветра порыв,
Подымая упавших борцов
И отвагой бойца
Зажигая сердца
У немых и покорных рабов...

О, как жадно прильнем мы к горячим устам
 Долгожданной свободы своей!
 И прорваться дадим накипевшим слезам,
 Позабыв наши муки по ней!..
 И, свободно дыша,
 Встрепетётся душа,
 Обагрённая в свежей крови,
 И безумно велик
 Будет радостный крик
 Нашей первой победной любви!..

О, лишь только б окрепнуть свободной груди,
 Лишь бы вольною грудью вздохнуть!
 Мы расправим орлиные крылья свои,
 Чтоб последние цепи стяхнуть...
 И на клич боевой
 В этот день роковой
 Мы пойдём, как на праздничный пир,
 И оковы труда
 Разобьём навсегда -
 И в тот день завоюем весь мир!

86. ВСТАВАЙ, ПРОКЛЯТЪЕМ ЗАКЛЕЙМЕННЫЙ
 Торжественно (Интернационал)

Вставай, проклятьем заклейменный, весь
 мир голодных и рабов! Кипит наш разум возму-
 щенный и в смертный бой великого героя. Весь
 мир насилием мы разродем до освобождения,
 а затем мы наш, мы наш мир построим.
 Кто был нищим, тот стал, нет всем! Это
 есть наш последний и решительный
 бой, с Интернационалом, пролетарии всех
 стран, соединитесь! Это есть наш последний
 и решительный бой, с Интернационалом, про-
 летарии всех стран, соединитесь!

НИКОЛАЙ МИХЕЕВ (1959-2002)

Михеев Николай Иванович (13.01.1959, с. Масканур Новоторъяльского района Марийской АССР – 14.06.2002, п. Алексеевский Советского района Марий Эл). Инвалид с детства. Среднюю школу окончил на дому. Член Союза писателей России. Автор двух поэтических сборников. Руководитель литобъединения «Поиск», в котором сформировался костяк сегодняшних русских поэтов и писателей Марий Эл.

***

Игорю Петрову

Где веют ветры полевые,
Где к небу тянется трава,
Россией вскормлены живые
Простые тихие слова.
Не забывай в Москве Россию –
Не шум побед и мятежи –
Устой многовековые –
Христу молившейся в тиши.
Её отверг насмешник-город
И принял только как музей.
И весь ушёл в расчёт и морок,
И весь — театр и Колизей.
Но умирив страстей стихию,
Прозреет с Богом и слепой.
Не оставляй душой Россию,
И будет свет Её с тобой.

***

Послушай: поэзией греются люди.
Она не для лета.
Она для холодных времён.

Летит по снегам золотая карета
Меж чёрных деревьев и горластых ворон,
Над руганью грязной и чёрной работой,
Над бытом – тираном и богом гнезда;
Когда ты в заботах, подавлен, замотан –
Поднимет, утешит, согреет Звезда.
Нет, то не обман, а святая Надежда.
Что солнце твоё расцветёт над тобой,

Как это случалось со многими прежде,
Взвѣётся над миром сердечный прибой.
Поэты – светлейшей хранители веры,
Издrevле крылатой и всё же земной –
Не рвитесь в сплящие звѣздные сферы,
А сядьте по-дружески рядом со мной.
Давайте друг другу насмотримся в очи,
А ночи не хватит – сначала начнём.
Ах, кружево строчек! Что кружево строчек,
Когда обжигаетесь вашим огнём!
Когда, пожимая горячую руку
И радость и боль разделяя вполне,
Ты учишь любви непростую науку
И самую нужную на Земле.

Послушай: поэзией греются люди.
Она не для лета.
Она для холодных времён.

***

Это не печаль, это грусть,
Это невзначай — это пусть.
Это мне шиповника шип
Уколол ладони изгиб.
Я во сне тебя целовал.
Миг в сравненье с жизнью так мал.
Но зовёт меня сквозь бег лет
Глаз твоих единственных свет.
Знаю: губ твоих мне не пить.
Знаю: как я жил, так и жить.
Только шип, зажатый в горсти,
Словно крест — до смерти нести.
Кружит снегопад за окном.
Без тебя мне в мире — темно.
Это не сейчас — а всегда,
Это не свеча — а звезда.

***

Ты не думай, что я уступаю тебя
Долгу, городу, миру, мужчине.
Я тебя отпускаю на волю — любя.
Лишь по этой причине.
Разве воздух возможно в груди удержать
Паутиною сердца и дома?

Разве время уже перестало бежать
И у вечности — кома?
Нет, колёса не спят, и жуют шестерни
Невменяемых нервов волокна.
И твоей обделённые нежностью, дни
Смотрят в окна.
Лишь на вдохе июльском была ты со мной,
Август выдохнул: ты — улетела.
Обними меня мысленно, свет неземной,
Как умела...

***

Я медленно к тебе иду,
Как жизнь моя идёт к исходу:
В противоречье плоть и дух,
Но не разделишь дождь и воду.
Я медленно к тебе расту,
Травкою слабою сгибаюсь,
Вершок считая за версту,
И вновь — тянусь, стремлюсь, стараюсь.
Я медленно к тебе лечу,
Как тусклый луч со дна Вселенной —
На тихую твою свечу,
На свет нетленный.

***

Безнадёжное дело поэта —
Извлечение из сумерек света.
Извлечение любви из вражды,
Извлечение из жажды — воды.
Жизнь всё та же и правда горька.
Но когда удаётся строка —
Среди множества пасмурных дней
Станет чья-то минута светлей.

***

У народа детская душа.
Обмануть его — ума не надо.
Он опять, дом обжитой круша,
Строит рай по чертежам из ада.

Здесь придётся жить и умирать,
Светом засеивать земли потёмки.

**И прощать, когда придут ломать
Мир нетерпеливые потомки.**

**У России женская душа.
Перетерпит беды и мытарства
Срез судьбы на флаге государства:
Кровь, небесный купол, Божье царство.**

***

**Я когда-нибудь светом вернусь,
Если будет куда возвращаться,
Если будет планета вращаться,
Если в мире останется Русь.**

**«Пять стихий» литературно-художественное издание.
Журнал не является коммерческим проектом.
Издание безгонорарное.**

Корректор: Е. А. Ратундалова.
Художник: Г. Н. Иванова

*Адрес редакции журнала: 284646
Донецкая Народная Республика,
г. Горловка-46, ул. Пушкинская – 57/48,*

12+ *В соответствии с законом «О средствах массовой информации»
Донецкой Народной Республики от 29 июня 2015 года.*

Материалы принимаются после положительного решения редакционной коллегии. Редакция имеет право отказать автору без указания причин и не вступая в переписку.

Редакция допускает самостоятельное изготовление бумажного варианта журнала по макету, предоставленного авторам в PDF формате, при условии, что самостоятельно изготовленные экземпляры будут соответствующего качества.

Подписано к печати:
Печать лазерная, бумага офсетная.
Гарнитура: SchoolBook, Prosto, Traktir.
Номер выпущен в формате PDF

Учредитель: Нечипорук Иван Иванович (Горловка).

Здание Макарьевской церкви и Штейгерского училища им. С. С. Полякова

Мемориальная доска на фасаде современного корпуса учебного заведения

